

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 1/09

Scientific monthly

Series Political Science
Social and Communicative Studies

Moscow 2009

ВЕСТНИК РГГУ

№ 1/09

Ежемесячный научный журнал

Серия «Политология.
Социально-коммуникативные науки»

Москва 2009

УДК 309
ББК 66.0я43
П 50

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редколлегия серии
«Политология. Социально-коммуникативные науки»

Логунов А.П. – ответственный редактор
Клягин С.В. – заместитель ответственного редактора
Амбросьева Г.В. – ответственный секретарь
Антонова И.Б.
Барышева Е.В.
Калмыков А.А.
Шатилов А.Б.
Шугрина Е.С.

© Коллектив авторов, 2009
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Общество в коммуникации

<i>Калмыков А.А.</i> Политический потенциал принципа свободы слова	9
<i>Иллерицкая Н.В.</i> История и политология: траектория презентизма	20
<i>Кара И.В.</i> Общество и власть: коммуникативные стратегии доверия	29
<i>Штейнман М.А.</i> Неполитический потенциал политического мифа в массовой культуре	38

Политика в обществе

<i>Бойко С.И.</i> Военно-политический потенциал в системе факторов политической стабильности	53
<i>Гордеева М.А.</i> Политическая стабильность как спроектированный конфликт	72
<i>Митрахович С.П.</i> Локализация идеологической и ценностной «игры» российских политических партий	84
<i>Михалева Г.М.</i> Эволюция административных партий в современной России	93

Практики исследований

<i>Денисов Д.А.</i> Идентификация образа врага в политической коммуникации	113
<i>Нарсия Г.М.</i> Преодоление советского прошлого: проблемы и противоречия	127

Сапронова М.А.
Политический плюрализм и социальная стабильность:
в поисках харизматического лидера (на примере Туниса) 133

Федотов Н.А.
Политические риски российского фондового рынка 146

Исследование практик

Ирхин Ю.В.
«Электронное правительство» как форма интерактивной
коммуникации между органами власти и гражданами 160

Левадная А.В.
Политический потенциал PR-кампаний
в финансово-экономической сфере 175

Харкевич М.В.
Внесистемность «государств-изгоев»: реальность или риторика 183

Ляруш В.
Русскоязычные пациенты в США: модель коммуникации 194

Аннотации 207

Сведения об авторах 221

CONTENTS

Society in the Communication Process

- A.A. Kalmykov*
On actual political potential of Freedom of Speech principle 9
- N.V. Illeritskaya*
History and Politology: trajectory of presentism 20
- I.V. Kara*
Establishing political trust through enhancing
communication strategies 29
- M.A. Shteynman*
Non-political potency of political myth 38

Politics in Society

- S.I. Boyko*
Military-Political potential as a factor of political stability 53
- M. Gordeyeva*
Political Stability as a Potential Conflict 72
- S.P. Mitrakhovich*
Localization of the ideological and axiological “game”
of the russian political parties 84
- G.M. Mikhaleva*
Evolution of administrative parties in modern Russia 93

Case Studies

- D.A. Denisov*
Identification of “the images of the enemy” in political
communication 113
- G.M. Narsiya*
Overcoming the Soviet past: Problems and contradictions 127

<i>M.A. Sapronova</i> Political pluralism and social stability: looking for charismatic leader (Tunisia as an example)	133
--	-----

<i>N.A. Fedotov</i> Political risks of Russian stock market	146
--	-----

Field Studies

<i>Y.V. Irkhin</i> E-government as a political communication platform	160
--	-----

<i>A.V. Levadnaya</i> On growing interdependency of political communications, PR-technologies and investment relations on modern Russia	175
---	-----

<i>M.V. Kharkevich</i> Rogue states as non-systemic actors: reality or rhetoric	183
--	-----

<i>V. Larouche</i> Russian-speaking patients in the USA: the model of communication	194
--	-----

Abstracts	215
-----------------	-----

About the authors	221
-------------------------	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ СЛОВА

В постмодернистской традиции коммуникация возведена в ранг базового фактора новой «гиперреальности». По Бодрийяру, гиперреальное – это реальное без истока и причины, которое: 1) более реально, чем сама реальность; 2) операционально, оно не бытийствует, но действует (замена онтологии праксиологией); 3) устраняет саму идею соотнесенности знака, превращая его в пустой: «вместо объекта репрезентации – экстаз его отрицания и ритуального уничтожения: гиперреальность»¹. Соответственно и политическое в гиперреальности преобразуется в трансполитическое, которое, в свою очередь, ревизует базовые принципы функционирования медиа.

По словам М. Хайдеггера, свобода как экзистентное, раскрывающееся бытие наличного владеет человеком изначально, определяя соотнесенность и человека (в современности) и человечества (в истории) с сущим². Однако современные социально-коммуникативные практики становятся барьером между эссенцией (сущностью) и экзистенцией (существованием). Экзистенция сводится к образу действительности, конструируемому с помощью социально-коммуникативных практик, т. е. медиа в широком смысле, и постепенно утрачивает указанную Хайдеггером соотнесенность, в том числе и соотнесенность с личным опытом бытийствования, замещая его медийными протезами мнений и отношений.

С другой стороны, связность, по Хайдеггеру, почти тождественность сущности и свободы придает таким операциональным понятиям, как «свобода слова» и «гласность», почти онтологический статус. Поскольку медиа творит «как бы» реальность, то только следование принципу свободы может обеспечить конгруэнтность гиперреальности «на самом деле» реальности.

Гиперреальность многослойна и многомерна, и требование ее соотнесенности реальности означает, что и реальность также

многослойна и многомерна. Опыт восприятия гиперреальности, таким образом, приводит к отказу от плоских и линейных картин бытия, от прямых причинно-следственных связей, от жестких категориальных делений и от целого ряда базовых различий (например, «общее – частное», «простое – сложное»), к которым привыкло рациональное человеческое мышление. При этом ответственность за установление конгруэнтности реальности и гиперреальности, политического и трансполитического ложится в основном на коммуникативную сферу бытия, т. е. именно в коммуникативной зоне следует заново определять понятия «свобода», «истина», «сущность».

Многослойность гиперреальности подразумевает наличие в ней системы идеологических и политических наслоений, а также всевозможных практик, как будто бы напрямую не связанных с политикой. Однако сама по себе гиперреальность является расширением политического, следовательно все, что к ней относится, есть неполитическое отражение политического и свертка коммуникативного. Причем ближе всего политическое выражается в практике современных СМИ, независимо от того, участвуют ли СМИ непосредственно в политических процессах или же работают во внеполитической зоне. «Свобода слова» для СМИ становится отнюдь не техническим понятием и сводится к тому, в какой степени существующие отношения между журналистом (изданием), читателем (аудиторией), собственником (в том числе и государством) определяют конечный продукт журналистской деятельности: общественное мнение и его инструменты. Иными словами, что такое свобода СМИ в отношениях: журналист – читатель, журналист – собственник, собственник – читатель?

Отношение *журналист – читатель* определяется позицией журналистики. Если журналистика – это призвание, т. е. деятельность, имеющая какую-то высшую цель, то журналисту нужно быть впереди читателя. Если журналистика – это производство чтива, то с точностью до наоборот нужно плестись сзади читателя, чтобы следить, куда он думает повернуть.

На практике есть и та и другая журналистика. Первую можно назвать мессианской, вторую – обслуживающей. И та и другая может быть как плохой, так и хорошей, как честной, так и лживой. При этом журналист все равно остается ответственным не только за достоверность информации, но и за вкус читателя. Чем более низкопробную продукцию выдает бульварная журналистика, тем менее востребованной становится журналистика качественная и тем более сужается область профессиональной и личностной реализации каждого журналиста.

Взаимоотношения между журналистом и читателем, как, впрочем, и любые другие отношения между субъектами, могут быть интерпретированы с помощью простой модели Э. Берна³, при которой всякое взаимодействие может носить характер либо «родитель–ребенок», либо «взрослый–взрослый». Отношения типа «родитель–ребенок» возникают и при мессианской, и при обслуживающей журналистике. Сложнее обстоит дело при возникновении отношений «взрослый–взрослый», т. е. когда и журналист и читатель совместно трудятся в диалоговом общении над совершенствованием реальности. Здесь актуализируется коммуникативная функция журналистики, предполагающая признание читателя соавтором журналистского текста.

Итак, журналистика по отношению к аудитории может находиться в позиции ведущего, ведомого и попутчика. Ее свобода определяется тем, насколько она способна выполнять возложенные на нее функции. С этим же непосредственно связано исполнение журналистикой властной роли. В первом случае – стратегия и целеполагание, во втором – служение, а не обслуживание, т. е. профессионализм в подаче необходимой аудитории информации, в третьем – органическая связь с ценностями, устремлениями и тяготами народа.

Отношение *журналист – собственник* раскрывается в зависимости от того, кого мы подразумеваем под собственником и собственником чего он является.

Собственник в прямом экономическом смысле – это непосредственно владелец того или иного средства массовой информации, использующий его в своих целях, среди которых защита элементарных экономических интересов (прибыль, капитализация, контролирование сектора рынка). Если собственником является политическая сила, то главным становится накопление символического капитала, контроль над рынком идей, пропагандистская деятельность и т. п. И в том и в другом случае существуют рамки политики издания, видения и миссии, в менеджерском смысле этого слова, определяемые собственником и принуждаемые к исполнению сотрудниками-журналистами. Под собственником мы можем также подразумевать государство и общество в целом, которое формирует социальный заказ СМИ и включает некоторые правила, регулирующие их деятельность. Общество в целом является собственником производимой информации, а журналистика – ее пользователем. Поэтому общество обладает правом регулировать потоки информации, закрывать или открывать их.

Общеизвестна философская традиция рассмотрения проблемы свободы вместе с проблемой необходимости⁴. По Далю, «необ-

А.А. Калмыков

ходимый – это нужный, надобный, без чего нельзя быть, нельзя обойтись; чего нельзя обойти. *Мне книги эти необходимы или необходимо нужны. Мель эта необходима, она легла поперек всего русла, образует порог, перекат».*

Иными словами, *не-обходимость* – это пространственное понятие, определяющее непроницаемые стены лабиринта жизненного пути. Обойти или пройти сквозь них невозможно, но можно путешествовать, не натываясь на преграды. Для этого нужно знать их местонахождение, т. е. карту лабиринта. Мера этого знания и есть свобода.

Таким образом, путь к свободе – это путь обретения мудрости и знания⁵. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными»⁶.

Эта постоянно меняющаяся карта вычерчивается в жизненном мире⁷ посредством взаимодействия всех видов деятельности или, упрощенно в нашем контексте, взаимодействия потребителей информационной продукции (индивидуумов и социальных групп) и ее собственников (издательств, политических и государственных структур, бизнес-структур).

Эта карта, или точнее лабиринт, должна являться предметом политического анализа, в котором концепция свободы слова играет роль путеводной нити.

Речь идет о пространстве обмена информацией и идеями, т. е. коммуникативном пространстве, обладающем многомерной метрикой. Причем размерность его определяется объемом знаний: чем больше знание, тем больше вариантов движения по лабиринту и шансов обхода припятствий.

И потребитель информации, и ее собственник взаимодействуют в коммуникативном пространстве, вступая в переговоры о правилах обмена и привлекая СМИ в качестве посредника. Степень свободы СМИ определяется рамками, заданными в результате этих переговоров, и опосредованно зависит от того, кто из участников несет ответственность за конструирование коммуникативного пространства.

Если это прерогатива собственника (модель тоталитаризма), то потребитель заведомо будет помещен в ту часть мира, которая обладает наименьшими степенями свободы (в плоскую или линейную вселенную), и посажен на информационную диету. Если, напротив, за конструирование берется потребитель, то собственник очень быстро будет разграблен, и информация в системе иссякнет (анархическая модель). Альтернативой является участие в процессе конструирования реальности и той и другой стороны. Причем степень участия прямо пропорциональна степени кон-

троля над средствами и инструментами, с помощью которых осуществляется этот процесс, т. е. над СМИ. И та и другая сторона стремятся повысить их эффективность и одновременно ограничить их свободу. Этим трем вариантам участия в конструировании реальности соответствуют три концепции юридически фиксируемой свободы печати и журналистской деятельности: *авторитарная, полной свободы, ответственной свободы*⁸.

Авторитарная (лат. auctoritas – «власть, влияние»), как и ее крайнее выражение – тоталитарная, исходит из того, что пользоваться свободой информационной деятельности могут лишь властные структуры, которые и являются абсолютным собственником информации. Власть представляет интересы доминирующих в обществе политических, экономических и культурных сил. Она обеспечивает снятие ограничений с принадлежащих им СМИ и, наоборот, закрывает возможность для работы «инакомыслящих» СМИ. Именно в рамках авторитарной модели рождается такой инструмент, как цензура.

Противоположная концепция *полной свободы печати* сформировалась в борьбе с авторитаризмом. Лозунг полной свободы печати был сформулирован еще в XVII в. и стал одним из основных требований революционно-демократических сил XVIII в.

Лозунг полной свободы печати базировался на достаточно простой и наивной идее. Революционно-демократические идеи в основе своей истинны. Поэтому они на свободном рынке идей победят консервативно-охранительную идеологию. Характерен риторический вопрос Дж. Мильтона: «Кто знает хоть один случай, когда бы истина была побеждена в свободной и открытой борьбе?»⁹

Полная свобода слова, как и абсолютная гласность, закономерно приводила к ориентации на самого нетребовательного потребителя, т. е. к размыванию культурных традиций, к уплощению информационно-коммуникативного пространства, к энтропии. Поэтому идею полной свободы слова, очевидно, можно отнести к утопической.

Некоторым компромиссом является концепция *ответственной свободы*, которая находит отражение в строгих юридических формах государственного и международного законодательства. В ряде документов зафиксированы определенные ограничения свободы слова, основанием которых является понимание того, что «средства массовой информации обязаны выполнять свои функции с чувством ответственности перед обществом и отдельными гражданами», как записано в документе Совета Европы «Декларация о средствах массовой информации и правах чело-

века». Требование от СМИ действовать ответственно обростаёт и другими существенными запретами (пропаганды войны, расовой исключительности, религиозной, социальной розни и т. д.).

Несмотря на то что принцип свободы слова и принцип гласности регулируют отношения совершенно разных субъектов, и свобода слова и гласность неразрывно связаны как раз журналистской деятельностью. Между наличием исходной информации и возможностью ее публикации должен быть установлен определенный баланс. Если превалирует количество информации над возможностью ее обнародования, то возникает задача ее фильтрации в целях преодоления катастрофического зашумления информационного канала (естественного забалтывания). При обратной ситуации – превалирования возможностей публикации над возможностями получения информации – журналист решает задачу разжижения фактов, бесконечно повторяя одно и то же, приводя никому не нужные детали.

Такое положение не выгодно ни журналистам, ни читателям, ни тем, кто этой информацией владеет, но не хочет с ней делиться. Таким образом, гласность – это не обратная сторона принципа свободы слова, а ее органичная часть.

Сегодня общим местом является тот факт, что СМИ решают задачи не только информирования, но и манипулирования, т. е. несанкционированного изменения поведения (потребительского, электорального, правового и т. п.) в прагматических целях. Отмечая это, А.П. Ситников и М.В. Гундарин ввели понятие прагматических коммуникаций, которые, по мнению авторов, произвели настоящую революцию в политических отношениях и способах социального управления в XX в.¹⁰

Основная направленность эволюции медиатехнологий заключается в том, чтобы с наименьшими затратами средств и ресурсов получить максимальный эффект воздействия. Одновременно с этим в информационных технологиях происходит так называемая дигитальная (цифровая) революция. В рамках обменного взаимодействия потребителя информации и ее собственника агенты обмена – СМИ – постепенно вооружаются до такой степени, что начинают претендовать на собственную роль конструктора реальности, формируя тем самым новый правящий класс – медиакратию.

«Иметь важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть»¹¹.

Проблема свободы слова в медийной реальности сложна, сверхактуальна и многоаспектна. Она тесно связана с широким спектром общественных, политических, экономических, антропологических и даже технологических проблем, но тем не менее поддается схематизации.

Можно предложить схему, основанную на выделении четырех компонентов:

- первый – это свобода говорить, сообразуясь со своим мнением и своей совестью {ХОЧУ ГОВОРИТЬ};
- второй – это свобода слушать, т. е. получать информацию, право знать {ХОЧУ УЗНАТЬ};
- третий – напротив, это право не слушать говорящего, защищаться от деструктивной и просто лишней информации {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ};
- четвертый – право не отвечать на вопросы любопытных, право на конфиденциальность {НЕ СКАЖУ}.

Причем если первые два аспекта широко обсуждаются, то третий и четвертый редко становятся темой профессионального дискурса.

И все же формулировка понятия «свобода слова» в отрицательном виде (защита от информации и защита информации) не менее важна для понимания сущности свободы слова и применения этого принципа на практике, чем ее позитивная формулировка: свободная пресса и гласность.

Все четыре компонента находятся в конкурентных отношениях друг с другом. Свобода журналистики как пространство возможностей возникает там, где достигается консенсус между ними. Право говорения должно учитывать право неслушания, а право получения информации – право ее сокрытия. Объем зоны пересечения этих прав и есть область свободы журналиста. Там, где консенсус не возникает, становится невозможной и журналистика.

Рассмотрим эти позиции во взаимодействии несколько подробнее. На схеме показано, что четыре компонента образуют систему, обладающую шестью связями.

В общем эта схема отражает взаимодействие двух фундаментальных человеческих потребностей:

- потребность участия в обменном информационном процессе (получение информации и излучение – трансляция – информации);
- потребность в самосохранении (сохранение самости, защита от привходящего информационного потока, сохранение приватности от попыток обобществления внутренней информационной структуры).

Схема взаимодействия компонентов принципа «свобода слова»

На схеме мы обозначили эти позиции через интенциональные модусы: {ХОЧУ ГОВОРИТЬ}, {ХОЧУ УЗНАТЬ}, {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ}, {НЕ СКАЖУ}.

Важно отметить, что характер возникающих между ними связей различен. Можно выделить группу радиальных и контурных связей. Причем если контурные связи описывают непосредственное взаимодействие, то радиальные – опосредованное. Контурные связи, в свою очередь, могут быть разделены на две группы по типу обратной связи (положительной и отрицательной), возникающей между ними.

Пары {ХОЧУ ГОВОРИТЬ} – {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ} и {ХОЧУ УЗНАТЬ} – {НЕ СКАЖУ} характеризуются отрицательной обратной связью. Это означает, что они находятся в конкурентном отношении, претендуя на одну и ту же территорию. Усиление одной стороны отношения вызывает ответную реакцию другой стороны. Это означает, что данные отношения создают условия для удержания равновесности всей системы.

Действительно, интенция сообщения вынуждена преодолевать сопротивление интенции блокирования сообщения и наоборот, что приводит одновременно к техническому совер-

шенствованию способов сообщения и способов блокирования сообщений.

Две другие пары отношений {ХОЧУ ГОВОРИТЬ} – {ХОЧУ УЗНАТЬ} и {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ} – {НЕ СКАЖУ}, напротив, характеризуются положительной обратной связью. Усиление одной стороны приводит к усилению другой, поскольку они находятся в состоянии не обмена, а энергетической подпитки. Интенция сообщения подпитывает интенцию познания и наоборот. Поэтому понятия «свобода прессы» и «гласность» находятся в неразрывной связке, а достижение и того и другого осуществляется в одном и том же политическом контексте.

По свойству положительной обратной связи усиление позиций по данным осям может привести к информационному коллапсу, зашумлению информации. Аналогично автономное усиление пары {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ} – {НЕ СКАЖУ} чревато герметизацией общественной жизни. Но обратной стороной является усиление колебательных процессов в системе, которые в конце концов приводят к ее разрушению. И анархия, и тоталитаризм поэтому обречены.

Характеризовать радиальные отношения {ХОЧУ УЗНАТЬ} – {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ} и {ХОЧУ ГОВОРИТЬ} – {НЕ СКАЖУ} как следствие их опосредованности на языке «отрицательная – положительная обратная связь» сложно, так как в них присутствуют и тот и другой типы обратной связи.

Обменный процесс, возникающий между ними, формирует типичный символический рынок. Действительно, я хочу узнать последние новости. Включаю телевизор и получаю вместе с интересующими меня фактами не только набор мне неинтересных, но и манипулирующих мною фактов. Например: мне предлагают рекламу тех или иных товаров, которые мне не нужны, тем самым я вынужден «продавать» часть своей защиты за право получать знания. Однако я могу использовать эти полученные знания, в том числе и те, которые мне не нужны, для того, чтобы совершенствовать механизмы фильтрации нужного и ненужного. Тем самым я все более научаюсь различать одно от другого. Следовательно, желание не знать реализуется через получение знания. Точно так же желание говорить реализуется через соглашение о запретах говорения на определенные темы, а само существование запретов оплачивается их отсутствием.

На основании рассмотренной схемы можно сделать важный вывод относительно стратегии информационной политики: устойчивость системы СМИ как социального института будет воз-

растать, если уделять внимание сбалансированному развитию оси «свобода слова – защита информации» и/или «гласность – защита от информации». Напротив, дисбаланс системы и в конечном счете ее разрушение наступят, если актуализируется развитие только либеральной (свобода слова, гласность) или только охранительной осей.

В совершенствовании методов сбалансированного управления свободой слова, гласностью, защитой информации и защитой от информации, на наш взгляд, заключен политический потенциал неполитического в его информационно-коммуникативном аспекте.

Примечания

- 1 *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 147.
- 2 См.: *Хайдеггер М.* О сущности истины // *Философские науки.* 1989. № 4. С. 88–92.
- 3 Берн Эрик (1902–1970) — американский психолог и психиатр. В разработанном им трансактном анализе выделяется три типа эгосостояния (актуального способа существования Я-субъекта): «Родитель», «Ребенок» и «Взрослый».
- 4 «Свобода есть отсутствие всяких препятствий к действию», поскольку препятствия «не содержатся в природе и во внутренних качествах действующего субъекта» и «все добровольные действия обусловлены необходимыми причинами» (Т. Гоббс); «Поскольку душа познает вещи как необходимые, она имеет тем большую власть над аффектами, иными словами, тем менее страдает от них... Свобода есть познанная необходимость» (Б. Спиноза); свобода возможна лишь «в соединении со всеобщим законом естественной необходимости» (И. Кант); «мера возможной свободы – доступное каждой эпохе сознание необходимости» (В.Ф. Асмус).
- 5 Свобода обязана нашей «любви к мудрости» (Шеллинг); «невежда не свободен, ибо ему противостоит чужой мир», и познание исходит «из стремления устранить это состояние несвободы... Свобода имеет своей предпосылкой необходимость и содержит ее внутри себя как снятую» (Гегель); свобода возлагает на человека «миссию исключительно человеческую: обеспечить существование истины в мире, сделать мир истинным» (Ж.П. Сартр).
- 6 *Ин.* 8: 32.
- 7 Хорошей метафорой жизненного лабиринта является зона из фильма Андрея Тарковского «Сталкер», про которую главный герой го-

Политический потенциал принципа свободы слова

ворит, что зона – это система ловушек, все они смертельно опасны: «Я не знаю, что происходит в зоне, когда в ней нет человека, но как только человек появляется, все приходит в движение. Бывшие ловушки исчезают, а безопасные места становятся непроходимыми. Я считал ее капризной, но потом понял, что причиной изменений являем мы, а не она».

- 8 См.: *Сиберт Ф.С., Шрам У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. М., 1998; см. также: *Last rights: Revising four theories of the press.* Urbana; Chicago, 1996.
- 9 История печати: Антология. М., 2001. С. 59.
- 10 См.: *Ситников А.П., Гундарин М.В.* Победа без победителей. М.: Имидж-Контакт, 2003.
- 11 *Politikwissenschaft: eine Grundlegung.* Bd. 2 / Hrsg. K. von Beume. Stuttgart; B.; Köln; Mainz, 1987. P. 60.

Иллерицкая Н.В.

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ: ТРАЕКТОРИЯ ПРЕЗЕНТИЗМА

История по своему смыслу имеет дело с интерпретацией прошлого. Историческое познание развивалось в тесном взаимодействии с другими социальными науками, постоянные контакты с которыми модифицировали облик истории, дали ей возможность проникнуть в новые области знания, применить новационные исследовательские методики. Благодаря такому взаимопроникновению история всегда соответствует своему времени, т. е. несет в себе все основные научные парадигмы эпохи. Совершенно очевидно поэтому, что наиболее тесные контакты сложились у исторического знания с социальными науками, вырабатывающими и систематизирующими знания о современности, в первую очередь с политологией через их общее основание – политическую историю и историографию. Взаимодействие проявляется в единстве предметов и методов исследования. Наиболее ярким примером связи истории и политологии стало первенствующее положение, которое в исторической тематике заняли политические сюжеты.

Политическая тематика в истории утверждалась весьма медленно. Создание властных структур абсолютизма, политическое оформление нового общества, складывание новой государственности подготовили благодатную почву для развития исторического и политического знания.

В Новое время история в конструировании образа прошлого оказалась генетически связанной прежде всего с политическими процессами, поскольку история выполняла функцию обществоведения и добывала знания для настоящего, а стало быть, участвовала в решении проблем современности. Собственно, это и предопределило фундаментальность презентизма для исторического познания. В данной статье представляется целесообразным сосредоточиться на проблеме презентизма в истории и политологии.

Направление «презентизм» (от *present* – настоящее, современность) оформилось в начале XX в. в американской исторической школе. Теоретически презентизм связан с философией прагматизма, которая наиболее отчетливо была представлена в трудах Ч. Пирса и Дж. Дьюи.

В XIX в. отношения между социальной теорией и политической историей радикально изменились: в период, когда история только становилась наукой, настоящее с его идеологическими и социально-политическими факторами играло для исторического дискурса решающую роль. В историографии утвердился вариант политических исследований, в которых обосновывалась положительная роль государства и власти. Изменился и баланс между социальными и политическими компонентами: политическая история стала бесспорным лидером историографии. История была пристрастной, идеологизированной, и это воспринималось как норма. Власть настоящего являлась определяющей для трудов историков¹.

Подъем политической науки во второй половине XIX в. объясняется не только обстоятельствами развития исторического знания, но и политическими факторами, такими как становление национальных государств и оформление национального самосознания, а также актуализация национализма. Политическая теория стала одним из первых элементов в фундаменте историзма, что позволило разработать его современные принципы: проблемы традиции и преемственности как фактор стабильного развития государства и нации. Политическая доминанта в исторической темпоральности привела к тому, что именно политические события определяли связь времен. Представления из сферы политической теории сконструировали формы исторического детерминизма, такие как причинно-следственные связи.

Свое классическое выражение политическая история обрела в немецкой исторической школе XIX в. Высокий статус «политики» и «государства» привлек внимание историков к совершенно новым историко-государственным документам.

В XX в. положение политической истории в интеллектуальном пространстве постепенно меняется. В 1960-е годы политическую историю столь же категорично относили к самой теоретически отсталой отрасли исторического знания, как век назад считали ее самой передовой. К 70-м годам XX в. потребуются полное методологическое переосмысление политической истории: конструирование структур, применение методов социального анализа и исторической антропологии для того, чтобы политическая история смогла присоединиться к «новым» субдисциплинам.

Н.В. Иллерицкая

В конце 1980-х годов внимание историков вновь привлекут механизмы власти, но уже на новых основаниях. Само по себе возвращение к теме политики явилось реакцией на критику исторического нарратива, а стало быть, на уничтожение сюжета в истории, на ее проблематизацию². В политической истории появились совершенно новые направления: политический символизм, политическая ментальность, политические компоненты в истории культуры и религии, политическая историография. Во второй половине 80-х годов произошло знаменательное событие: итальянские историки, опередив историческую науку, осуществили исследование по микрополитологии в истории. Микроанализ в политической истории оказался связанным с применением социологических моделей, таких как изучение феномена коммуникации.

Таким образом, между политической историей и политологией просматривается теснейшая связь: политология существует в историческом пространстве и только в историческом измерении приобретают смысл ее аргументы. Политологи активно используют эмпирические данные, добытые и сконструированные историками, поэтому корректность этой взаимосвязи и взаимообогащения особенно актуальна.

Для истории и политологии характерна редкостная общность в обоюдных нарушениях условной границы между прошлым и настоящим. При этом историки активно рефлексировать проблему презентизма, осознают неизбежность его присутствия при формировании образа прошлого, ищут пути минимизации негативного воздействия презентизма на историческое конструирование. Для политологов проблема презентизма гораздо более насущна, чем для историков, хотя бы в силу меньшей теоретико-методологической разработанности политологии как науки. Однако политологи, как представляется, вплотную осмыслением плюсов и минусов презентизма для своей науки не озаботились. А если какая-либо наука не предпринимает теоретических усилий по осмыслению собственных методов процесса познания, то ее данные и выводы, а тем более прогнозы не могут претендовать на научную значимость. Со своей стороны считаю возможным подчеркнуть, что все достоинства и недостатки презентизма, характерные для исторического знания, полностью экстраполируются и на политологию, но у последней возникают и собственные трудности.

Осознание пристрастности и политизированности истории стало отличительной чертой историографии Нового времени, когда было признано, что требования настоящего изменяют про-

шлую социальную реальность: прошлое в ретроспективе интерпретировалось по-разному и становилось порождением настоящего. Стало очевидным, что способы членения прошлого, настоящего и будущего определялись не одним выбором познавательных методов, но и идейно-политическими взглядами и пристрастиями исследователя. В этом контексте конфигурация исторической концепции Нового времени приобрела свои особенности: перед историей надлежало чувствовать свою ответственность; история была прогрессивной; для исследователя естественным и обязательным было занятие определенной партийной позиции, дающей возможность действовать политически. И тем не менее историки-современники, даже строго соблюдая эти принципы, в результате создавали разную историю, в которой всегда присутствовал идеологический подтекст. В этой ситуации на первом месте оказалась партийная, идеологизированная история. Примат настоящего актуализировал создание национальных историй и идеологических направлений, что еще больше сблизило историю и политологию.

Все идеологии, как известно, имеют свою картину социальной реальности. Представители самых разных идеологических концепций полагают, что социальная реальность может быть изменена, если целенаправленно воздействовать на сознание общества и соответственно манипулировать политической активностью различных страт. И хотя все идеологии – либеральная, консервативная, социалистическая – признают неизбежность социальных изменений, они по-разному оценивают их желательность, темпы и способы.

На идеологическую временную картину социальной реальности огромное влияние оказывает соответствующее представление о настоящем и будущем. Достижение искомого социального идеала предполагает необходимость движения в будущее, даже прорыв в него. В такой интерпретации социальных целей политическая деятельность конструируется как конфликт и каждая «истинная» доктрина рассматривается как путь верного политического поведения. Таким образом, идеологически предопределенное будущее становится основой для постоянной смены интерпретаций прошлого как для историка, так и для политолога.

Однако в последнее десятилетие XX в. в связи с постмодернистским подходом очевидно ослабевают классические формы идеологии в конструировании социальной реальности, в результате чего будущее уже не рассматривается как линейное прогрессивное развитие в исторической перспективе: будущее стало чем-то непрограммируемым.

Н.В. Иллерицкая

В 1960-х годах изучение будущего приобрело форму философии, которую пытались противопоставить идеологии. Прогнозы, особенно политические, стали весьма почетным занятием. В начале 1980-х годов они получили значительное распространение на Западе в виде «науки о будущем», которая тщила монополизировать прогностические функции всех научных дисциплин. Сложились даже направления в социально-политическом прогнозировании: направление социального оптимизма (Р. Арон, З. Бжезинский и др.) и алармистское направление (О. Тоффлер, Ф. Полак и др.)³. Однако в условиях постмодернизма была сознательно утрачена способность видеть будущее в контексте историзма. Такое историческое понятие, как «необходимость», стало заменяться психологическими терминами «выбор» или «сценарий», что означало переход к постмодерности.

Сейчас уже можно с уверенностью сказать, что постмодернистские новации не принесли желаемого позитива: утрата исторической ретроспективы и перспективы оказалась совершенно пагубной для любого прогнозирования, а для политического особенно. Ни оптимистические, ни алармистские прогнозы не сбылись, а в мире сложились совершенно неожиданные для прогнозистов геополитические конфигурации. Это еще раз подчеркнуло ущербность для социальных наук любых попыток уклониться от власти исторического контекста.

Презентизм жестко постулирует представление о том, что прошлая социальная реальность (т. е. история) не может быть «реконструирована», ее можно только заново сконструировать. Это создает трудности для историков, поскольку в рамках презентизма, в противоположность позитивистскому подходу, история рассматривается не как познание прошлой объективной реальности, а как мысленная картина, создаваемая в настоящем и становящаяся частью настоящего, ибо реально только настоящее. Иными словами «прошлое... возникает лишь в силу того, что к нему обращаются»⁴. Б. Кроче, один из первых последовательных теоретиков презентизма, трактовал историю как органическую связь прошлого и настоящего. По его мнению, индивид, творящий историю, стремится «пережить и переосмыслить прошлое в настоящем»⁵. Неаполитанский философ определял свои теоретические позиции как «абсолютный историзм», одним из постулатов которого стал тезис о современности истории: всякая подлинная история всегда современна, поскольку мы «познаем ту историю, которую важно знать в данный момент»⁶.

Тогда встают вопросы: где же проходит водораздел между прошлым и настоящим и чем исторические исследования отли-

чаются от политической аналитики? Такая интерпретация воспринималась как угроза для исторических исследований, но оказалась весьма плодотворной для политологии. В 1960-е годы активизировалась дискуссия о современности и современной истории. Именно в это время исследователи начали говорить об изменении отношения к настоящему, реализацией чего стала «история современности».

«Время историка» весьма специфично: историческое исследование всегда представляет собой синтез прошлого и настоящего. И хотя историки не испытывают особых психологических трудностей в связи с этим, проблема осознавалась ими давно. Какое бы событие ни интересовало историка, он хорошо представляет себе, что было до него и какие наступили последствия. Часто с течением времени пределы осведомленности о событии прошлого расширяются, особенно в связи со знанием последствий. В любом случае эти изменения меняют и интерпретацию событий.

Современник обладает некоторыми преимуществами перед исследователем прошлого – он является очевидцем событий. Перед историком стоит задача изучения отсутствующего предмета. Даже самый изощренный исследователь не может полностью погрузиться в атмосферу описываемого прошлого. Кроме этого, всегда возникают проблемы с идеологическим подтекстом, неустранимо присутствующим в любом тексте. Но во всех случаях преимущества историка перед современником столь велики, что перевешивают все сложности. В итоге историк всегда «умнее» современника: он видит прошлое вместе со всеми последствиями, ибо история уже свершилась. Преимуществом историка является и его профессионализм, разработанность источниковедческого, историографического и теоретико-методологического аппарата исторической науки. Именно знание последствий позволяет историку понять прошлое.

У профессиональных историков, конструирующих прошлую социальную реальность и самостоятельно добывающих эмпирические данные, всегда есть ощущение дистанции и понимание уникальности любого исторического времени и события. Однако историк находится в настоящем. В связи с этим интересы историка предопределяются насущными вызовами современности. Историкам никогда до конца не удавалось забыть о настоящем, даже тогда, когда их исследовательские интересы были очень далеки от настоящего. Б. Кроче писал: «Дройзен облакает свою тягу к сильному централизованному государству в форму истории Македонии – своего рода древнегреческой Пруссии; для

Н.В. Иллерицкая

Грота символом вождельных демократических институтов являются Афины; Моммзен ратует за империю, воплощенную в личности Цезаря; Бальбо страстно сражается за итальянскую независимость на полях всех итальянских битв, начиная ни много, ни мало с битв италиков и этрусков против пеласгов; Тьерри прославляет буржуазию, рассказывая историю третьего сословия»⁷. Эти обстоятельства смущали и смущают историков, потому что они понимают свою невольную ангажированность.

Из невольной пристрастности историка вытекает и болезненная для историков проблема «объективности», которая обсуждается прежде всего с позиций правомерности оценочных суждений. Современная теоретическая социология предлагает разрешить конфликт между «объективностью» и «субъективностью» с помощью концепции «интерсубъективности», которая предполагает следование конвенциям профессии, однако это зыбкие ориентиры, поскольку сами конвенции меняются с течением времени.

В определенном смысле презентизм следует рассматривать как стремление к «объективации» исторического знания, что сформулировал Б. Кроче, и это безусловно сильная методологическая позиция. Кроче считал, что презентистский подход дает возможность отвести сомнения «относительно правдоподобия и пользы истории. Может ли быть неправдоподобным то, что сейчас рождено нашим духом? Может ли быть бесполезным знание, разрешающее проблемы самой жизни?»⁸

Таким образом, презентизм в социальных науках стал большим теоретико-методологическим достижением, но, разумеется, не абсолютным: у него были сильные и слабые стороны. О сильных сторонах речь уже шла, обратимся к явным недостаткам презентизма.

Одним из самых распространенных негативных следствий презентистского подхода в социальных науках, особенно в политических, является понимание исторического прошлого как источника опыта. Причем к опыту обращаются в первую очередь политические науки при необходимости определения политической линии и принятия политических решений, а также для оправдания этих решений и действий.

Презентистский подход инициирует использование исторического опыта и при конструировании будущего. Причем привлечение прошлого для обоснования будущего характерно не для текстов профессиональных историков (они благоразумно воздерживаются от прогнозов), а для публицистических и политологических дискурсов. Для политологов привычно прибегать

к выстраиванию моделей прошлого, к которым якобы следует вернуться в периоды кризисов, когда общество оказывается в ситуации сложного политического выбора. Но это спекулятивная позиция, поскольку политологи не задаются вопросом, насколько в методологическом и эмпирическом плане репрезентативна та интеллектуальная конструкция, которую они определяют как исторический опыт и, следовательно, как социальный идеал.

Существует и более сложная модель презентистского обращения к прошлому: стремление придать обществу чувство уверенности. Именно эту цель и преследует «история современности», которая в последние десятилетия XX в. стала способом историзации настоящего. Интересами настоящего руководствуются и представители контрфактической истории, которая чрезвычайно активизируется, когда происходит переоценка недавнего прошлого. Но поисками альтернатив в прошлом, рассуждениями на тему «что было бы, если бы...» особенно увлекаются политические публицисты и политологи, историки соблазняются альтернативной историей редко и воспринимают ее как непрофессионализм. Современные историки сознательно стараются избежать переноса понятий и явлений настоящего в прошлое, стремятся показать уникальность тех или иных феноменов прошлого, что является своеобразной борьбой с негативом презентизма.

Одним из вредных последствий презентистского подхода следует считать поиски в прошлом тех следов, которые якобы должны прямо привести к настоящему, то, что иначе определяют как ретроспективный метод. К этому методу обычно прибегают при конструировании национального прошлого в политической истории, отчего у нации неожиданно обнаруживаются неправдоподобно длинные корни⁹.

Таковы следствия для социальных наук презентистского подхода, доминирующего в современной историографии. Главным стало то, что исследователи в массе своей уже согласны с тем, что современная интеллектуальная ситуация выводит за грань научности реконструкцию, оставляя нам только конструирование как прошлого, так и настоящего и будущего.

Историки понимают, что устранить презентизм из исторической науки невозможно. Они пытаются найти способы его ограничения через категорию Другого, которую полностью игнорирует презентизм. Именно понимание прошлого как Другого накладывает жесткие ограничения на профессионального историка. Политология же естественно обосновалась в пределах презентизма и, похоже, не осознает его угроз. Представляется, что это следствие определенного теоретико-методологического

Н.В. Иллерицкая

нигилизма политологии, который необходимо преодолевать, а для этого в первую очередь разработать основы политического источниковедения и методологии. Конечно, это задачи будущего, но это задачи неотложные, решением которых нельзя пренебрегать, не нанося ущерба научному образу политологии.

Примечания

- 1 Подробнее см.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: в поисках утраченного. М., 1997. С. 97–99.
- 2 См.: *Дюби Ж.* Развитие исторической науки во Франции после 1950 года // *Одиссей-1991.* М., 1992. С. 57.
- 3 Подробнее см.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. Т. 2: Образы прошлого. СПб., 2006. С. 362–363.
- 4 *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности: Пер. с нем. М., 2004 [1992]. С. 31.
- 5 *Кроче Б.* Теория и история историографии. М., 1998. С. 9.
- 6 Там же. С. 10.
- 7 Там же. С. 23.
- 8 Там же. С. 11.
- 9 Подробнее см.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* О пользе и вреде презентизма // «Цепь времен»: проблемы историографического сознания. М., 2005. С. 78–88.

И.В. Кара

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ДОВЕРИЯ

Социальные явления вызывают большой научный интерес в связи с тем, что могут быть изучены специалистами различных сфер гуманитарных наук. И каждое новое исследование не только дополняет предшествующее, но и углубляет наше понимание предмета. Феномен доверия как «неосязаемая сущность» и его возрастающая значимость в современном мире действительно представляется чрезвычайно интересной темой для научного анализа.

Все сферы человеческих отношений пронизаны доверием. В связи с этим зарождение феномена доверия можно отнести к первобытному обществу, когда доверие между людьми являлось его основой и имело свои этапы развития по мере развития общества: «Чем больше возрастали между людьми солидарность, взаимное доверие, взаимопомощь, коллективность, тем лучше они были приспособлены к жизни, друг к другу, главным образом, благодаря степени кооперации между людьми»¹.

«Питать доверие» (в латинском языке – *credo*) означает «сердце даю» или «сердце кладу». Понятия «доверять» и «верить» в некоторых языках первоначально имели общее значение – «выбирать»². Из этого следует, что доверие, выступая своеобразным «капиталом» отношений, обеспечивает их необходимую стабильность и продолжительность, а следовательно, и психологический комфорт индивида в обществе.

Феномен доверия привлек внимание деятелей науки только в двадцатом столетии. Одними из первых были философы, которые трактовали доверие как состояние, в силу которого мы полагаемся на какое-либо мнение, кажущееся нам авторитетным, и потому отказываемся от самостоятельного изучения вопроса. И в самых ранних, и в более поздних источниках философских исследований доверительные отношения представляются как подлинный фундамент любой человеческой и общественной конструкции, в

И.В. Кара

основе которой – уверенность в том, что одни люди не будут эксплуатировать добрую волю других³. В начале XX в. эти проблемы поднимались в работах Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Б.А. Вышеславцева. В философских исследованиях второй половины XX в. проблема доверия рассматривалась в контексте этико-философского анализа, изучались социальные и нравственные аспекты доверия, определяемого социальными нормами.

Интерес к феномену доверия в научной деятельности также проявили психологи. Исследования психологов Э. Эриксона, К.Р. Роджерса, Э. Шосторма доказали, что доверие – это прежде всего психическое состояние, характеризующее отношение субъекта (индивида, социальной группы) к человеку или социальному объекту, явлению. Оно может возникнуть лишь в процессе общения и не является врожденным. Вместе с тем доказано, что чувство доверия формируется у человека очень рано на основании опыта уже первого года жизни и превращается в установку, определяющую отношение человека к себе и к миру. Это говорит о том, что доверие принадлежит к числу важнейших психических состояний человека, обусловленных опытом социализации личности, а чувство глубокого доверия к себе, людям, миру, по мнению Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко, составляет краеугольный камень здоровой личности⁴.

Таким образом, доверие – это психическое состояние, характеризующееся как проявление самостоятельной установки отношения человека к людям, к себе, к предметам внешнего мира, выполняющее в его жизни ряд фундаментальных функций.

В социологических источниках, авторами которых являются Д. Алмонд, Б. Байер, Л. Бос, П. Бурдые, Р. Иглегарт, Н. Луман, Т. Парсонс, А. Селигмен, Ф. Фукуяма и другие, доверие представляется как социальная добродетель и созидание благосостояния, характеризуется как возникающее в рамках определенного сообщества ожидание того, что его члены будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами, культурными традициями, обычаями, общими этическими ценностями. Социолог Т. Парсонс считает, что доверие является ожиданием взаимности в осуществлении каких-либо действий и воспроизводство социальных отношений возможно только тогда, когда взаимодействие между отдельными членами не требует предоставления гарантий как обязательного условия этого обмена⁵. Сказанное – не похвала доверчивости, а признание необходимости ослаблять всеобщую подозрительность. Цивилизованное общество не может функционировать без высокого уровня доверия.

Мы сталкиваемся с феноменом доверия в межличностных отношениях, в общественных процессах и, разумеется, в экономике, бизнесе. Доверие человека к самому себе является важным условием психологического равновесия личности, цельности ее Я-концепции, открытости к коммуникации с внешним миром. Доверительность в межличностных отношениях способствует интеграции, сплоченности семьи, влияет на прочность деловых связей, устойчивость команд и объединений. Оно обеспечивает интеграцию и стабильность общества. Подчеркивая роль доверия в организации общественной жизни, известный американский социолог А. Селигмен отмечает, что власть, господство и насилие на какое-то время могут решить проблему социального порядка, организации разделения труда, но «они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долгосрочной перспективе»⁶.

Доверие всегда затрагивает вопросы власти, четко демонстрирует отношение людей к устройству и деятельности государственных структур и отражает массовые настроения в обществе. В.Ф. Халипов и Е.В. Халипова дают следующее определение доверия в политике: «Это социально-психологическое чувство; одно из важнейших условий успеха политических партий и властей; состояние приверженности к действиям тех или иных политических сил, конкретных лиц, деятелей, властных структур, присущее как отдельным людям, так и социальным группам. Доверие рождается в среде граждан и несет на себе их надежды на улучшение жизни, веру в осуществление интересов, удовлетворение потребностей, желаний и т. д.»⁷.

Доверие является частью механизма легитимации властного авторитета, обеспечивая социальную базу поддержки властных институтов и проводимого ими политического и экономического курса. Как известно, основной процедурой легитимации власти в условиях демократии являются выборы, когда происходит взаимообмен ресурсами в рамках одного общества. Сами выборы выступают как обмен социальной поддержки избирателей на перспективные решения власти. Этот процесс можно интерпретировать как процесс кредитования политики. Доверяя конкретным политикам и отказывая в поддержке другим, избиратель рискует определенным образом. Но этот риск, в понимании избирателя, есть средство минимизации опасений, неуверенности в будущем.

На доверии должны строиться взаимоотношения представителей власти и общества. В период реформ в 90-е годы этот принцип построения взаимоотношений власти и общества не соблюдался.

И.В. Кара

В результате длительных преобразований, проводимых в нашей стране, в 90-е годы наблюдалось определенное разочарование населения деятельностью органов государственной власти, что послужило одной из причин падения авторитета органов власти в глазах общественности, значительное снижение доверия людей к ним.

Результатом снижения доверия избирателей к властным институтам стало нежелание общества пользоваться своим правом голоса. Это носило осознанный протестный характер, в основе которого лежали как неверие в демократичность выборов, так и недоверие конкретным кандидатам и партиям. Как правило, за этим стоят более глубокие причины – разочарованность индивида в политическом режиме, негативный экономический опыт, приобретенный в ходе рыночных реформ.

В ходе перестроечного периода по доверию как социальному феномену в российском обществе были нанесены «сильные удары». К ним относят поведение существующих элит и то, как его воспринимает общество, разочарование результатами реформ и безудержное мошенничество на рынке. Люди привыкли доверять информации, исходящей из официальных источников: телевидения, радио, прессы. Хлынувшая с экранов телевизоров агрессивная реклама коммерческих банков, инвестиционных фондов нашла свой отклик у россиян. Миллионы обманутых вкладчиков в одночасье лишились сбережений всей своей жизни. Воодушевление первых лет перестройки фиксировалось и в восхищении яркими политическими фигурами тех лет. Однако резкое ухудшение условий жизни привело к разочарованию в политических кумирах, потере доверия к выборам и руководству страны. Ситуацию конца 90-х годов аналитики единодушно называли кризисом доверия. Люди перестали верить не только политикам, но и тем, в доверии к кому мы не должны сомневаться: представителям правоохранительных органов, врачам.

Отражение недоверия ясно видно по составу голосовавших в 90-е годы избирателей. В конце 90-х годов в большинстве регионов на выборы с трудом удавалось собрать необходимые для того, чтобы выборы состоялись, 25% избирателей. Учитывая то, что за победившего кандидата голосуют, как правило, не больше 40% пришедших на выборы, от общего числа избирателей, победителя определяют 10% населения. Больше всего на выборы приходят люди старше 50 лет. Получается так, что руководство регионов, городов, их будущее определяли примерно 10%, главным образом, пожилого населения. Основной причиной неявки людей на избирательные участки служит недоверие людей к политикам и институту выборов⁸.

Сегодня ситуация в России несколько изменилась. Уже достаточно продолжительное время рейтинг доверия к руководству страны держится на высоком уровне. Регулярные выплаты заработной платы, стремление к выполнению своих обещаний, национальные проекты, затрагивающие острые проблемы, неформальное общение с народом способствовали установлению диалога между президентом и гражданами России.

В настоящий момент в российском обществе сложилась уникальная ситуация. На фоне недоверия граждан к государственным, властным органам четко прослеживается высокий рейтинг доверия к президенту. Доверие избирателей – важный ресурс для политика, дающий ему возможность осуществить нужные обществу преобразования, опираясь на поддержку населения страны. Однако неоправдавшиеся надежды чреваты серьезными социальными последствиями. Сначала будет потеряно доверие избирателей, а результатом этого может стать публичное проявление несогласия с проводимой политикой и отказ в поддержке. А президент без общественной поддержки – слабый президент без ясных перспектив в будущем. Претворить позитивные изменения в обществе возможно лишь на основе доверия широких масс к власти и ее представителям. Только доверие к ним может объединить людей и вовлечь различные социальные группы в процесс перспективного взаимодействия.

Успех политиков, чьи полномочия определяются в ходе выборов, еще в большей степени зависит от умения завоевать доверие. Решить эти задачи сегодня непросто. Даже несмотря на то что сегодня уровень доверия к властной вертикали возрос и кульминация кризиса доверия в российском обществе осталась позади, проблема недоверия в политической сфере продолжает оставаться довольно острой.

Президент и другие видные деятели в политике – это лишь вершина айсберга властной пирамиды. Фундамент властной вертикали высоким уровнем доверия пока не отличается. Доверие граждан – это особый источник силы государственной власти и одновременно показатель ее эффективности. Власть, которая не пользуется поддержкой населения, которой не доверяют люди, недолговечна. Поэтому в настоящее время одной из наиболее важных задач, стоящих перед органами власти в нашей стране, является задача укрепления доверия населения и повышение своего авторитета.

Доверие людей к власти – это, на мой взгляд, высшая ценность и основополагающий фактор, который дает возможность консолидировать политическую волю, кадры, ресурсы для реше-

И.В. Кара

ния проблем развития страны и экономики, повышения уровня жизни людей. Поэтому тот кредит доверия, который сложился в ходе очень важных событий за последнее время, включая и выборы президента, – это бесценный ресурс, который надо беречь и укреплять. Нельзя сегодня говорить о том, что представители власти и политические деятели бездействуют. Проблема заключается в другом. В нашей стране простые граждане и представители власти – это обособленные друг от друга анклав. Поэтому важно, чтобы доверие укреплялось не на основе спекулятивных популистских игр власти с обществом, а в первую очередь путем формирования прозрачной, морально ответственной власти, постоянного диалога государства и общества, власти и бизнеса, наличия обратной связи между властью и обществом, стремления власти создавать механизмы, в основе которых стремление общества контролировать власть и, безусловно, четкая связь между тем, как развивается экономика и улучшается жизнь каждого живущего в России, понимание людьми логики событий, происходящих в нашей стране, доступ к объективной информации, возможность влиять на те или иные решения, связанные с формированием государственной политики. Для установления доверия важно все то, что консолидирует. И только тогда можно быть уверенным, что доверие будет расти и укрепляться. Если говорить о сегодняшних критериях, то пока существует очень высокий кредит доверия не к власти в целом в России, а к отдельным персоналиям (президент, премьер-министр и некоторые другие). Беспрецедентно высокий, особенно если сравнивать с предыдущими периодами. Но это доверие небесконечно. Как говорят в народе, от любви до ненависти – один шаг. Поэтому сегодня необходимо ни на йоту не забывать о бесценном ресурсе доверия. И каждый шаг системной и профессиональной работы структур власти должен быть направлен на укрепление доверия социального статуса в современном российском обществе.

С уверенностью можно заявлять, что проблема доверия стала одной из центральных для современного общества. Создавшееся положение обязывает действующих и будущих политических лидеров не только к большей ответственности и учету допущенных ошибок, но и к применению научно обоснованных стратегий и мер, направленных на восстановление и укрепление доверия к ним, повышение значимости и авторитета в глазах населения власти, которую они представляют.

Одной из нерешенных проблем власти, которая тормозит процесс укрепления доверия к власти в глазах населения, является отсутствие продуманной коммуникационной стратегии. Вла-

стные институты недооценивают использование каналов коммуникации в процессе повышения доверия к власти среди населения. Имеется в виду то, что власти трудятся на благо российского общества, но о промежуточных этапах или о конечных результатах работы простые граждане не знают или узнают только от представителей высшего эшелона власти. Возможно, это тоже является стратегией, но она не решает проблему доверия комплексно, по отношению ко всем ветвям власти. Если представители власти не получают возможности вести диалог с народом (как это делает президент) и декларировать о своих успехах и неудачах или недооценивают эффективность обратной связи с населением, то доверие к власти очень долго будет оставаться на низком уровне, даже несмотря на высокие результаты деятельности и отчетности с высокими показателями. И в сознании людей будет еще долгое время всплывать картина «бездействующего и никчемного» представителя власти, который просто отсиживает свой срок и «набивает карманы» путем взяток и откатов.

К разработке и использованию коммуникационной стратегии необходимо подходить с особой тщательностью, потому что правильно выстроенная коммуникация может стать дополнением к успешной деятельности государственных институтов. При отлаженной и своевременной коммуникации даже неудовлетворительные результаты деятельности могут быть восприняты доверительно. Избиратель склонен оценить, что его вовлекают если не в процесс принятия решений, то хотя бы в процесс активного наблюдения. В другом случае даже позитивная информация при неверном разъяснении может быть интерпретирована по-своему. Коммуникационная стратегия должна быть четко продумана, в ней должны быть проанализированы возможности различных коммуникативных технологий и оценена эффективность их применения при решении тех или иных задач. Контакты с населением должны быть перманентными. Ведь даже в межличностном общении постоянные контакты располагают к доверию, а обособленность это доверие не развивает, а порой и подрывает.

В преддверии политических баталий в России политические деятели и политические объединения из года в год допускают один и тот же «промах» – за доверие населения начинают бороться только за полгода до выборов. Порой в политическом багаже у них даже нет идеи или цели, на основе которых можно объединить людей. По мнению некоторых исследователей (Е.Б. Шестопал), в начале 1990-х годов таким объединяющим фактором являлась демократическая идея, которая впоследст-

И.В. Кара

вии лишилась всеобщего признания в условиях неэффективной социально-демократической политики⁹.

Необходимо понимать, что доверие завоевывается не один день и не два и требует длительной кропотливой работы. Поэтому по прошествии очередных выборов следует разрабатывать с опорой на результаты состоявшихся выборов новую коммуникационную стратегию, ставить новые задачи – и начинать их решать сразу же по окончании волеизъявления граждан, с возможностью их корректировки в процессе работы, чтобы к следующим выборам подойти во всеоружии, использовав время между выборами в свою пользу.

Завоевать доверие в современной политической реальности – задача для политиков первоочередная, даже если для ее решения им придется порвать со старой институциональной, политической и социальной культурой. Новая политика означает, что политикам придется заботиться об общественных интересах, а не видеть в общественной жизни возможность «набивать карманы» за счет общественных средств. Политики не должны быть связаны с какими-то конкретными экономическими интересами, даже если восстановление экономики становится приоритетной задачей. Оптимальный способ достижения экономического прогресса – прозрачное государственное управление, обеспечивающее ответственность политиков за свою работу, и наличие сильных законов, позволяющих людям действовать в безопасных условиях.

Правильно организованная коммуникативная политика позволит информировать население о новой форме и роли властных органов. Государственных служащих можно будет просвещать относительно природы и важности общественного интереса. Прозрачная и подконтрольная система управления способна решительнее противодействовать злоупотреблениям на рынке и организованной преступности. Однако ввести доверие простым указом невозможно. Оно возникает как привычка и требует постоянной практики. Поэтому идеальный вариант взаимоотношений общества и власти выглядит следующим образом: представители власти исправно делают свою работу, информируя об этом население страны. Оценив отношение властей к себе, их деятельность, население ответит увеличением или падением уровня доверия.

- 1 Рутковский Б.А. Понятие доверия в марксистской этике. Дис. канд. ... филос. наук. Киев, 1967. С. 18.
- 2 См.: Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. С. 367.
- 3 См.: Буари Ф. Паблик рилейшнз, или Стратегия доверия. М.: Инфра-М, 2001. С. 22–23.
- 4 См.: Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Указ. соч. С. 367.
- 5 См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 82.
- 6 Селигмен А. Проблема доверия: Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 7.
- 7 Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба: Словарь. М.: Луч, 1996. С. 83.
- 8 См.: Доверяют ли россияне правительству и его главе // Еженедельный бюллетень социологических сообщений ФОМ–инфо. 1999. № 8 (253).
- 9 См.: Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000. С. 71.

М.А. Штейнман

НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА
В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Мифология в высшем смысле слова – это власть, которой язык располагает над мыслью.

М. Мюллер

В настоящее время понятие «миф», застывшее было в неустойчивом равновесии между «общекультурным» и «политическим» наполнением, начинает склоняться в сторону «политического» и прочно закрепляется в современной политологии. Однако в современном политическом дискурсе слово «миф» медленно, но верно становится синонимом «обмана», входя в набор манипулятивных технологий.

Изначально термин «миф» понимался как специфический способ организации мировосприятия – через действие (ритуал) и слово (сообщение о ритуале). В этом случае особенно следует отметить органичность подобной модели мифа: она базируется на основополагающих особенностях психики и не может быть навязана социуму извне. Залогом особой жизнеспособности мифа является в первую очередь его структура, базирующаяся на системе оппозиций. Именно эта характеристика мифа активно используется в политическом дискурсе.

Подробно о технике современных политических мифов рассуждает Э. Кассирер. В частности в мифе «все природное бытие выражается языком... социального бытия, все социальное – языком природного бытия»¹. В его представлении миф обладает способностью «расслаивать» бытие на различные семантические поля. Иными словами, миф изначально обладает способностью трансформировать восприятие реальности. Этот колоссальный потенциал мифа не может быть утрачен и в условиях современности. Более того, именно XX веку, по убеждению Кассирера, суждено было создать новую технику мифа, которая, в свою очередь, становится мощным политическим оружием².

Таким образом, вторая концепция мифа имеет дело с искусственно созданной конструкцией, семантически заданной и зачастую идеологически ангажированной. Характерно, что наиболее широко подобная модель начинает применяться именно в XX в.

Одним из первых подобную концепцию «революционного мифотворчества» начал разрабатывать Жорж Сорель в своей работе «Размышление о насилии» (1906).

Существование подобной модели мифа становится возможным благодаря его особым характеристикам. Любое сообщение (в том числе и сообщение о ритуале) есть часть акта коммуникации. Он, в свою очередь, невозможен без знакового наполнения. В этом случае структурной единицей мифа становится так называемая мифологема, которая обладает сюжетообразующей функцией³.

Характерно, что коммуникативный потенциал политического мифа находится в центре внимания многих западных исследователей. В частности, подробно об этом рассуждают Г. Тюдор в монографии «Политический миф» (1972)⁴ и Ч. Боттичи в работе «Философия политического мифа» (2007)⁵.

Связь между языком и мифом как знаковыми системами прослеживается в науке уже в течение довольно долгого периода, начиная с концепции Макса Мюллера о мифологии как «болезни языка» и заканчивая концепцией «похищенного языка» Ролана Барта. Таким образом, можно говорить о коммуникативном потенциале мифа на знаковом (отнюдь не только вербальном) уровне.

Барт констатирует радикальное изменение в знаковой системе – применительно к мифу в его понимании необходимо говорить о подмене означающего означаемым, т. е. содержание в мифе становится формой, порождаемой идеологией⁶. Соответственно, «миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует – он деформирует», ибо его задача – «протащить некую понятийную интенцию»⁷. Барт называет миф «похищенным языком», что, на наш взгляд, свидетельствует об извращении коммуникативного процесса – смысл превращается в форму, а ценность канала коммуникации становится равнозначной ценности сообщения⁸.

И здесь следует обратить внимание на парадоксальную связь мифа с историей. В соответствии с первичным значением, миф, сохраняя актуальность своего сюжета, претендует на то, чтобы происходить здесь и сейчас: пока длятся последствия события (например, перводействия), длится и само событие⁹. Миф, таким образом, остается толкованием современного события. Именно эта вневременность мифа, а точнее, его тесная связь с перцепцией современности становится залогом существования вторичного, политического значения мифа.

В такого рода мифе, как утверждает Барт, история улетучивается¹⁰, т. е. выполняет сугубо служебную функцию: создавая

условно-правдоподобный антураж, она облегчает усвоение мифа реципиентом.

Итак, миф с его креативным потенциалом и способностью творить собственную, вторичную реальность может быть как встроен в идеологию, так и становиться составной частью политического дискурса. В обоих случаях полем его функционирования зачастую становится социокультурная коммуникация. Также в обоих случаях мы можем говорить не об «архаическом», но о «современном» мифе, продукте сознательного переосмысления (или бессознательной интерпретации) имеющихся сюжетных схем и оппозиций (мифологем). Используя терминологию Дж.Р.Р. Толкина, создателя одного из ключевых литературных мифов минувшего столетия, мы можем применить к этой разновидности мифа термин «вторичный» (secondary).

И прежде всего вторичный миф реализует себя именно в сфере политического дискурса. Доказательством может служить успешное функционирование в течение семидесяти лет так называемого советского мифа. Теме политического мифа полностью посвящено издание «Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования» (РГГУ, 1996).

Полем взаимодействия идеологии и мифа зачастую становится именно культура. Но здесь мы сталкиваемся с новым вопросом: о какой культуре, собственно, идет речь?

А. Моль предлагает два понятия культуры, между которыми существуют глубинные различия, – традиционная (гуманитарная) и современная (мозаичная) культура. Гуманитарная культура характеризуется иерархичностью идей и понятий, разделяемых на главные и второстепенные¹¹. Соответственно, приблизиться к этой упорядоченной системе возможно было лишь посредством упорядоченного получения знаний – образования.

Культура, сформировавшаяся под влиянием средств массовой коммуникации, носит принципиально иной характер. Ее структуру Моль называет мозаичной, поскольку она состоит «из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов»¹². Мозаичная культура представляет собой совокупность иерархически неупорядоченных сообщений. Современный человек, погруженный в мозаичную культуру, обладает набором разрозненных цитат, формирующих поверхностное поле компетенции.

Именно мозаичная культура, чье существование невозможно без средств массовой информации, как нельзя ближе подходит к понятию массовой культуры. Парадокс заключается в том, что

привычное деление культуры на «элитарную» и «массовую» утрачивает актуальность именно благодаря упомянутым средствам массовой информации.

Соответственно, продукт мозаичной культуры неизбежно ориентирован на значимые – узнаваемые – единицы смысла и, как следствие, фрагментарен. Узнаваемость, в свою очередь, и является залогом актуализации мифа. Структурные единицы мифа (мифологемы) с легкостью встраиваются в уже существующую социокультурную матрицу, образуя новые смысловые цепочки или обновляя восприятие уже имеющихся.

А. Моль подчеркивает замкнутый характер социокультурного цикла: «Новые идеи создаются на основе старых идей, актуализированных событиями современного мира»¹³. Интересно, что подобная логика ведет к взаимозависимости массовой культуры и ее творца, который, будучи подвластен ее влиянию, приводит свои произведения в соответствие с массовыми ожиданиями.

В чем же состоит связь массовой культуры и власти? Их связывает канал коммуникации – массмедиа. Об этом размышляет Никлас Луман в работе «Реальность массмедиа». По его мнению, развлечения в сфере массмедиа создают собственный мир, в котором «имеет силу фиктивная реальность»¹⁴. Следовательно, развлечения в понимании Лумана весьма близки мифу в его современной трактовке, который также обладает способностью творить вторичную реальность. Луман заявляет: «Новая мифология, о появлении которой тщетно ностальгировали романтики, была сотворена развлекательными формами массмедиа»¹⁵. Соответственно, развлечение в отличие от сферы новостей и репортажей не ставит своей задачей разъяснение происходящего. Наконец, развлечение основано на спецэффектах, которые призваны сохранять увлекательность сюжета и «мобилизовывать все новый интерес» у читателя¹⁶.

Итак, базирующиеся на массмедиа (и существующие благодаря им) развлечения создают собственную реальность. В рамках этой реальности реципиент получает возможность самостоятельно формировать свою идентичность. Однако самостоятельность эта мнимая, поскольку материал для построения идентичности задается извне (например, государственной идеологией или политическими партиями), а массмедиа лишь доносят его до зрителя.

Массовая культура оказывается включенной в поле идеологического производства, по формулировке П. Бурдьё, где вырабатываются инструменты осмысливания социального мира и в то же время «определяется поле политически мыслимого»¹⁷.

Проследим же, как схемы мифа находят свою реализацию в массовой (мозаичной) культуре, будучи вовлеченными при этом в современный политический дискурс.

В качестве примера обратимся к российскому кинематографу. В течение последних лет наблюдается всплеск интереса к исторической теме. При этом российская история подвергается переосмыслению и редактированию. С одной стороны, существенно редуцируется исторический контекст, упрощается проблематика. С другой – в конфликт добавляются новые смыслы, которые отвечают насущным потребностям политического поля.

Кроме того, мы можем говорить о своего рода мифологизации истории российского государства. История России предстает не как объект исследования или дискуссий, но как законченный сакральный текст. Он, в свою очередь, выполняет функцию некоего идеологического маяка для реципиента. В целом можно говорить о следующем сообщении, транслируемом по каналу массовой культуры (кинематограф). Россия – это сильное государство с героической историей. Именно героическая история и призвана вызвать у зрителя чувство гордости и желание идентифицировать себя как гражданина этой страны, на которого распространяется отблеск героических деяний.

Потенциал политического мифа позволяет творить вторичную реальность. И в соответствии с актуальными вопросами сегодняшнего дня вторичная реальность использует в качестве основы реальные исторические факты. Характерно, что при этом факты играют сугубо служебную роль, являясь кирпичиками для построения фантастического сюжета.

Обратимся к трем фильмам, вышедшим в период с ноября 2007 г. по май 2008 г. Их объединяет не только вольная трактовка исторических событий, но и активное внедрение идеологем в развлекательное кино, что становится возможным благодаря вторичному мифу.

Фильм «1612: Хроники Смутного времени» (реж. В. Хотиненко, 2007) представляет собой первый и наиболее яркий пример подобной контаминации. Формально сюжет апеллирует к критическому для российской государственности периоду – Смуте. Однако в сценарий на первый план выдвинуто периферийное историческое лицо – царевна Ксения, тогда как Лжедмитрий фигурирует только в прологе, Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский появляются эпизодически. Зато центральное место отведено некоему персонажу «низкого» происхождения, холопу Андрею, влюбленному в царевну Ксению.

Рассматривая фильм как своего рода политическое сообщение, выделим в нем несколько уровней смысла. Соответственно будут располагаться и уровни вторичного мифа.

Первый уровень смысла связан с выполнением конкретной идеологической функции: обоснование празднования Дня народного единства. В 2005 г., когда 4 ноября стало государственным праздником, многочисленные опросы демонстрировали стойкую индифферентность россиян к политическому содержанию этого дня¹⁸. За два года в сознании граждан заметных изменений не произошло, и потому студия «ТриТэ» Никиты Михалкова получила государственный заказ на съемки фильма, приуроченного к празднику Дня народного единства.

При этом отношение к данному факту режиссера фильма В. Хотиненко за год претерпело значительные изменения. Сначала в интервью журналу TimeOut (ноябрь 2007) он признает, что фильм ему был заказан: «Да, “1612” сделан по госзаказу. И ничего плохого в этом я не вижу. Гауди собор Святого Семейства построил по госзаказу. Сикстинская капелла Микеланджело, рублевская “Троица” – госзаказ! Я просто привожу примеры – множество великих произведений искусства было сделано по госзаказу»¹⁹. Более того, в этом интервью он не скрывает связь выхода фильма и государственного праздника: «Условий не ставили, трактовок не навязывали – надо было сделать фильм, чтобы мы поняли, что празднуем 4 ноября. Мы решили не экранизировать генеральную историческую линию, а сделать авантюрную романтическую историю».

В более позднем интервью (опубликованном спустя месяц после первого, в декабре 2007 г.) Хотиненко отходит от своей первоначальной позиции и начинает отрицать связь между фильмом и государственной идеологией. Более того, само интервью выдержано в другой стилистике. По сути, в нем происходит дополнительная мифологизация как проблематики фильма, так и его сюжета: «Интерес к русской теме, к истории для меня вполне естественен... Идея фильма у меня зародилась лет 25 тому назад... О каком-либо госзаказе и говорить смешно. Если б он существовал на том уровне, как когда-то, то я был бы счастлив. Но государственных денег здесь был мизер. Во-вторых, это было предложение, а не заказ. Меня ни в какие рамки не ставили. Ни в идеологические, ни в художественные»²⁰. Более того, создание фильма увязывается с «путем к вере» режиссера. В целом все интервью тяготеет к рассуждению о роли христианства в культуре и о необходимости сильной власти в государстве: «Природа нашего общества – царистская. Сейчас она вот такая, а может, и

навсегда, на все времена такая. Может быть, государство наше совершит такой кунштюк, что все вновь вернется к монархизму. Никто ведь не знает. Сегодня совершенно очевиден кризис мысли либеральной, демократической, ежу понятно, что никаких свободных выборов не существует, существует свобода манипуляции обществом. И говорить о выборе народа в так называемых демократических обществах в чистом виде совершенно не приходится. Это искусство манипулирования и пиара, больше ничего. Только очень наивный или заблудший человек может кричать, что у нас демократия, а у вас – нет. Кризис всех основополагающих идей налицо».

Характерно, что в обоих интервью неизменным остается его отношение к истории: «невозможно экранизировать историю, не существует исторической правды»²¹ и «всей исторической правды ни по какому времени не существует»²².

Так постулируемая невозможность придерживаться исторических фактов открывает возможность создания собственной мифологии в рамках сюжетной коллизии. В чем же она заключается? Событийная канва фильма (бегство героя из неволи, его служба у «гишпанского кабальеро» Альваро, а затем и вживание в его роль, попытки освободить царевну Ксению, встречи с Кузьмой Мининым и Дмитрием Пожарским) сопровождается внесюжетными вставками, которые, по замыслу режиссера, должны расставлять смысловые акценты. Именно эти разрозненные включения и становятся носителями идеологического сообщения. И именно в этих эпизодах и проявляется пространство вторичного мифа.

На структурном уровне миф реализует себя посредством ряда оппозиций: «свои» (русские, православные) / «чужие» (поляки, католики); «мир живых» (Андрей и другие действующие лица) / «мир мертвых» (убитый наемник Альвар, выполняющий функцию духа-покровителя Андрея и одновременно его хтонического двойника); «протагонисты» (Андрей и православный столпник) / «антагонисты» (Владислав и католический монах).

На образном уровне единорог (называемый также зверем Индриком) олицетворяет собой Россию. Он противопоставлен змее (как хтоническому существу), олицетворяющей собой завоевателей (ср. реплики протагониста в адрес Ксении: «Шипишь по-змеиному, как они [поляки. – М. Ш.]»). По замыслу режиссера, единорог-Индрик должен символизировать православную Россию²³. Однако в фильме этот смысл не прочитывается. Напротив, Индик ассоциируется с языческим началом²⁴. Тем не

менее во втором интервью Хотиненко делает попытку поместить мифологическую деталь (рог единорога, обладающий магическими свойствами) в контекст идеологического сообщения: «Иван Грозный купил рог единорога за 10 тысяч золотом. И тут, кстати, мистика. Потому что в Смутные времена этот рог пропал. Его распилили казаки. И с тех пор этот образ исчезает из нашей мифологии. А так про него существует множество песен, преданий и сказаний»²⁵. Рог в фильме Хотиненко, таким образом, олицетворяет собой легитимность царской и – шире – государственной власти.

Вторым по хронологии выхода на экраны стал фильм Андрея Малюкова «Мы из будущего». Продюсером выступает Сергей Шумаков, генеральный директор телеканала «Россия». Таким образом, мы снова получаем косвенную возможность говорить о реализации государственного заказа. Но на этот раз объектом мифологизации выступает не Смута XVII в., а неизмеримо более значимое событие, ключевое для истории России XX в. – Великая Отечественная война.

В соответствии с запросами молодежной аудитории музыкальный и визуальный ряды фильма представлены в подчеркнута клиповой манере. Главные герои, по замыслу создателей ленты, должны представлять собой своего рода социологический слепок современных групп молодежи: рэпер (по кличке Спирт), скинхед (по кличке Череп), игроман (Чуха) и хладнокровный циник-интеллектуал (по кличке Борман). Их род занятий не только маргинален, но и неэтичен – «черные следопыты», ведущие раскопки на месте боев Второй мировой войны, чтобы затем сбывать найденные ордена и оружие перекупщикам.

Фильм базируется на фантастическом повороте сюжета – четверо молодых маргиналов, лишенных уважения к истории своей страны, попадают в то самое прошлое, обломки которого они продают.

Подобного рода переход из настоящего в прошлое – весьма широко используемый прием в фантастических произведениях (как в книгах, так и в фильмах). В основе опять-таки находится мифологема двух миров. Из «своего» мира молодые люди попадают в «чужой, иной».

Иной мир в пространстве фильма представлен, во-первых, блиндажом, который раскапывают «следопыты». Разбомбленный блиндаж предстает своего рода царством мертвых. Именно в нем герои ленты находят пожелтевшие солдатские документы со своими фотографиями и фамилиями. Во-вторых, иной мир – это другой временной пласт, август 1942 г., когда под Ленингра-

М.А. Штейнман

дом шли тяжелые бои. В полном соответствии с культурной традицией, связующим звеном между мирами (локусом перехода) выступает озеро. Нырнув под воду, четверо молодых людей выныривают в прошлом.

Переход из одного времени в другое оказывается спровоцирован самими действующими лицами. Во время раскопок они готовы совершить святотатство: собираются стрелять в череп погибшего солдата. Своим поступком они буквально вызывают гнев Матери-Земли. Она появляется в облике внешне безобидной немолодой женщины. Персонажи (да и многие зрители) не замечают, что ее одежда, кринка с молоком, да и возраст никак не вписываются и не соответствуют реалиям XXI века. Она рассказывает, что потеряла в этих местах сына-красноармейца и просит найти его. В качестве опознавательного знака она называет серебряный портсигар, который был у ее сына. «Следопыты» дают опрометчивое обещание найти красноармейца. После этого женщина советует им искупаться в том самом озере, откуда они попадают в другое время.

Характерно, что в 1942 г. они встречают настоящую мать красноармейца – дряхлую старушку в такой же одежде.

В дальнейшем только случайная встреча с этим красноармейцем в немецком плену дает им шанс попасть домой, в «свой» мир. Портсигар, полученный от него в подарок, становится связующим звеном между мирами. Однако это случается не раньше, чем в душе маргиналов произойдут кардинальные изменения и переоценка ценностей. Они получают шанс вернуться после того, как перестают отстраненно наблюдать за боями, и исход сражения с фашистами приобретает для них принципиальную важность.

Кульминацией фильма является встреча главных героев с настоящим эсесовцем, к которому они попадают в плен (и чьи воспоминания Филатов-«Борман» читал в XXI в.). На допросе Филатов демонстрирует немецкому чину свою невероятную осведомленность о нем и предсказывает будущее. Он делает это, четко осознавая опасность ситуации для себя лично и для своих друзей, но при этом не желая становиться предателем. Так замыкается темпоральное кольцо. Но окончательная самоидентификация персонажей с красноармейцами происходит позже, когда они принимают участие в кровопролитном бою и перебарывают свою трусость и инфантилизм, буквально кровью смывая вину перед прошлым и предками.

Идеологический пласт ленты заключается опять-таки в особой расстановке акцентов. При этом идеологически маркирован-

ные эпизоды равномерно распределены по всему фильму и не сразу поддаются сознательному вычленению. Так, персонаж-скинхед наделен весьма значимыми репликами. «Да я б на месте Сталина давно бы с Гитлером объединился, чтоб Америку к ногтю прижать», – произносит он в начале фильма. Затем именно ему принадлежит одна из ключевых фраз, обозначающих нравственное перерождение: «У нас теперь один выход – со всеми в атаку. А там как получится». Наконец, в финале он в буквальном смысле с кожей сдирает с себя свастику. Характерно, что неформал – рэпер – показан как истерик, его пацифизм граничит с трусостью.

Особенностью фильма «Мы из будущего» также является значительное количество прямых и косвенных цитат. Медсестра походит на соответствующий женский образ из фильма «Женя, Женечка и катюша»; политрук поднимает бойцов в атаку, замирая в позе узнаваемой фотографии «За Родину!». Наконец, сцена разговора немецкого полковника и Филатова является прямой цитатой из повести «Судьба человека» М. Шолохова. Этот пример выделяется в ряду остальных, поскольку игра со временем и цитатами здесь достигает наивысшего накала. Весьма вероятно, что Филатов (постоянно демонстрирующий свою эрудицию) осознанно повторяет слова героя Шолохова, оказавшись в сходной ситуации.

Вторичное пространство мифа также построено с опорой на устоявшиеся штампы массовой культуры (прежде всего, голливудских фильмов). Так, переход персонажей в иной мир зрительно повторяет сходный эпизод из ленты «Пираты Карибского моря: на краю света» (реж. Г. Вербински). Точно так же в момент, когда герои оказываются в воде, мир в буквальном смысле переворачивается вверх ногами. Рассчитывали ли создатели фильма на эффект узнавания? Вероятно. Но узнавание в данном случае возможно лишь на подсознательном уровне. Творческой группе необходимо поддерживать в зрителях то самое ощущение «развлечения» (в терминологии Лумана) как часть конструкции вторичной реальности.

Итак, мифологическое начало в фильме «Мы из будущего» представляет собой контаминацию мифологем, цитат и идеологически значимых вставок. Все в целом соответствует поставленной задаче: актуализация прошлого страны и показ путей самоидентификации для молодежи.

Третий фильм – «Александр. Невская битва» (реж. И. Каленов, 2008). В интервью с обозревателем «Известий» режиссер описывает расстановку акцентов в своей кинокартине: «Мы не

даем оценок. Мы воссоздаем мир, в котором в тот момент шла борьба за экономическое влияние. У нас есть шпионы, которые “мутят воду” в Новгороде при помощи местных “олигархов”. У нас есть герой – “воевода Миша”, который пытается с ними бороться. И есть внешний враг в лице шведов и татаро-монголов, с которыми борется сам Александр Невский»²⁶. В данной формулировке принципиальны очевидные параллели, которые проводятся между прошлым России и ее настоящим. Иными словами, исторические детали ценны не сами по себе (так же, как и само прошлое), а лишь постольку, поскольку они транслируют политические реалии современности: «борьба за экономическое влияние», «шпионы», «местные олигархи».

Более того, И. Каленов не скрывает то сообщение, которое облечено в форму исторического боевика: «Александр приходится выбирать между плохим и худшим. Уверен, что наше общество сегодня нуждается в исторических примерах, показывающих, что во имя решения глобальных задач приходится идти на компромиссы». Отсюда следует, что Александр в фильме показан как образец современного политика. Подразумевается, что только путем компромиссов и хитрости возможно спасти государственность в стране, где мутят воду местные олигархи: «Александр был сильным, умным, хитрым. Он добился того, что русское государство не было уничтожено татарами. В данном случае слово “хитрый”, считаю, не должно носить негативного оттенка. Это чрезвычайно полезное качество для политика».

Хотя жанр данного фильма заявлен как исторический боевик, а режиссер подчеркивает отсутствие в нем элементов «фэнтези», здесь нетрудно вычленил уже знакомые пространственные мифологемы. Отличие от двух предыдущих лент заключается лишь в том, что граница между мирами пролегает не в фантастическом, а политическом дискурсе и совпадает с границами между странами. В данном случае прослеживается разделение пространства не на «свой» и «иной» мир, а на «свой» и «чужой». Швеция и Ливонский орден предстают воплощением «чужого», враждебного начала.

Характерно, что Новгородская Русь изображается залитой солнцем, с преобладанием золотых и красных тонов, тогда как Швеция и резиденция короля Эрика XI показаны в пасмурную погоду, в интерьерах преобладает серый цвет. Пространство Руси открыто – просторы полей, лесные поляны, пир под открытым небом (за исключением подземелий, где бояре-изменники встречаются с врагами Александра). Пространство Швеции замкнуто – массивные стены замков, низкие потолки внутренних

покоев, узкие коридоры. Забавное, но весьма значимое несовпадение: если на Руси – лето, то в Швеции – глубокая осень.

Политическое противостояние подкрепляется религиозным. Здесь очевидна параллель с вышеупомянутыми «Хрониками Смутного времени». Однако в «1612» вопрос выбора веры актуален всего для двух персонажей: царевны Ксении, которую склоняют перейти в католичество, и католического монаха, который в результате (под влиянием разговора со столпником) практически переходит в православие.

В фильме «Александр. Невская битва», в свою очередь, вопрос о защите или предательстве веры поднимается не менее 9 раз. Из них три раза князя Александра уговаривают перейти в католичество, на что князь неизменно отвечает отказом и горячей защитой православия.

Одним из ключевых моментов ленты является разговор Александра с послами Батыея. Татары, приехавшие за данью, тем не менее полны уважения к русскому князю: «Выпьем за твой народ». Причина взаимной симпатии в том, что «монголы – враги наши, а веру нам свою не навязывают». Так в фильме смещаются акценты: татаро-монгольское иго оказывается менее значимым для Руси по сравнению с угрозой, пришедшей из Европы, т. е. с Запада. Судьба отдельно взятого Новгородского княжества, для которого шведы представляли большую опасность, нежели татары, проецируется на судьбу всей Руси (переживавшей период феодальной раздробленности).

И здесь весьма показателен комментарий, оставленный читателем на сайте www.izvestia.ru: «Как показала история, его (Александра. – М. Ш.) тактика сработала – он понял, что главная опасность идет с Запада»²⁷. Обычный зритель без труда считывает идеологическое послание фильма, в результате чего цель его создателей оказывается достигнутой. При этом фраза «как показала история» свидетельствует не только о недостаточной осведомленности посетителя сайта и его склонности к обобщениям, но и об особом способе восприятия истории – через призму средств массовой информации, активно транслирующих именно эту мысль.

С точки зрения зрелищности, фильм построен по канонам не только боевика, но и детектива (важной сюжетной линией является расследование заговора бояр против князя, причем заговор финансируется из-за рубежа). Если же говорить о спецэффектах, то они, как и в случае с лентой «Мы из будущего», построены по принципу узнаваемых голливудских образов. Так, видеоряд Невской битвы повторяет батальный эпизод из третьей части

М.А. Штейнман

«Властелина колец» (реж. П. Джексон). Да и по пластическому рисунку роль князя Александра в заключительной части также схожа с ролью короля Арагорна. Это сходство особенно проявилось в рекламном постере, где выражение лиц и жесты Александра и Арагорна почти полностью совпадают.

На наш взгляд, функция подобных соответствий – в том, чтобы маркировать развлекательный компонент фильма, поскольку основная целевая аудитория его – молодежь.

Таким образом, все три фильма носят формально развлекательный характер, снабжены значительным количеством спецэффектов, призванных привлечь и удержать внимание их целевой аудитории. При этом исторические события, положенные в основу сюжета, либо подвергаются переосмыслению, либо вытесняются на периферию сюжета с тем, чтобы освободить пространство для построения идеологических конструкций.

Во всех трех фильмах мы можем наблюдать построение «вторичной реальности», обладающей значительной степенью убедительности. Так вторичная реальность мифа разворачивается в пространстве массовой культуры. В том случае, когда миф «присвоен» идеологией, видоизменению подвергается и сама культура. В этом случае креативность мифа становится на службу политике: именно благодаря структурным моделям мифа политические силы получают возможность воздействия на общество, существенно снижая риск быть раскрытыми.

И тем не менее неполитический потенциал мифологем как структурных единиц мифа настолько велик, что созданная с их помощью реальность потенциально может существовать и вне привнесенных трактовок. Эта креативная способность мифа является залогом его непреходящей актуальности и жизнеспособности.

Примечания

- 1 *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. С. 200.
- 2 См.: *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 61.
- 3 «Мифологемы – это сюжетообразующие персонажи и ситуации, определяющие общее содержание мифологического сюжета и способные повторяться в семантически однородных рядах» (*Дьяконов И.М.* Архаические мифы Востока и Запада. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 191).
- 4 *Tudor H.* Political myth. L.: Pall Mall Press, 1972.

- 5 *Bottici C.* A philosophy of political myth. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.
- 6 См.: *Барт Р.* Миф сегодня // Барт Р. Мифология. М.: Изд-во Сабашниковых, 1996. С. 241.
- 7 Там же. С. 255.
- 8 По формулировке М. Маклюэна, the medium is the message.
- 9 См.: *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 107.
- 10 См.: *Барт Р.* Миф сегодня. С. 278.
- 11 См.: *Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Комкнига, 2005. С. 37.
- 12 Там же. С. 45.
- 13 Там же. С. 111.
- 14 См.: *Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. С. 85.
- 15 Там же. С. 94.
- 16 Там же. С. 89.
- 17 *Бурдые П.* Политические позиции и культурный капитал // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 103.
- 18 См., в частности, интернет-публикацию сайта «Новых известий», посвященную празднованию дня 4 ноября: <http://www.newizv.ru/news/2005-11-03/34724/> от 03.11.05.
- 19 <http://www.film.ru/article.asp?id=4957>
- 20 Политический журнал. Архив № 33 (176) / 17 декабря 2007: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=129&tek=7759&issue=210>
- 21 <http://www.film.ru/article.asp?id=4957>
- 22 <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=129&tek=7759&issue=210>
- 23 «Сам по себе единорог – образ чистоты, любви и незапятнанности. И правды Божьей. В народном сознании он выступал как аллегория Троицы. Считалось, что его рог защищает от всех ядов. Вообще единорог попал в фильм по моей инициативе. И я горд тем, что мне удалось вернуть единорога на историческую Родину. Потому что все свято уверены: единорог – это западный образ, западный символ, западная аллегория. Такой западный персонаж с гобелена. Я, грешным делом, тоже в это верил, пока вплотную не стал изучать проблему. Оказалось, что он наш, родной российский персонаж. На троне Ивана Грозного был изображен единорог» (<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=129&tek=7759&issue=210>).
- 24 Под влиянием индийской традиции образ единорога появляется в ближневосточных и раннеевропейских мифах. В греческих и римских текстах происхождение единорога также связывалось с Индией. См.: Мифология: Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 205. Индрик-зверь, действительно, представляет собой персонаж русских легенд (в том числе

М.А. Штейнман

Голубиной книги). Он также наделяется чертами хозяина водной стихии. Именно этот факт находит свое отражение в фильме.

²⁵ <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=129&tek=7759&issue=210>

²⁶ <http://www.izvestia.ru/culture/article3115096/>

²⁷ <http://www.izvestia.ru/culture/article3115096/>

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В контексте политологических исследований, объединяемых общей темой – «Российская политика XXI века: неполитические потенциалы политического», представляется интересным провести аналитическое и сравнительное исследование вероятного и возможного применения военной силы в политических целях, исследование практического использования военного потенциала как одной из основных составляющих потенциала политического.

Политический потенциал (возможности и ресурсы, средства и запасы, которые могут быть приведены в действие для решения поставленных политических задач) обусловлен совокупностью социальных, экономических, военных, информационных и иных неполитических потенциалов, имеющихся как у государства, так и у политической системы в целом.

Безусловно, серьезным политическим потенциалом обладает и гражданское общество, но в данном исследовании ограничимся государством, поскольку ядро политики – это проблема завоевания, удержания и использования государственной власти.

Системной политической задачей завоевавших, удерживающих и использующих государственную власть является политическая стабильность в течение максимально продолжительного периода времени, сохранение достигнутого ими положения в государстве и обществе. Следовательно, возникает политологическая проблема выявления и изучения того, каким образом феномен политической стабильности взаимосвязан с политическим потенциалом государства и почему он (феномен политической стабильности) зависит как от политического потенциала государства, так и от обусловивших (составивших в своей совокупности) политический потенциал государства неполитических потенциалов.

С.И. Бойко

Объектом предпринятого автором в предлагаемой статье анализа является военно-политический потенциал, а также его роль в обеспечении политической стабильности.

Исходные тезисы и позиция автора аргументируются следующими положениями.

– Военно-политический потенциал имеет, на наш взгляд, две выраженные стороны, или две составляющие его группы ресурсов (подпотенциалов), которые для политологического анализа представляется удобным условно разделить следующим образом: во-первых, на военную, в том числе военно-промышленную, военно-техническую, военно-социальную, военно-кадровую; и, во-вторых, на собственно политическую (как политическая власть использует или намерена использовать военные ресурсы государства).

– Правомерно рассматривать военно-политический потенциал в качестве не полностью политического ресурса, во всяком случае не только как политический, но и военно-экономический, и военно-социальный ресурс в системе факторов обеспечения политической стабильности. Эту особенность военного потенциала, взаимозависимость и взаимовлияние, органичный симбиоз материального и духовного, техники и национальной идеи отметил в своей философской публицистике времен Первой мировой войны Н.А. Бердяев, когда обосновывал невозможность и ошибочность их противопоставления: «Проблема “духа и машины” имеет огромное значение для русского сознания, она предстоит перед Россией как проблема ее будущего... Материальная отсталость и элементарность не есть сила духа»¹.

– Военно-политический потенциал – совокупность материальных и духовных возможностей, как задействованных в настоящее время, так и тех, которые потенциально (вероятно) могут быть использованы в военных целях при максимальном и своевременном их раскрытии и применении. Военно-политический потенциал определяется не только возможностями, но и желанием, политической волей содержать и совершенствовать вооруженные силы, повышать их боеспособность, пополнять обученными кадрами, снабжать современным оружием и военной техникой, всеми видами довольствия в мирное и военное время, обеспечить достижение целей войны.

– Следовательно, военно-политический потенциал является жизненно важным элементом в государственном управлении, в обеспечении политической стабильности государства и существующего политического режима. Это подтверждается и российскими реалиями последних лет – Президент РФ в ежегодном

послании Федеральному собранию 10 мая 2006 г., обосновывая необходимость финансовых затрат на национальную безопасность, напомнил: «В 1999 году, когда возникла необходимость противостоять масштабной агрессии международного терроризма на Северном Кавказе, проблемы армии обнажились до боли... Для эффективного ответа террористам нужно было собрать группировку численностью не менее 65 тысяч человек. А во всех Сухопутных войсках, в боеготовых подразделениях – 55 тысяч, и те разбросаны по всей стране. Армия – 1 миллион 400 тысяч человек, а воевать некому. Вот и посылали необстрелянных пацанов под пули. Никогда этого не забуду. И наша с вами задача в том, чтобы это никогда больше не повторилось»². Так проблема военного потенциала превращается в военно-политическую и, последовательно, в проблему политическую национального масштаба, угрожающую сохранению политической стабильности.

Используем следующую логику исследования влияния военно-политического потенциала на обеспечение политической стабильности. Исходя из принятых в политологии основных признаков государства как политического института, можно определить, обосновать и проанализировать факторы, влияющие на осуществление функций государства по обеспечению политической стабильности в современной Российской Федерации.

– Не составляет большого труда заметить, что признаки военно-политического потенциала в значительной степени коррелируют с основными признаками и, как следствие, функциями государства – главного института политической системы. Поэтому, чтобы выяснить и обосновать роль и место военно-политического потенциала среди факторов, обеспечивающих политическую стабильность, рассмотрим соотношение с военно-политическим потенциалом выделяемых чаще всего в научной литературе основных признаков государства³.

Признак первый. Государство как политический институт действует на строго определенной территории. Территория – материальная база любого государства, без которой оно просто не может существовать. Это естественное условие существования и функционирования государства, пространство, в пределах которого осуществляется государственная власть. В правовых системах разных стран и в международном праве общепризнанными являются принципы территориального верховенства, территориальной целостности и неприкосновенности.

Решение вопросов сохранения территориальной целостности государства, осуществления собственных экспансий или,

С.И. Бойко

наоборот, сдерживания экспансий разного рода для обеспечения жизнедеятельности государства в современном мире в значительной степени продолжает зависеть от военно-политического потенциала страны. Необходимость научного, теоретического и идеологического обоснования борьбы за пространство стала одной из причин появления геополитики, и не случайно многие из основоположников геополитики были профессиональными военными (А. Мэхен, К. Хаусхофер, Дж. Дуэ). Интересна логика российского военного разведчика, генерала А. Вандама (А.Е. Едрихина), примененная им в 1912 г. в геополитических исследованиях: «В классификации военных знаний искусство вести бой называется тактикой, а искусство вести войну – высшей тактикой или стратегией. Но как бой представляет собою только один из скоротечных актов длящейся обыкновенно годами войны, так и война есть не что иное, как – кратковременный акт никогда не прекращающейся борьбы за жизнь. Отсюда логически следует, что для борьбы за жизнь необходимо особое искусство – высшая стратегия или политика»⁴. Естественно, более ста лет назад война могла быть одной из форм борьбы за жизнь, но развитие науки и техники привело к тому, что главным в политике, в первую очередь во внешней политике, стало искусство компромисса, договора, сосуществования, а не искусство первенства, базируемого на военно-политическом давлении.

Военный потенциал безусловно должен быть подчинен высшим, политическим интересам государства и народа, стать потенциалом военно-политическим. Отчасти отсюда и острое современное противоречие между принципом территориальной целостности и правом наций на самоопределение, правом на создание мононациональных государств, когда есть реальное искушение использовать вооруженные силы внутри собственного государства.

Признак второй. Наличие выделенного из общества и возвышающегося над ним аппарата власти и управления, состоящего из профессионально подготовленных людей, в том числе военных управляющих (менеджеров, администраторов). Государство – публичный политический институт, имеющий свою структуру, организацию и профессиональный состав. Основными составными частями структуры государственного аппарата являются органы законодательной власти, исполнительной власти (органы управления), судебная власть, прокуратура. Существует структура государства – значит существует и проблема стабильности данной структуры, так как все ее элементы взаимодействуют как между собой, так и с другими элементами политической

системы страны и с обществом. Подготовка военных профессионалов, военная кадровая политика являются прерогативой государственных структур, а решение социальных проблем военнослужащих – важнейшей составляющей социальной политики. Известно выражение: кто не хочет кормить свою армию, тот будет кормить чужую. Не составляет труда заметить, что после 2000 г. социально-экономическое развитие и положительная динамика политической стабильности в России тесно взаимосвязаны с улучшением социального обеспечения «слуг государевых». Президент РФ Д.А. Медведев в бюджетном послании Федеральному собранию РФ в июне 2008 г. подчеркнул, что в 2009–2012 гг. государство намерено решить жилищные проблемы ветеранов и сформировать фонд служебного жилья для военнослужащих. Начинается реализация федеральной целевой программы совершенствования системы комплектования Вооруженных сил и силовых ведомств кадровыми контрактниками⁵, что значительно снизит социальную напряженность, связанную с обязательной военной службой.

Признак третий. Монополия государства на легальное применение силы в пределах обеспечения законно действующих правил жизни общества, на физическое принуждение части граждан или групп и отдельных организаций к выполнению установленных и принятых государством норм поведения. Аппарат принуждения состоит из особых отрядов вооруженных людей в виде армии (для отражения, как правило, внешней агрессии), полиции, разведки и контрразведки, пенитенциарных учреждений и т. п.

«Мера армейской мощи и совершенства есть мера, которая точно определяет моральную и жизненную крепость нации. Народ, не испытывающий никакого стыда из-за разложения, дурной организации своих вооруженных сил, не способен удержаться на плаву, или выжить», – такова оценка роли этого признака для национального единства и политической стабильности, данная выдающимся испанским политологом Х. Ортега-и-Гассетом⁶. В абсолютном большинстве государств военные ведомства называются оборонными. Если все обороняются, никто не наступают (не нападают), тогда непонятно, почему в этом мире происходят войны и что служит сдерживающим фактором при принятии решений о начале вооруженных конфликтов.

Здесь уместно вспомнить, что социальная и политическая обстановка вокруг российских вооруженных сил, их социальный рейтинг остаются далекими от удовлетворительного как для государственной власти, так и для российского общества в целом.

С.И. Бойко

Ярким примером является деятельность комитетов солдатских матерей, специфически российской общественной организации, ставшей естественной реакцией гражданского общества на системное нарушение правил и этики служебных отношений в среде военнослужащих, за которые, казалось бы, отвечают только в компетентные военные начальники разных рангов. Но нарушения в организации военной службы приобрели такой масштаб, что стали социальными и политическими. Несмотря на демографическую ситуацию, на сложность в подготовке за короткий срок будущего резервиста к современной войне и к обращению с высокотехнологичным вооружением, государство было вынуждено сократить срок службы по обязательному призыву до одного года. Социальные проблемы в армейской среде негативно влияют на военно-политический потенциал России. Конечно, как геополитическая, так и внутривнутриполитическая ситуация у каждого государства своя. Примером эффективного использования армии в государственных и общественных интересах может быть государство Израиль. В Израиле при том, что все молодые люди вне зависимости от пола служат по призыву в армии три года, созданы такие условия службы и такое отношение к армии в обществе, что все служат с удовольствием, военная служба престижна и обязательна для тех, кто хочет сделать политическую или государственную карьеру⁷. А в Греции, к примеру, предельный возраст обязательного призыва на срочную военную службу составляет 45 лет, что может быть подтверждением толерантного отношения граждан к тому, что государство в условиях сложной демографической ситуации не только распределяет призыв по времени, но и создает условия для военной службы в зрелом возрасте.

Правомерно отметить, что в сложной социальной ситуации вокруг военно-политического потенциала России больше виновны органы военного и административного управления, органы политической власти, чем гражданское общество. Поэтому государство и должно быть главным двигателем социальных преобразований и военных реформ, чтобы был действенным военно-политический фактор обеспечения политической стабильности.

До сих пор серьезным аргументом сдерживания остается современное ракетно-ядерное вооружение, производство и последующая эксплуатация которого требуют наличия научно-технологической базы, развитой национальной промышленности и экономики, за исключением «простых» образцов атомного оружия, уже доступного для многих, в том числе и развивающихся стран. Поэтому постепенное распространение оружия массового поражения, его «расползание» по миру стало объек-

том строгого международного контроля, с одной стороны, а с другой стороны, любое применение такого оружия стало чревато непредсказуемыми последствиями даже в локальных войнах, даже с участием заведомо неравных по военно-политическому потенциалу противоборствующих сторон. А потому и Иран, располагая минимальным научным и промышленным ресурсом для производства ядерного оружия и средств его доставки, но с политическим режимом, потенциально готовым к применению оружия массового поражения в случае вооруженного конфликта, стал объектом массированного политического, экономического, психологического давления, но не стал объектом прямого военного вмешательства, как его сосед – Ирак.

В этом же ряду и ошибка тех политиков и представителей российского истеблишмента недалекого прошлого, которые пытались сделать Россию периферийной державой и приравнивали ее к странам Латинской Америки. Никогда государства этого региона не имели развитого военно-промышленного комплекса, ракетных и ядерных вооружений, собственной аэрокосмической, развитой судостроительной и тяжелой промышленности, мощного научно-технического потенциала и населения с уровнем общего, специального и высшего образования, соответствующим лучшим мировым стандартам. В государствах Латинской Америки никогда не было уровня социального обеспечения, сопоставимого или лучшего, чем в государствах Европы, продолжительной политической стабильности на базе устойчивого экономического роста и роста уровня жизни. В политических системах Латинской Америки нет комплексных примеров политических и экономических успехов, к достижению которых Россия могла бы стремиться в своем развитии.

Признак четвертый. Обязательность членства в государстве (гражданство). Часто этот признак относят к суверенитету с точки зрения верховенства власти государства и определения им гражданского статуса лиц на его территории с правами и обязанностями перед государством (например, обязательная военная служба). Гражданство человек получает с момента рождения, а не вступает в гражданство добровольно, как в профсоюз или политическую партию.

Граждане объективно распределены по разным социальным группам, каждая из которых по-своему влияет на политическую стабильность в государстве и обществе.

В современной российской политической системе, в переходном к демократическому политическому устройству государства состоянии, при пока еще не полностью сложившейся структуре

С.И. Бойко

политических партий значимым фактором политической стабильности является наличие среднего класса общества и его политическая активность.

Аргументируем данный вывод.

В современной России, объявившей в Конституции РФ о создании социального государства, роль среднего класса становится определяющей для процессов последовательной политической стабильности на основе обеспечения стабильного экономического роста в стране, достижения для подавляющего числа граждан уровня жизни, сопоставимого с уровнем жизни в основных развитых странах мира. Только таким путем можно добиться социально-политического консенсуса на достаточно продолжительный исторический период.

Средний класс более склонен к консерватизму, к сохранению достигнутого уровня стабильности своего общественного положения и к постепенности, эволюционному характеру реформ. В нашей стране это социальная группа людей, которые «сделали себя сами», добились успеха в сложных и противоречивых условиях трансформации благодаря собственной инициативе и упорству. Именно они заинтересованы в стабилизации политической и экономической обстановки, в сведении к минимуму вероятности социального взрыва. Им есть что терять. Для политической власти расширение среднего класса представляет важнейшую социальную задачу.

В Советском Союзе также существовал средний класс, группы которого были примерно равны по уровню доходов: высшие слои научной и технической интеллигенции, литераторы и деятели культуры и искусства, высокопоставленные управленцы, военные, дипломаты, квалифицированные работники промышленности, в первую очередь военно-промышленного комплекса, добывающих отраслей, транспорта. Объединяло их то, что средний класс не обладал и не мог распоряжаться собственностью. Государственной (общенародной) собственностью от имени народа распоряжался более узкий круг индивидуумов, в чьих руках и была реальная политическая власть.

Расширение среднего слоя за счет социальной категории людей, экономической основой которых служат труд и знания или выполнение определенных функций управления, а не частная собственность, вне сомнения является императивом. Специалисты высокой квалификации, ученые, преподаватели, деятели культуры, врачи, офицерский корпус в стабильных государствах составляют значительную часть среднего класса.

Во всех странах мира офицерский корпус – это граждане, имеющие среднее специальное и высшее образование. Продвижение

по службе обуславливается обязательным повышением профессиональной подготовки. Контрактный (вольнонаемный) принцип комплектования силовых структур предполагает, что государство предлагает соискателю должности такие условия оплаты и прохождения службы, которые не ниже средних, возможных для данного соискателя в других сферах деятельности. Помимо материальной заинтересованности, фактором поступления на службу в силовые структуры может быть и соответствующая личная политическая ориентация человека. По уровню доходов, образу жизни и месту в социально-политической структуре государства военнослужащие и сотрудники органов охраны правопорядка и национальной безопасности в государствах со стабильным политическим режимом относятся к среднему классу, причем к верхней его части. Неслучайно начиная с 2000 г. постоянно решается задача повышения жизненного уровня и стабильности социального статуса кадрового состава силовых ведомств после долгих лет плохо обоснованных военно-административных реформ, реорганизаций и ведомственных преобразований внутренних структур управления. Стало очевидным, что для целей политической стабильности необходимы преодоление низкого уровня жизни офицеров и модернизация вооруженных сил. Государственная дума РФ законодательно закрепила положение о том, что оплата труда военнослужащих и приравненных к ним лиц не может быть ниже оплаты труда соответствующих им по уровню должности гражданских государственных служащих, законодательно уравнила статусы военных и гражданских государственных служащих.

Уровень доходов военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов и силовых структур не может быть следствием их предпринимательской деятельности (иначе – приватизация политических государственных функций, эрозия и угроза распада государства), поэтому именно на государственной власти лежит обязанность гарантировать данной части среднего класса достойный социальный статус во имя политической стабильности.

Признак пятый. Суверенитет – верховенство государственной власти внутри страны и независимость государственной власти на международной арене. В рамках заявленной темы исследования обратим внимание лишь на некоторые стороны феномена «суверенитет». В суверенитете государства находит свое политическое и юридическое выражение полновластие правящих (господствующих) кругов, элиты и иных социальных групп, заинтересованных в политической стабильности, в сохранении политического режима.

С.И. Бойко

Частичное ограничение суверенитета может быть принудительным или добровольным. Принудительное ограничение суверенитета может иметь место по отношению к побежденному в войне государству (не хватило военно-политического потенциала). Добровольное ограничение суверенитета допускается самим государством по взаимной договоренности с другими государствами ради достижения определенных общих целей. Глобализация и интернационализация политических, военных, экономических и социальных связей последовательно и естественно ведут к ограничению суверенитета. Мерой здесь могут быть добровольность и равноправие участия государства в союзах, блоках, объединениях и приоритет национальных интересов при участии в деятельности международных структур. Значит, вполне правомерно считать суверенитет политическим синонимом конкурентоспособности.

Примечательна время от времени оживляющаяся дискуссия по поводу суверенной демократии, начало которой в феврале 2006 г. положил В.Ю. Сурков, в то время заместитель главы Администрации Президента РФ, отвечающий за внутривнутриполитические вопросы. Доктрина суверенной демократии как основа национальной модели демократии, учитывающая проблемы глобальной энергетической безопасности, сохранения обороноспособности, возрастания роли транснациональных корпораций, говорит о том, что суверенная демократия – один из определяющих факторов реальной практической политики. Самостоятельность в принятии экономических, военных, социальных и политических решений, развитие собственных демократических структур и институтов с учетом исторических традиций должны стать поступательными и необратимыми. Вместе с тем в одном из сборников статей, исследующих парадигму суверенной демократии в России, справедливо выделено: «Глобальные плоды просвещения (экономические, информационные и военные инструменты глобализации) самим своим существованием порождают не только надежду на всеобщее процветание, но и соблазн глобального господства. Среди соблазняемых – и некоторые правительства, и банды террористов, и криминальные интербригады»⁸.

Суверенитет демократического государства тоже требует наличия сдерживающего фактора – военно-политического потенциала, достаточного для результативного отпора вероятному агрессору. И нейтральные государства содержат эффективные вооруженные силы, поддерживают мобилизационный резерв, и кадровый, и материальный, например Швейцария.

Самостоятельность государственной власти в значительной степени гарантируется современным и адекватным военно-политическим потенциалом, что объясняет важность учета такого фактора и обладания таким механизмом при формировании системы обеспечения политической стабильности.

Признак шестой. Право государства взимать налоги и сборы с населения и юридических лиц, организовывать займы. Первоначально они были необходимы только для содержания армии, полиции, других органов государственного управления и принуждения. Доходы современного государства используются также на осуществляемые государством образовательные, медицинские, культурные, социальные и иные программы. Законодательно ежегодно утверждается бюджет государства – программа (план, смета) доходов и расходов государственных средств. Представляется достаточным здесь отметить только, что финансовые затраты на военно-политический потенциал государства должны быть такими, чтобы все рассмотренные выше пять признаков государства в практической политической деятельности не могли быть подвергнуты сомнению, чтобы существование собственно государства не было поставлено под вопрос.

Очевидно, что военно-политический потенциал во всех основных признаках государства выступает одним из доминирующих факторов обеспечения политической стабильности.

Далее проанализируем некоторые современные проблемы, влияющие на политическую стабильность, выявим роль в их разрешении военно-политического потенциала государства.

В последние годы ярко обозначилась тесно связанная с политической стабильностью проблема политического терроризма, вышедшего за внутринациональные масштабы. Проблема приобретает не только международный, но все более глобальный характер. Терроризм становится одним из основных препятствий на пути демократических преобразований во многих странах, объективно склоняя государственную власть к чрезвычайным мерам противодействия сторонникам нецивилизованных методов борьбы за свои взгляды и интересы.

Социальной базой терроризма являются исторически нерешенные социально-экономические проблемы некоторых регионов, спорные с точки зрения отдельных социальных групп формы внутригосударственного административно-территориального устройства, религиозные, межэтнические проблемы. Разные политические режимы по-разному решали и решают проблему терроризма.

Проблема политического терроризма огромная, сверхактуальная, ее решение тесно увязано со способностью государства

С.И. Бойко

эффективно осуществлять свои суверенные функции как силовыми, так и в первую очередь экономическими методами, с наличием разнообразных государственных ресурсов и политической воли, с международной поддержкой. Важнейшим аспектом становится международная координация и объединение усилий всех стран и человеческого сообщества в целом для успешного противостояния терроризму, показавшему способность объединять усилия своих идеологических последователей в разных государствах, порой со значительно отличающимися политическими режимами и политическими системами. Направления ликвидации терроризма как явления четко и лаконично указал В.В. Путин: «Чтобы эффективно бороться с терроризмом, нужно несколько составляющих. Необходимо укрепление государства и правовой системы, необходим рост экономики и создание среднего класса, укрепление правоохранительных органов и эффективное международное взаимодействие»⁹.

Таким образом, очевидно, что для решения проблемы политического терроризма необходимо задействовать все компоненты военно-политического потенциала государства.

Чтобы объемнее представить проблему, возможно выделить несколько определений феномена «политическая стабильность», данных в российских политологических исследованиях:

– политическая стабильность – состояние политической системы, характеризующее наличие необходимых условий и факторов, обеспечивающих сохранение обществом своей идентичности, гражданского мира и согласия на основе достижения баланса интересов различных социальных субъектов и политических сил, своевременного легитимного разрешения возникающих проблем и противоречий в сфере политики с помощью предусмотренных законом механизмов и средств¹⁰;

– политическая стабильность – устойчивое состояние общества, позволяющее эффективно функционировать и развиваться в условиях внешних и внутренних воздействий, сохраняя при этом свою структуру и способность контролировать процесс общественных перемен¹¹;

– политическая стабильность прежде всего означает снижение социальной напряженности в обществе и достижение на основе компромисса интересов разных социальных групп национального согласия по вопросам выбора пути дальнейшего развития России и, в частности, по реформированию экономики и политической системы¹².

Суммируя изложенное выше, по мнению автора, можно сформулировать такие определения:

– следует понимать под стабильностью не застывшую, кристаллизованную, неизменную во времени и пространстве конструкцию, а динамичное состояние, следует не сохранять структуру политического управления, а обеспечивать ее адаптацию в соответствии с изменениями социума таким образом, чтобы не утратить управления и контроля за политической и экономической ситуацией в государстве и обществе;

– когда в исследованиях акцент делается на сохранении и поддержании всех параметров существующей политической системы, а политическая стабильность рассматривается как статический феномен, то тогда это не политическая стабильность, а политический застой;

– политическую стабильность целесообразно рассматривать в динамике как состояние, достигаемое и поддерживаемое в результате креативного процесса стабилизации, т. е. определенной совокупности целенаправленных и обоснованных действий по созданию ситуации, когда отсутствуют угрозы перевода политической системы в качественно новое состояние; когда отсутствуют антагонистические, непримиримые противоречия в обществе; когда в наличии политическая воля и ресурсы для политической стабильности.

Известно, что политическая стабильность по сферам проявления и действия с точки зрения государства и его функций или признаков может быть внутренней и внешней.

Внутренняя политическая стабильность является определяющим условием для успешного курса модернизации и реформ, качественной трансформации и последовательной демократизации политического режима, для долговременного состояния гражданского мира и согласия. Внутренняя политическая стабильность предполагает цивилизованные политические отношения между различными политическими партиями и политизированными объединениями, между социальными группами (слоями, классами общества), между институтами государства и гражданского общества. Факторы своевременного снятия экономической и социальной напряженности, способной стать политической, должны вырабатываться в результате постоянного многоуровневого и многовекторного диалога.

Наличие военно-политического потенциала и достаточной политической воли у легитимно избранной государственной власти во внутренней политике является стабилизатором и естественным ограничителем применяемых во внутривнутриполитической борьбе средств за политическую власть в современной России.

С.И. Бойко

Внешняя политическая стабильность включает четыре стороны: геополитическую, политическую, внешнеэкономическую и военно-политическую. Отметим, что в современном мире на первое место, наряду с геополитической и военно-политической, выходит внешнеэкономическая деятельность государственных структур, создание адекватных современным реалиям механизмов для отстаивания интересов национального бизнес-сообщества, поддержка и создание условий для конкурентоспособности национальной экономики России, включая весь национальный бизнес вне зависимости от форм собственности и величины капитала. Появился даже афоризм: «Зачем завоевывать, если можно купить». Представляется, что в сфере жизненных интересов России, главным образом в странах бывшего СССР и в странах Центральной и Восточной Европы, место военно-политического потенциала целесообразно передать нашему финансовому и политико-экономическому потенциалу, потому что в межгосударственных отношениях первенство военно-технического сотрудничества и военного взаимодействия не так плодотворно и результативно, как экономическое сотрудничество, экономическая кооперация и даже экономическая конкуренция.

В итоге можно определить, что политическая стабильность означает динамичное, эволюционное, устойчивое и непрерывное по основным характеристикам состояние, когда развитие политических процессов осуществляется без вооруженных конфликтов и войн, имеется удовлетворительная степень обратных связей правительства с социальными изменениями в стране, обеспечены уравновешенный характер отношений как внутри элиты, так и элиты с другими социальными группами, а также приемлемый уровень баланса сил и цивилизованные формы диалога политических сил страны. Когда военно-политический потенциал используется только как потенциал (гипотетическая способность), а не применяется как реальный ресурс в реальных действиях вооруженного конфликта той или иной степени интенсивности.

Среди основных факторов, обеспечивающих политическую стабильность, обычно выделяют политические, правовые, социальные, экономические, военные, идеологические. Иногда, в зависимости от ракурса исследования, политологи акцентируют внимание также на факторах административных, нравственных, культурных, национальных, психологических и т. д.

Остановимся на военной группе факторов. Особенность военного, а точнее – военно-политического потенциала заключается в том, что он может быть фактором как внутренней, так и внешней политической стабильности.

П.К. Гончаров выделяет среди внешних причин нарушения стабильности и вхождения политической системы в переходное состояние следующие¹³:

– внешние факторы природного характера, находящиеся не только вне данной политической системы, но, может быть, вне человеческого общества вообще. Например: стихийные бедствия или космические явления, способные спровоцировать серьезные социальные катаклизмы – голод, техногенные катастрофы, общественные беспорядки, усиливающие влияние на политические процессы;

– внешние факторы социально-политического характера. Добавим, что к ним, на наш взгляд, следует отнести прежде всего политические и военно-политические факторы, необходимость выполнения международных соглашений и договоров, в том числе с такими международными организациями, как ООН, МВФ, ШОС, ПАСЕ, ОБСЕ, решения международных судов. Значительно влияние военно-политических организаций и блоков (ОДКБ, НАТО), участие в локальных и приграничных конфликтах и т. д. Очевиден рост влияния транснациональных компаний, разнообразных зарубежных неправительственных и клерикальных организаций.

Международное влияние на внутривнутриполитическую стабильность может быть как негативным, так и позитивным. Одни и те же действия по экономической и научно-технической помощи, политическому консультированию, военно-техническому сотрудничеству и военной поддержке могут быть разнонаправленными.

Особенность и отличие современного геополитического положения России состоит в том, что государства-конкуренты постарались (и у них почти получилось) из России как государства мирового масштаба («сверхдержавы») сделать государство регионального уровня; отодвинуть Россию на периферию основных экономических и политических процессов человечества и, пользуясь социально-экономическими проблемами России, убедить в отсутствии других векторов развития прежде всего национальную элиту; убедить в том, что военный потенциал обременителен, не соответствует современному состоянию международных отношений с приматом «общечеловеческих ценностей», что многополярное мироустройство не отвечает вызовам эпохи.

Тем не менее после избрания В.В. Путина Президентом России политический курс на защиту национальных интересов страны стал последовательно укрепляться. Была активизирована внешнеполитическая деятельность России по развитию экономических, военных, политических связей со странами Цен-

С.И. Бойко

тральной Азии, активно развивается Шанхайская организация сотрудничества, более прагматичной и внятной стала политика со странами Балтии и странами СНГ. Россия старается систематизировать и рационально решать вопросы взаимоотношений с Украиной, Грузией, Молдавией. Отстаивается собственное видение Россией взаимовыгодных экономических и политических отношений с Ираном. Целенаправленно устраняются двусмысленные формулировки, появившиеся в международных соглашениях в предыдущие годы, например с Японией. Все менее привычным для стран Запада становится скрытое флером дипломатических уловок и декоративно-миролюбивых аргументов беспрепятственное ущемление интересов России, как это произошло с планами размещения элементов американской системы ПРО в Чехии и Польше, с независимостью Косово, с разграничением Арктики, наконец.

Структуры государства, обеспечивающие национальную безопасность, имеют две выраженные составляющие, оказывающие влияние на внешние и внутренние факторы политической стабильности. Это Вооруженные силы (организационный механизм – министерство обороны) и Служба внешней разведки (СВР), во-первых; органы охраны правопорядка (МВД), федеральной безопасности (ФСБ), министерство по чрезвычайным ситуациям и т. д., во-вторых. Во время утверждения в Государственной думе РФ 8 мая 2008 г. на должность председателя правительства В.В. Путин в своем выступлении выделил один из приоритетов будущей работы: «Только боеспособные, хорошо укомплектованные Вооруженные силы, обладающие высоким моральным духом, могут защитить суверенитет и целостность страны»¹⁴.

Затраты государства на национальную оборону, правоохранительные структуры и национальную безопасность должны обеспечивать отвечающий современным вызовам внутренней и внешней региональной и геополитической обстановки уровень материально-технического и профессионального потенциала силовых органов государственной власти. В переходном состоянии российской политической системы значение лояльного и неполитизированного отношения сотрудников силовых структур к процессам перемен возрастает. Поэтому понятно повышенное внимание Президента России Д.А. Медведева к военно-политическим вопросам, в частности сохранение традиции встреч с лучшими выпускниками военных академий.

Совершенно естественно также и то, что российский законодатель, учтя опыт советского периода нашей истории и опыт

первых лет переходного периода, запретил политическую деятельность и членство в любых партиях военнослужащим и приравненным к ним государственным служащим. Воспитанные на принципах единоначалия и привыкшие ориентироваться на главное лицо структуры, они выделяют не партию, не группу лиц, а главу государства, оценивают его способность отвечать вызовам современного, динамично меняющегося мирового политического устройства.

Представляется обоснованным сформулировать итоговые результаты предпринятого исследования.

Военно-политический потенциал – это не просто военный ресурс, но и потенциальное преимущество, неотъемлемая часть общего государственного потенциала. В вероятном политическом противостоянии двух или нескольких государств военно-политический потенциал, безусловно, является одним из основополагающих факторов, обеспечивающих как внутреннюю, так и внешнюю политическую стабильность. Как правомерно было отмечено, «не существуют отдельно, сами по себе политические, экономические, военные преимущества. Они всегда часть и следствие культурного превосходства»¹⁵. Неполитические потенциалы в своей совокупности при наличии политической воли могут дать политический результат.

Военно-политический потенциал – органичная составляющая общего, генерального потенциала, делающего страну и государство положительным примером для других народов, привлекающим другие народы в круг наших сторонников и союзников. Военно-политический потенциал – результат социально-экономического и культурно-политического, исторического развития, объединяющий как материальные, так и духовные ресурсы народа, естественно претендующего на достойное и равноправное место среди других народов, живущих на нашей планете. Для сомневающихся сошлемся еще раз на авторитет выдающегося представителя мировой политической мысли: «Сила оружия – сила не грубая, не материальная, а именно духовная... Сила оружия как и любое духовное начало, прежде чем покорить, убеждает»¹⁶. Иными словами, военный потенциал не только материален, но имеет также культурную, идейную, политическую составляющие, следовательно, является военно-политическим потенциалом, органично сочетающим в себе как неполитические, так и политические потенциалы.

Военно-политический потенциал в руках действующей политической власти или в случае борьбы за политическую

С.И. Бойко

власть служит одним из основополагающих факторов как внутренней, так и внешней политической стабильности. Современное мироустройство таково, что рано еще полностью отдавать приоритет социальному, экономическому, культурному, информационному потенциалам, оставив военно-политическому потенциалу пассивную и второстепенную роль. Необходимо достаточный и эффективный баланс всех составляющих политического потенциала российской политики в начале XXI в., чтобы российское государство было конкурентоспособным, адекватно отвечающим на возникающие социально-экономические проблемы и возможные внешнеполитические вызовы, угрожающие политической стабильности и благополучию граждан России.

Послесловие. Статья была написана в апреле–июне 2008 г., т. е. до известных трагических событий августа 2008 г. в Южной Осетии и Абхазии. По мнению автора, ход этих событий в целом подтвердил результаты предпринятого в статье исследования военно-политического потенциала как об одного из факторов, в значительной степени влияющего на политическую стабильность, затрагивающего основы существования государства. Решимость, политическая воля и быстрота в применении военно-политического потенциала, по всей видимости, стали неожиданностью для наших оппонентов. Можно предположить, что использование военно-политического потенциала не позволило проблеме региональной внешнеполитической нестабильности у южных границ России сделать проблемой внутривнутриполитической, внутригосударственной. Внешнеполитический для России характер конфликта сохранен.

Но вместе с тем случившееся в августе 2008 г. чрезвычайно и экстраординарно, процесс урегулирования продолжается и, судя по всему, будет долгим. Порождает надежду, что собственно боевые действия остановлены, что военно-политический потенциал может быть использован только в части своей второй составляющей – политической.

Поэтому автор посчитал, что несвоевременно корректировать ранее написанное в связи с последними политическими событиями, безусловно требующими глубоких, спокойных и профессиональных политологических исследований, посильное участие в которых, возможно, автору удастся принять в будущем.

- 1 *Бердяев Н.А.* Дух и машина // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007. С. 201.
- 2 <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml> 24.06.2008.
- 3 См., например: Общая теория государства и права: Академический курс: В 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 1. М.: Зерцало, 2001. С. 91–99; *Гомеров И.Н.* Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М.: ЮКЭА, 2002. С. 392; Государственное управление: основы теории и организации / Под ред. В.В. Кобзаненко. М., 2000. С. 84–85.
- 4 *Вандам (Едрихин) А.Е.* Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002. С. 29.
- 5 <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/06/202940.shtml> 25.06.2008.
- 6 *Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.: Пер. с исп. М.: АСТ, 2001. С. 285.
- 7 См., напр.: *Божьева О.* Классная армия всех сильнее // Московский комсомолец. 2008. 9 окт. С. 6; 10 окт. С. 4.
- 8 *Сурков В.Ю.* Национализация будущего (параграфы про суверенную демократию) // Суверенная демократия: От идеи – к доктрине: Сб. статей. М.: Европа, 2006. С. 31.
- 9 *Путин В.В.* Интервью нидерландскому телеканалу «Недерланд 1» и газете «НРЦ Хандельсблатт» // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/10/96446.shtml> 01.11.2005.
- 10 См.: *Семигин Г.Ю.* Стабильность политическая // Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ин-т философии РАН. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 632.
- 11 См.: Политология: Учебник для вузов / Под ред. М.А. Василика. М.: Юрист, 2001. С. 217.
- 12 См.: Общая и прикладная политология: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М.: МСГУ; Союз, 1997. С. 531.
- 13 См.: *Гончаров П.К.* Транзитивная политическая система: основы теории и методологии исследования. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2004. С. 138–139.
- 14 Государственная дума: Стенограмма заседаний // Бюллетень. 2008. № 24 (997). 8 мая. С. 13.
- 15 *Сурков В.Ю.* Русская политическая культура // Стратегия России. 2007. № 7 (43). Июль. С. 17.
- 16 *Ортега-и-Гассет Х.* Указ. соч. С. 283–284.

М.А. Гордеева

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК СПРОЕКТИРОВАННЫЙ КОНФЛИКТ

Ни одно явление современной жизни не характеризует и не выписывает ее более полно, чем конфликт. Само понятие конфликта, в его узком или более глобальном измерении, давно перестало быть чем-то особенным и превратилось в нормальный аспект социальной коллективной и индивидуальной жизни, тип коммуникации, позволяющий реализовывать многие актуализировавшиеся противоречия нашей жизни. Можно даже смело сказать, что конфликт является одной из самых эффективных стратегий и тактик политического, экономического и социального миров, позволяя четко провести границы отдельных групп, сфокусировать общество на определенных аспектах социальной жизни или просто отвлечь внимание от «неудобной» проблемы. Необходимо также признать, что конфликт является наиболее сильным инструментом по укреплению идентичности группы, не только задавая ее границы, но еще и артикулируя ее интересы и поддерживая внутреннюю сплоченность.

В последнее время наряду с тем, что сохраняется множество разнообразных конфликтов, можно констатировать и другую тенденцию – тягу многих социумов или, точнее сказать, их элит к установлению режимов, характеризующихся значительной долей консерватизма и ориентированных на сохранение своего дизайна в долгосрочной перспективе. Такой поворот событий в политическом и неполитическом мирах во многом определяется возникновением новых феноменов социальной жизни – «общества потребления» и «социального государства», успешность функционирования которых зависит от возможности ослабления конфликтного потенциала, его дифференциации и рассеивания на разнообразные локальные конфликты. Таким образом, можно совершенно точно констатировать тот факт, что увеличивается приверженность стратегиям стабильности и, исходя из специфики задач и вызовов настоящего момента, складывается

впечатление, что именно они дают возможность решить больше задач и добиться лучших результатов, чем любые другие.

С политической точки зрения эти концепты могут лучше всего быть реализованы в рамках представительной демократии, хотя и в ней заложен врожденный конфликт между идеальным типом баланса репрезентации и возможностью представления интересов каждого гражданина и реальностью, где многое из задуманного нарушается и деформируется. Однако вне зависимости от того, насколько хорошо функционирует система управления, для нее жизненно необходимо наличие физического и временного пространства, которое бы давало возможность реализовывать заложенные механизмы, а это условие – продолжительности, преемственности и последовательности – может наилучшим образом быть обеспечено за счет внутреннего баланса и стабильности ее существования. К тому же именно механизмы представительства во власти, отвечающие критериям стабильного существования в обществе, могут быть наиболее эффективными для минимизации внутреннего уровня конфликтности, переводя споры в русло нормативно оформленных дискуссий и представляя необходимые площадки для манифестирования и отстаивания собственных позиций и интересов.

Таким образом, очевидно, что стабильность любой системы является неотъемлемым компонентом ее существования и успешности развития, хотя и характеризуется как минимум конфликтным потенциалом, так как в любой системе уже заложено противоречие между оптимальными каналами коммуникации и реальными, между эффективными механизмами артикуляции и продвижения новых идей или манифестаций, связанных с нарушениями и механизмами, имитирующими такой обмен мнениями. Категория стабильности системы может только отчасти быть показателем эффективности ее функционирования и продвинутой в области взаимного согласования интересов различных сегментов социума. Для того чтобы исследовать эту ситуацию более глубоко, воспользуемся конструктивистской парадигмой, в рамках которой уделяется большое внимание исследованию конструирования конкретных субъективных смыслов социального взаимодействия в каждой конкретной ситуации такого взаимодействия. Все это дополнено тем, что сами способы представления социальной реальности рассматриваются как формы активного влияния на саму социальную реальность. Таким образом, значительно расширяется поле политических и, возможно, социальных конфликтов, так как их предметом может быть не только распределение власти и ресурсов, но и поиск оптималь-

ного формата диалога двух субъектов, где общество всегда будет стремиться донести и артикулировать определенные проблемы, а власть – выбрать наиболее легкий вариант осуществления этого диалога. В контексте такого взаимодействия стратегия стабильности приобретает особую привлекательность, так как скорее всего прочитывается властью как наиболее легкий вариант взаимодействия с обществом.

Стабильности как таковой придается особый субъективный смысл в рамках социального взаимодействия, приравнивая ее зачастую к одной из базовых ценностей социума.

Соблазн стабильности настолько велик, что ею нередко определяют систему политической власти в стране в целом, приравнивая, например, к демократии. Нередко также именно в стабильности видят конечную цель политического развития страны. Однако, чтобы понять сущность и роль этого явления в современном мире, необходимо исследовать его в нескольких проявлениях: в системе политического управления, политической психологии и динамике политического развития.

Стабильность режима и степень его поддержки – обычно взаимосвязанные факторы: высокая степень поддержки дает режиму необходимый кредит доверия, когда он оказывается в кризисе. Но здесь главное – учитывать конкретную ситуацию и политическую атмосферу, в которой функционирует власть. Говоря о демократиях, имеет смысл выделить как минимум два типа: развитые (сложившиеся) демократии, обладающие значительной степенью устойчивости за счет сбалансированных процедур и отлаженных механизмов, и развивающиеся (складывающиеся) демократии, где, с одной стороны, для устойчивости и развития государственности стабильность особенно необходима, а с другой стороны, также необходима значительная доля здорового скепсиса, так как режим еще далек от совершенства.

Необходимо отметить тот факт, что с системной точки зрения практически все постсоветское пространство характеризуется склонностью людей к повышенному доверию власти, что не только снижает шансы для здорового скепсиса, необходимого на этапе становления режима, но и замедляет все остальные политические процессы в обществе, так как доверие, которого требует демократия, должно существовать на фоне активной гражданской позиции, где при малейшем нарушении механизмов демократических процедур общество реагирует, а в случае с незрелыми демократиями избыток доверия разрушает гражданское общество, создает политическую апатию и снижает уровень общественного контроля за действиями исполнительной власти¹.

Ситуация осложняется еще и разницей в реакциях на нестабильность системы в зависимости от того, в каком политическом контексте режим функционирует.

Какие критерии могут быть положены в фундамент стабильной демократии? Прежде всего – ее выживаемость и устойчивость, но это также можно атрибутировать как неэффективность управления в соседних с ней государствах или просто отсутствие сильных вызовов системного характера на протяжении некоторого времени.

Среди основных факторов, определяющих стабильность системы, могут быть названы:

- эффективность системы принятия решений, основанная на предусмотренных этой демократией процедурах принятия решений;
- долгосрочность осуществления этих процедур;
- свобода выборов.

Эти основные критерии, обеспечивающие стабильность режима, могут быть дополнены некоторыми другими:

- стабильность власти и «долголетие» режима обеспечиваются совпадением официальных властных типов процедур с практикуемыми в обществе. Нарушение этого взаимного существования провоцирует напряжение, которое в свою очередь провоцирует нарушение функционирования механизмов системы. Однако некий управляемый и минимизированный уровень напряжения системе необходим, ибо при полном совпадении этих практик политический режим трансформируется в тоталитаризм;
- политическое управление должно четко выдерживать баланс между чисто демократическими и другого вида процедурами, характерными для разных секторов осуществления власти.

Критерии поддержки политического режима и тем самым обеспечения его стабильности тоже довольно сильно различаются в зависимости от того, имеем ли мы дело с развитыми демократиями или нет. Для развитых демократий характерен весь набор традиционных критериев²:

- социоэкономические показатели (уровень и скорость экономического развития, возможность вертикальной мобильности и т. п.);
- социальный статус и образование, где степень поддержки режима будет уменьшаться с возрастанием уровня политического образования, или же гендерный фактор³.

Эти факторы в равной степени применимы и к развивающимся демократиям, но здесь необходимы существенные дополнения и уточнения особенностей функционирования политического мышления граждан:

- традиционный для определения стабильности системы фактор оценки эффективности действий правительства. В устойчивых системах недовольство по поводу действий конкретного правительства – это еще не сигнал к изменению режима⁴, в то время как в складывающихся системах степень влияния конкретной ситуации на общественное мнение может вполне транслироваться в представления об эффективности режима в целом;
- в развивающихся политических системах в качестве дополнительного фактора можно добавить личный опыт конкретных граждан, сталкивавшихся ранее с авторитарной системой, или же, наоборот, следование ценностям индивидуализма и увеличения личного благосостояния, заложенным на этапе формирования основных навыков социализации⁵;
- наличие в обществе политической толерантности вообще можно считать еще одним критерием, сильно связанным с предыдущим опытом сообщества, а также с текущей социально-экономической ситуацией, которая может располагать, а может и не располагать к такого рода толерантности;
- особо необходимо отметить фактор влияния политического участия на степень одобрения политической власти. Стоит отметить и участие граждан в общественных организациях, чего так сильно не хватает демократиям на этапе становления, потому что именно через него и включаются механизмы, автоматически регулирующие конфликты в обществе. И более того, оно создает атмосферу безличного и межличностного доверия в обществе, а также вырабатывает набор базовых идей в обществе и определяет лидеров мнений.

Анализ системной составляющей стабильности в России требует применения всего спектра критериев, потому что, с одной стороны, государство явно не может претендовать на статус развитой демократии даже с точки зрения хронологических рамок ее существования, а с другой стороны, в России наличествуют практически все основные традиционные составляющие стабильности: если посмотреть хотя бы последние опросы общественного мнения, становится очевидным, что приоритетным для российских граждан на данный момент является весь спектр социоэкономических показателей, от увеличения благосостояния граждан до доступного образования⁶.

Вместе с тем очевидно, что Россия до сих пор не преодолела свой институциональный кризис⁷. Многое досталось в наследство от СССР, но еще больше не очень хорошо сочетающихся между собой институтов – от ельцинской эпохи демократизации, что в контексте путинских реформ и выстраивания вертикали власти создает отсутствие транспарентности и, следовательно, результируется в неэффективности работы системы управления. Интересно, что при отсутствии четкой и функционирующей институциональной базы как главного системного фактора, обеспечивающего стабильность политической системы, В.В. Путин смог унифицировать отдельные сектора этой системы, сосредоточить властные полномочия по принятию решений в руках узкого круга лиц и «подкрепить» созданную вертикаль обновленным и лояльным власти бюрократическим механизмом.

Долгосрочность существования такой эклектично-упрощенной системы государственной власти обеспечивает совершенно другую тенденцию социального развития России в настоящий момент, хронологически совпавшая с путинскими реформами, – процесс формирования новой социальной структуры общества. В данном случае происходит простой обмен – стабильность за поддержку. Большинство электората правящей партии искренне верят в способность лично В.В. Путина обеспечивать контроль за ситуацией и гарантировать достойное существование гражданам. Интересно, что довольно небольшое количество россиян продолжают интересоваться политикой и едва ли многие читали программу партии, за которую голосуют, и вряд ли понимают ее отличия от других. Эта тенденция еще более значима в контексте того, что именно новая социальная страта – средний класс или, по выражению аналитиков ВЦИОМ, «срединный слой», так как он не совсем соответствует критериям, предъявляемым среднему классу, создает запрос на стабильность и подталкивает власть к осуществлению именно этого «национального» проекта. Для «срединного слоя» стабильность – это надежда на повышение благосостояния и вертикальную мобильность в ситуации, когда принятие политических решений и обеспечение стабильности входит в обязанности другой стороны.

Поэтому с системной точки зрения, хотя мы и можем видеть основные признаки общества, генерирующего высокий уровень социально-экономического запроса россиян, этого недостаточно, потому что отсутствуют остальные признаки развитой и «зрелой» системы управления: не секрет, что стабильность системы опирается на персональные рейтинги основных политиков и президента, а оценка их действий экстраполируется на отноше-

М.А. Гордеева

ние общества к системе управления. Другая не менее важная проблема российского общества – низкий уровень политического участия и особенно участия в деятельности общественных организаций, в результативность которых россияне со времен Советского Союза не верят. Однако политическое участие является одной из основных составляющих для функционирования политически стабильной системы, обеспечивая ее динамичекий баланс и «обратную связь». Таким образом, несмотря на наличие запроса на стабильность, он остается пока практически ничем не подкрепленным.

С психологической точки зрения, стабильность – это попытка сведения к минимуму факторов неопределенности и неизвестного. Она реализует потребность человека в структуре, позволяя внести необходимые упрощения в жизненное многообразие и непредсказуемость.

Осуществление проекта «стабильность» в долгосрочной перспективе чревато значительной унификацией общественного мнения и возведением этого понятия в ранг одной из базовых ценностей. В данный момент еще и не совсем понятно, насколько осознана потребность в стабильности: как реакция на 1990-е годы, т. е. тактически, или же на более глубоком уровне, т. е. как одна из ценностей. Ответ на этот вопрос позволит вынести суждение и о доминирующем в обществе типе консенсуса (процедурном – в первом случае или же базовом – во втором).

Популярность стабильности как одного из национальных идеологических концептов проистекает из достаточно слабой политической сегментации общества и готовности поддерживать любой режим, который даст возможность реализации личной свободы и увеличения собственного уровня благосостояния, не требуя времени на изучение различных политических платформ и программ. Низкое политическое участие проистекает также из того, что россияне традиционно мало верят представительным органам власти и достаточно большая часть населения, преимущественно невысокого уровня материального благосостояния и образования, считает, что своим политическим участием едва ли может что-нибудь изменить на национальном уровне.

С точки зрения перцепции интересен и тот факт, что за время существования российской демократии даже сам термин «оппозиция» не приобрел положительной окраски и не стал нормальной частью современной политической культуры.

Примат стабильности на перцептивном и идеологическом уровнях обусловлен существованием такого феномена, как «кон-

сенсусная метаидеология», которую многие исследователи считают порождением синкретизма в условиях слабой расчлененности массового сознания. Большой объем информации и множественность факторов, составляющих политический мир, не могут не пугать, и необходимость поиска себя в этой реальности представляется крайне сложным вызовом, особенно на фоне необходимости самостоятельно обеспечивать себя материально. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на первый план выдвигаются ценности общего содержания, объединяющие общество вне вектора политической идентификации: «стабильность», «порядок», «социальная справедливость» и «сильное государство». Таким образом, удастся объединить общество без учета личной политической идентификации отдельных его граждан. На первом этапе построения нового сообщества такая идеология может быть очень полезной, так как дает возможность преодолеть конфронтацию, но вопрос, насколько дееспособным может оказаться консенсус, когда его участникам едва ли важно, за счет чего поддерживаются искомые стабильность и порядок. Здесь велика не только опасность стагнации, но и предоставления слишком больших властных полномочий лидерам страны, подтверждение чему может быть неоднократно найдено в истории.

Появление такой общей идеологии, хотя и во многом очень поверхностной по своему содержанию, – важный этап формирования принципиально нового подхода к решению социальных проблем: большинство россиян видят в государстве достаточно силы, чтобы создать и поддерживать определенные правила игры и пространство для профессиональной реализации отдельных граждан. Государство должно, по их логике, обеспечивать стабильность политического и экономического курсов, но главное, предоставлять гражданам пространство для бизнеса и личной свободы. Это своего рода договор, весьма уникальный для политического ландшафта России, потому что впервые за долгое время появилось большое количество людей, готовых и желающих индивидуальной реализации. Поэтому неудивительно, что в ситуации, когда все их внимание нацелено на обеспечение личного материального процветания, политическое участие представляется не больше чем досадной необходимостью, которую по возможности сводят до минимума. Таким образом и возникает один из самых больших концептов современного российского политического сознания – сочетание сильного государства с гарантиями личной и социально-экономической свободы, тенденция, которая в последнее время находит отражение практически во всех опросах общественного мнения⁸.

Это убеждение во многом является перцептивным ядром игры в стабильность, потому что очевидно велика опасность крена в одну или другую сторону развития такого государства; поддержание своего рода «замороженного» или, другими словами, стабильного состояния и составляет ядро общественного запроса на реализацию этого мифа на практике.

Немаловажное значение в психологическом плане имеет и достаточно распространенный у россиян страх перед будущим, истоки которого вполне понятны, однако намного сложнее предсказать те паттерны, которые он инициирует в массовом политическом сознании. Один из таких паттернов – это сложившаяся достаточно давно высокая степень отчужденности россиян от государственных институтов и практически лишенная всякой критичности вера в главу государства.

Здесь следует также упомянуть и то, что в границах современной России сосуществуют по крайней мере два типа политических личностей: авторитарный (тип, унаследованный после Советского Союза) и демократический (во многом атрибутируемый новому поколению индивидуалистов). Миф о стабильности их во многом примиряет, но это скорее не стабильность, а поддержание паритета и статус-кво. В этом смысле «стабильное» развитие и успехи России позволили преодолеть кризис идентичности 1990-х годов и объединить общество вокруг самоуважения и открывшихся возможностей решения проблем своего материального благосостояния.

Не будет преувеличением сказать, что основной конфликтный потенциал стабильности проистекает из того, как этот концепт позиционируется. На начальном этапе создания новых ценностных ориентаций общества это, пожалуй, один из самых эффективных сценариев политического развития, но если обеспечение стабильности станет самоцелью, то политический режим неизбежно приобретет черты полицейского государства и потеряет способность адекватно реагировать на внешние вызовы.

Трактуя понятие развития как увеличение эффективности политического управления и решение текущих задач общества, где работоспособность группы оказывается жестко зависимой от качества управления внутригрупповыми процессами и от поддержания в группе гомеостатического равновесия, стабильность имеет большое значение, потому что позволяет удерживать долгосрочный баланс в группе, но не отменяет сути многих процессов, происходящих в сообществе на фоне этой стабильности. Иными словами, кто бы ни проектировал «стабильное

развитие», едва ли можно надеяться на отмену универсальных законов цикличности развития, где периоды относительно стабильного развития могут реализовываться только с помощью достаточно высокого уровня внутренней конфликтности элементов системы. В противном случае происходит простое «замораживание» конфликтов и откладывание нерешенных вопросов на более позднее время, что, в свою очередь, угрожает системе в целом, как нам и показал опыт Советского Союза.

Управление обществом на основе парадигмы стабильности требует еще большей точности в выборе стратегии и тактики. Лидеру требуется умение охватить в «мысленной модели» максимальное количество сложных динамических факторов, определяющих конфликтную ситуацию в группе. В российском обществе «запрос» на стабильность – большой соблазн для власти, так как создает иллюзию национальной поддержки действий власти, а на самом деле проистекает из негативного отношения общества к оппозиции и готовности дать администрации карт-бланш в обмен на невмешательство в личное пространство.

Ситуация аполитичности настроений большинства российского общества создает картину, когда ответственность за политические решения намеренно перекладывается на политическое руководство страны. Граждане не «не могут», а, по сути дела, «не хотят» участвовать в политических процессах и решениях, что создает ситуацию непринятия ответственности за политические решения руководства, а в будущем на этом же основании закладывает конфликты. Нет у большинства россиян и ярко выраженных партийных предпочтений, что в совокупности с другими факторами делает невозможным переход к парламентской демократии в обозримом будущем.

Другое следствие этой тенденции к аполитичности и примата стабильности в обществе – размывание политических программ и идеологии партий и переход к манипулированию общими понятиями и категориями («социальной справедливостью» и т. п.), что лишает партии выполнения их базовой функции взаимосогласования позиций различных групп в обществе. Это автоматически означает откладывание решения многих текущих проблем и конфликтов на неопределенное время или создает необходимость административного вмешательства в эти вопросы со стороны власти, что еще более опасная ситуация, и политическая «стабильность» текущего момента – всего лишь временно амортизирующий эти проблемы буфер.

С другой стороны, власти выгоден такой общественный запрос, потому что именно он дает возможность создания пас-

М.А. Гордеева

сивного, легко манипулируемого сообщества, что значительно упрощает задачи управления им.

«Стабильность» как проект во многом можно сравнить с игрой, которая не решает проблемы, но позволяет организовать коммуникацию и сохранить сложившийся в обществе расклад сил, и, по мнению Л.С. Выготского, она «создается при такой ситуации развития, когда появляются нереализуемые тенденции...»⁹. Развивая эту мысль, представляется уместным продолжить словами одного из наиболее ярких отечественных психологов-конфликтологов, который, раскрывая тему игры, писал: «Игра есть культурно представленный, зафиксированный и передаваемый “по наследству” способ разрешения конфликтов»¹⁰. Таким образом, это один из способов реагирования на существующую в стране ситуацию, который позволяет решить определенные задачи, но вместе с тем и существенно ограничивает политическое развитие страны, замораживая, а не решая многие из остро стоящих перед обществом проблем.

Парадоксально и то, что именно стабильность, если ее использовать как основной концепт развития (не разницы политического или экономического), таит в себе наибольший конфликтный потенциал, не давая возможности для экспериментов и распределения власти между элитами.

Подводя итоги, хотелось бы задаться вопросом относительно того, насколько реализуема «динамическая стабильность», которая дала бы возможность осуществлять политическое управление в долгосрочном порядке? Согласно результатам нашего анализа она вполне возможна, однако такая система потребовала бы реализации рефлексивного управления со стороны власти, основанного на гибком реагировании на настроения общества и поддержании тонуса всей системы через стимулирование политического участия и диалога.

Примечания

- 1 См.: *Mishler W., Rose R.* Trust, distrust and scepticism: popular evaluations of civil and political institutions in post-Communism societies // *Journal of Politics*. 1997. № 59 (2). P. 418–451.
- 2 *Eckstein H.* Regarding politics: Essays on political theory, stability, and change. Berkeley: Univ. of California Press, 1992. P. 182.
- 3 *Seligson M.A., Carrion J.F.* Political support, political skepticism, and political stability in new democracies: an empirical examination of mass

Политическая стабильность как спроектированный конфликт

support for coups d'Etat in Peru // *Comparative Political Studies*. 2002. Vol. 35. № 1. P. 73.

- ⁴ *Dalton R.J.* Citizen politics. NY.: Chatham House, 1996. P. 263.
- ⁵ *Inglehart R.* Modernization and post modernization: cultural, economic and political change in 43 nations. Princeton; NY.: Princeton Univ. Press, 1997. P. 148.
- ⁶ ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 947. Опрос от 12–13 апреля 2008; режим доступа www.vciom.ru
- ⁷ См.: *Бызов Л.* От кризиса ценностей к кризису институтов // *Свободная мысль*. 2008. № 4–5. С. 84.
- ⁸ *Дискин И.Е.* Революция против свободы: Сб. М.: Европа, 2007. С. 224.
- ⁹ *Выготский Л.С.* Игра и ее роль в психическом развитии ребенка. М., 1986. С. 183.
- ¹⁰ *Хасан Б.И.* Конструктивная психология конфликта. М., 2001. С. 115.

С.П. Митрахович

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
И ЦЕННОСТНОЙ «ИГРЫ»
РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ

Отечественная «партология» и политическая наука в целом традиционно уделяли внимание в большей степени институциональным основам функционирования российской партийной системы¹, чем проблемам ее идеологии и формирования ценностных приоритетов основных игроков. В имеющихся же попытках фундаментального анализа ценностной «игры» партий чаще всего принимаются в качестве значимых только их официальные программные документы, при этом игнорируется ценность изучения хотя бы ключевых интервью лидеров, программных статей и выступлений высокопоставленных функционеров данных структур². В результате подобного методологического подхода делается крайне спорный вывод о наличии у той или иной партии своей и четкой позиции по тому или иному вопросу.

Де-факто игнорируются сепаратные стратегии отдельных персоналий и групп внутри партийных структур, а также иные причины формирования специфики партийной позиции («ценностной ориентации») по тому или иному вопросу, причины изменения этой позиции и т. п. Публицистические материалы зачастую дают относительно адекватное описание процесса формирования «внутренних расколов» в партиях, однако не поднимаются на уровень выводов о влиянии данных расколов на характер эксплуатации игроками своих идейных и ценностных построений³. Академические же издания, хотя бы отчасти претендующие на рассмотрение данного вопроса, пока не распространяют хронологические рамки детального анализа на период последнего электорального цикла, что делает необходимым «заполнить пробел»⁴.

Сама по себе проблема утраты идейно-теоретическими построениями и базовыми социетальными расколами («город – деревня», «собственники – рабочие» и т. п.) своей роли в определении партийного ландшафта европейских стран уже довольно

продолжительное время является популярным сюжетом в политических исследованиях. В частности широкое распространение получила объяснительная концепция «catch all parties», утверждающая превращение прежних «идеологических» партий в «универсальные», реально претендующие на получение голосов практически всех избирателей, вне зависимости от их собственной ценностной ориентации⁵. По сути, данные партийные структуры («картельные партии», по определению П. Мэра и Р. Каца) превращаются в «электоральные машины», встроенные в госаппарат, получающие от него же (через бюджет) финансирование и обеспечивающие рекрутирование элит скорее по корпоративистскому принципу, чем по канонам классической политической конкуренции. Считается, что при тех возможностях, которые дают современные средства коммуникации, в обществе со сложной системой индивидуальных и групповых идентификаций главным критерием отношения к политической деятельности оказывается прагматизм, привязка к контексту, конкретным субъектам и способам их деятельности⁶.

С одной стороны, тема виртуализации ценностных приоритетов любых партийных игроков (или даже «конца идеологии») в рамках логики «картелизации» партий поддерживается и многими российскими исследователями, изучающими российский партийный спектр как часть общеевропейского. Отмечается, что в соответствии с Конституцией 1993 г. российским политическим партиям отведена второстепенная роль, они не участвуют в формировании исполнительной власти, не обладают правом эффективного контроля за правительством, их законодательные полномочия ограничены прерогативами не избираемой, а фактически назначаемой верхней палаты парламента – Совета Федерации и президента. Значительно затруднены возможности партий, в том числе обладающих влиянием в обществе, вносить изменения в действующую Конституцию. Тем самым ограничивается возможность политических партий транслировать во власть общественные интересы, выполнять функции коммуникативного моста между государством и обществом, способствовать участию граждан в политическом процессе⁷. Во властных структурах зачастую превалирует подход к партиям как к инструментам реализации решений, принятых исполнительной властью, как к своего рода «придаткам» административных структур, что особенно заметно на уровне регионов⁸.

Следовательно, вполне логичным представляется процесс максимальной нейтрализации («виртуализации») идеологической составляющей в функционировании политических партий и

С.П. Митрахович

переход их в разряд чистых «картелей», решающих электоральные задачи для аккумуляции поддержки действующего политического режима либо выстраивания позитивных отношений с ним вне всякой связи с ценностными/идеологическими приоритетами.

С другой стороны, в аналитическом сообществе распространена и альтернативная точка зрения, предполагающая, что тенденция «виртуализации» идейно-теоретических приоритетов не привела пока к полной утрате партиями идеологических функций. Идеологии играют важную роль в информационном взаимодействии различных групп элит, прежде всего – интеллектуалов и политиков (партийных в том числе), к тому же идеология также влияет на процесс социализации и усваивается во многом бессознательно, что иногда и приводит к неверному выводу об ее отсутствии у анализируемого субъекта.

Идеологическую самоидентификацию партий стимулирует желание опереться на международные политические организации, объединяющие соответствующие партийные «семьи»: принадлежность к тому или иному «интернационалу» не только дает возможности для сотрудничества и расширения кругозора, особо ценимые партийной верхушкой (вспомним контакты «Единства» в 2000 г. с Республиканской партией США), но и придает партии налет респектабельности.

В настоящее время имеют место попытки использования различных методологических подходов к вычленению «идеологических полюсов» российской партийной политики (например, через шкалирование ориентации партий по осям «демократия – авторитаризм», «план – рынок») ⁹. Такая шкала, отсылающая к упомянутому выше методу анализа социетальных разломов, более эффективна, более отчетлива и наглядна при анализе конкретных явлений конкретного времени, однако для анализа проблем происхождения и эволюции идеологий «лево-правая» шкала также может оказаться продуктивной. Необходимо отметить, что поскольку в общественном сознании традиционные наименования групп политических предпочтений все же утвердились, их использование при анализе политического процесса оказывается вполне допустимым ¹⁰. К тому же сами партии охотно используют «лево-правую» шкалу (зачастую не вполне понимая или осознанно искажая ее смысл) для собственного позиционирования в политическом пространстве.

Существуют и особые факторы, актуализирующие значимость программно-идеологической деятельности российских политических партий. Главный из них, очевидно, заключается в

том, что в обществе, где система социально-экономических интересов, которые могли бы получить рациональное выражение, еще не сложилась, на первый план в политической борьбе нередко выдвигаются общие мировоззренческие убеждения. Не случайно некоторые исследователи отмечают «идеологический» характер происхождения первых русских протопартий на рубеже 1980–1990-х годов¹¹.

«Стихийная» поддержка точки зрения о том, что «идеология по-прежнему имеет значение», регулярно проявляется и на экспертно-аналитическом, и на публицистическом уровне. Так, произошедшее в начале 2008 г. назначение Дмитрия Рогозина постоянным представителем России при штаб-квартире НАТО в Брюсселе практически сразу было расценено экспертами как некий демонстративный жест протеста Москвы против политики стран-лидеров Североатлантического альянса¹², пытающихся реализовать сценарий «форсированного втягивания» в свой блок Украины и Грузии. В более глобальном ракурсе перевод политика со сложившейся репутацией ярого антизападника и национал-патриота (если не национал-популиста) на «передовой край» дипломатического взаимодействия с Западом стал рассматриваться как отражение глубокого кризиса отношений России с США и странами ЕС, а также как симптом их неизбежного дальнейшего ухудшения.

Причина же подобных безапелляционных утверждений авторов самым непосредственным образом связана со сформированностью образа бывшего лидера «Родины» и всей его недавно существовавшей партии как «стопроцентных националистов». Аналогичным образом (под влиянием только программных положений и базовых выступлений партийных лидеров) сформированы стереотипы и в отношении других парламентских партий. Действительно, по мере уменьшения публичной политической конкуренции во время президентства Владимира Путина (отмеченной, по мнению наблюдателей, окончательной заменой «соревнования идей» на «соревнование административных проектов»¹³) те партии, которые не обладали мощным административным ресурсом, вынуждены были для поддержания своей популярности хотя бы имитировать верность идеологии и ярким лозунгам, отличавшим их от концептуально аморфных «партий власти». В результате ЛДПР, КПРФ и «Родина» стали «по определению» восприниматься даже экспертами по партийной политике как однозначно антизападные и националистические силы. Феномену же занятия партиями ситуативной позиции в связи с текущим уровнем отношений российского руководства с

С.П. Митрахович

Западом и уровнем своих собственных текущих отношений с Кремлем (Администрацией президента), а также в зависимости от того, точка зрения какого именно спикера от какой-либо конкретной партии подвергается анализу, было уделено явно недостаточное внимание.

На наш взгляд, именно понимание в значительной степени совершившегося перехода части идеологических разделительных линий с межпартийного уровня на уровень (квази)фракционный может разрешить противоречие между охарактеризованными выше подходами (соответственно признающими идеологические различия важным фактором структурирования российского партийного пространства и отказывающими фактору идеологических различий в этой роли). До сих пор недостаточно изученные (и на теоретическом, и на прикладном уровнях) процессы локализации «ценностной игры» внутри крупных парламентских партий в реальности развиваются крайне быстрыми темпами. Возможно, в связи с завершением президентства Владимира Путина российская партийная система находится на пороге вступления в период «переформатирования», что дополнительно увеличивает актуальность изучения отдельных групп и (квази)фракций внутри партий.

Рассмотрим подробнее технологию локализации партийных «ценностных игр» «во времени» (т. е. занятия партией той или иной позиции в зависимости от текущего политического момента) и «в пространстве» (т. е. зависимости линии партии от доминирования в ней конкретной фигуры и/или фракции) на примере видения в течение нескольких последних лет российскими партийными структурами перспектив отношений РФ с ЕС.

Первая причина, по которой партия «локализует» свою идентичность, занимает «ситуационную позицию», связана с рациональным выбором своей в большей степени про- или в большей степени антиевропейской позиции в зависимости от своего текущего статуса провластной или оппозиционной партии. Данный фактор обусловлен поиском новых ресурсов в контексте текущих отношений российских властей с европейскими структурами. Провластные партии на фоне конфликтов российских властей с Европой занимали антизападные во многом позиции, демонстрируя таким образом «полезность» главному актору и совпадение «его» позиции со «своей». Подобным образом действовала ЛДПР, позиция которой смотрелась в контексте ухудшения отношений с Западом как «предел возможного», но не как нечто нереальное и исключительно маргинальное. Более сложной была игра у «Единой России», которая пыталась гибко

реагировать и быстро менять оценки при корректировке кремлевских позиций – так произошло, например, сразу после «оранжевой революции» на Украине. КПРФ также удачно вписалась в кремлевский тренд роста разногласий с Советом Европы, когда она вместе с «Единой Россией» осуждала западные оценки режима А. Лукашенко и «антикоммунистическую» резолюцию ПАСЕ, озвучивая претензии даже к докладам ПАСЕ относительно внутренней политики в России. Отметим что годом ранее КПРФ в соответствии с рациональным выбором «играла» другую стратегию – апеллировала к западным инстанциям в оценке нарушений в предвыборной программе 2003 г. Очевидно, традиционная национал-патриотическая идентичность не позволила коммунистам серьезно изменить свои позиции относительно Европы, поэтому во второй половине 2005 г. можно констатировать возвращение КПРФ к своим традиционным взглядам. Что касается «Родины», то «ограниченная рациональность» в поведении Д. Рогозина, не дававшая возможности точно рассчитать свои шансы на «самостоятельную» игру, приводила к постоянным изменениям его позиции. Она предполагала то апелляцию к Западу с требованием признать недемократичность российской политики, то обращения к традиционным избирателям «Родины» с «патриотическими» идеями возвращения смертной казни и выхода из Совета Европы.

Вторая причина «ситуационности» и в значительной степени непоследовательности позиций, выражаемых представителями партий, связана с упомянутым выше ключевым фактором фиксируемых «крыльев», или «идейных групп», внутри партий. Они обнаруживаются у всех партий, работавших в Госдуме 4-го созыва, отчасти даже в «вождистской» ЛДПР (А. Митрофанов, например, продвигал идею вступления РФ в ЕС; также весьма умеренной, по меркам «жириновцев», была позиция выступавшего от партии в ПАСЕ Леонида Слуцкого). Очень сильные разногласия присутствовали в «Родине», когда никто из однопартийцев Д. Рогозина и близко не подходил к высказываемой им идее о необходимости «ассоциированных отношений с ЕС», который к тому же во многих интервью определялся как «стратегический партнер». Идеологические крылья в «Единой России» еще более заметны. Если выделить из партийных деятелей тех, которые одновременно являются политическими экспертами, то «сетка экспертов» лишь с трудом наложится на «сетку партий». Так, группа Косачева–Маргелова из «Единой России» гораздо ближе к экспертам от оппозиционных либералов (например, к А. Арбатову), чем к своим однопартийцам К. Зату-

лину и Ю. Лужкову. В свою очередь, К. Затулин был ближе к Н. Нарочницкой или М. Демурину из «Родины», что ярко проявилось во время появления слухов о К. Затулине как о возможном новом лидере «Родины» после ухода Д. Рогозина. Эксперты близкой идейной направленности от разных партий даже встречались на тех дискуссионных площадках, где трудно встретить эксперта-однопартийца, но принадлежащего к другому идейному лагерю. Например, К. Косачев и М. Маргелов регулярно публиковали свои статьи в таком либеральном и прозападном издании, как «Россия в глобальной политике».

Предыдущий тезис подводит нас к третьей причине «ситуационности» и «локализованности» партийных позиций – они очень зависят от характера аудитории, к которой обращается спикер партии. В массовых электронных СМИ выражаются самые жесткие позиции относительно Европы, как и в сложившихся национал-патриотических изданиях («Завтра», «Советская Россия»). В качественных газетах и тем более в экспертных журналах партийцы выступают умереннее (группа Косачева–Маргелова, Д. Рогозин, отчасти И. Мельников). И совсем в отдельную группу выделяются интервью западным журналистам, в которых не только Д. Рогозин, но даже Г. Зюганов выступает за активное сближение с Европой. Также отметим авторские монографии, в которых зачастую партийцами высказываются точки зрения, прямо противоположные традиционно сложившимся стереотипам о той или иной партии¹⁴.

Четвертая причина изменчивости и «ситуационности» партийных позиций связана с наличием у каждой партии определенного набора «тяжелых» тем с повышенной эмоциональностью восприятия, особенно для ядерного электората партий. У «Родины» этими темами были традиционные для национал-патриотов напряженные отношения с Прибалтикой, непризнанные государства СНГ и «придирки» Совета Европы. Именно поэтому, призвав «не злорадствовать» относительно провала референдумов по конституции ЕС, Д. Рогозин тут же мог призвать к выходу РФ из Совета Европы. У «Единой России» самой болезненной темой при дискуссиях с западными политиками, журналистами и экспертами была оценка внутренней политики России – провластный статус партии исключал возможность иной оценки ситуации в России, кроме кремлевской, но она все больше расходилась с оценками Запада. Однако как только напряженность по какой-то теме спадала, группа Косачева–Маргелова пыталась «отыграть назад» и восстановить отношения (как неоднократно происходило, например, с темой российско-прибалтийских отношений).

Подводя итоги, можно констатировать наличие двух разнонаправленных тенденций в российской партийной политике, связанных с проблемой идеологии и «ценностной игры». С одной стороны, действительно наблюдаются процессы «картелизации» и «технологизации» партий, при которых партийные структуры, существующие фактически как клиентелы, отказываются от четких идейных позиций. Идеология «виртуализируется», превращаясь в набор лозунгов, востребованных максимально широкой аудиторией.

С другой стороны, ожидания «переформатирования» партийного пространства и ухода старых лидеров заставляют влиятельные силы внутри практически всех партий сохранять идейную и ценностную идентичность хотя бы на локальном, (квази)фракционном уровне. Статус партийцев, способных к созданию идейно-теоретических построений, дает соответствующим функционерам больше оснований рассчитывать на карьерное продвижение в условиях отсутствия прямого доступа к административному ресурсу и/или отсутствия достаточно влиятельных «патронов».

Таким образом, аморфность и «виртуальность» идеологий ключевых партий парадоксальным образом стимулирует идеологические и «ценностные войны» внутри них. Чем неопределеннее сформулированы идейные приоритеты партии на «макроуровне», тем сильнее стимул для внутрипартийных групп победить в «ценностной войне» на «микроуровне» и навязать свою идеологию всей «материнской» структуре.

Последний тезис особенно актуален для «Единой России», своего рода «чемпиона» по аморфности идеологической базы. Нынешние латентно существующие внутрипартийные расколы могут уже в обозримом будущем «выйти на поверхность», после чего возможен вариант с достижением доминирования либо условно «либерального», либо «социально-консервативного» «крыла». Нельзя исключать и иных последствий того, что вся «ценностная игра» в ЕР оказалась в свое время локализована исключительно на внутрипартийном уровне. Например, такого последствия, как распад главной «партии власти» на несколько самостоятельных блоков/фракций. Вновь возникшие структуры (одновременно претендующие на статус «близких к власти») вполне могут стать организационными прообразами новых ключевых российских партий эпохи Дмитрия Медведева. И тогда запрос данных партий на возможность иметь собственные полноценные идеологии в условиях новой (потенциально конкурентной) политической среды имеет шансы стать актуальным.

- 1 См., напр.: *Чижов Д.В.* Российские политические партии: между гражданским обществом и государством. М.: РОССПЭН, 2008. С. 36.
- 2 См.: *Карпенко О.М., Ламанов И.А.* Сравнительный анализ программных документов политических партий России. М., 2008. С. 6.
- 3 См.: *Иванов В.* Партия Путина: История «Единой России». М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 10.
- 4 См.: *Коргунок Ю.Г.* Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд «ИНДЕМ», 2007. С. 442.
- 5 См.: Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сб. учеб. материалов / Под ред. Е.Ю. Мелешкиной. М., 2001. С. 94.
- 6 См.: *Соловьев А.И.* Политическая идеология: логика исторической эволюции // Политические исследования. 2001. № 2. С. 5–23.
- 7 См.: *Кисовская Н.К.* Партии и перспективы демократизации в России // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001. С. 445.
- 8 См.: *Галкин А.А.* Партийные системы на Западе и в России: проблемы и перспективы. М., 2002. С. 20.
- 9 См.: *Холодковский К.Г.* Социально-психологическая дифференциация российского населения и процесс формирования партий // Политические исследования. 2001. № 5. С. 77.
- 10 О подходах к анализу идеологического структурирования российского политического пространства и возможности для игроков найти в нем новые привлекательные «ниши» см.: *Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю.* Идеологическое структурирование российского партийного спектра // Политическая экспертиза. 2007. № 1. С. 48–63.
- 11 См.: *Малинова О.Ю.* Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Политические исследования. 2001. № 5. С. 97–106.
- 12 См.: *Становая Т.* Рогозин займется пропагандой // <http://www.politcom.ru/print.php?id=5567> – 10.01.2008.
- 13 См.: *Коргунок Ю.Г.* Указ. соч. С. 432.
- 14 См., напр.: *Митрофанов А.* Россия перед распадом или вступлением в Евросоюз. М., 2005. С. 10.

Г.М. Михалева

ЭВОЛЮЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Партии – практически универсальный феномен как в стабильных демократиях, так и в странах, декларирующих или же практикующих конкурентные выборы и элементы разделения властей¹.

В российском случае определить, какие организации можно считать партиями, а какие – нет, нелегко². С одной стороны, принятое законодательство нормативно закрепляет название «партии» только за политическими организациями, соответствующими достаточно жестким правилам, и обязывает их участвовать в выборах. Но существуют и политические организации, использующие так называемые «подрывные стратегии»; хотя они практически делегируются, теряя статус формальных партий, однако остаются на политической арене, продолжают называть себя партиями и нередко даже играют важную роль.

Как и остальные элементы политических систем и политических процессов, трансформирующихся от тоталитарных и авторитарных форм, партии на первых этапах отличаются «неразвитостью», партийные системы слабо консолидированы. Сами партии также выполняют лишь некоторые функции, свойственные им в развитых демократиях. Л. Пай, охарактеризовавший «незападный политический процесс», отмечает неструктурированность этого политического процесса и преобладание в нем других институциональных и неинституциональных форм, незначительный уровень консенсуса в отношении узаконенных средств и целей («конституционный консенсус») и отсутствие интеграции среди участников. Политические партии в западных обществах склонны претендовать на выражение мировоззрения и представление образа жизни, в отличие от многосоставных (по определению А. Лейпхарта) демократических обществ, где партии являются организованными выразителями политической воли частей общества с отличными интересами «сегментов». Они отличаются слабой

Г.М. Михалева

структурированностью и невнятной артикуляцией общественных интересов, что является следствием как слабой социальной дифференциации самого общества, так и динамически и неравномерно протекающих процессов институционализации³.

На первом этапе трансформации в России становление партий шло по обычному образцу – через появление широкой демократической коалиции, включающей реформаторов-«либерализаторов» из старой политической элиты и гражданские группы, которым противостояла партийно-государственная машина старого режима.

Уже после смены режима, помимо сохранявшейся, хотя и модифицировавшейся конфликтной линии «реформаторов-реставраторов», поддерживающих и критикующих рыночные реформы, все большее значение приобретал конфликт «центр – регионы», который достиг своего пика в 1999 г. с образованием партии, представлявшей интересы региональных элит. Ориентация победившей группы на рыночные реформы при избрании демократии как переходного решения привела к образованию демократической оппозиции. А образование административных и имитационных партий с социетальными конфликтами не связано вообще.

В периоды российской трансформации, когда выбор делался в пользу демократических институтов, пусть и как переходного решения, партии оставались невостребованными политической элитой и существовали в неблагоприятных институциональных условиях.

Они становятся полноправным субъектом политического процесса только тогда, когда демократические институты начинают сворачиваться.

Институциональные рамки становления партий в России сильно отличаются от европейских⁴. Здесь стоит упомянуть, что от начала становления партий до закрепления их конституционного статуса в Европе прошло почти сто лет, а законы о партиях и финансировании партий были приняты еще позже (в ФРГ, например, закон о партиях был принят бундестагом лишь в 1968 г.). Российские партии получают с законом о партиях нормативную базу, включающую в том числе и государственное финансирование уже через 10 лет после регистрации первой группы, назвавшей себя партией.

Не нужно забывать об эффектах международного воздействия. Партии вне зависимости от характеристик режима и их статуса все это время пытались «встроиться» в международные и европейские организации, объединяющие партийные «семьи»:

Социал-демократический, Либеральный, Консервативный интернационал, фракции ПАСЕ, европейские партии, что им удалось (вне зависимости от их типа – административного или гражданского).

Стратегии новых политиков – ориентация на досоветскую партийную систему или же воспроизведение европейского партийного спектра – оказываются неэффективными уже на раннем этапе. Позже не оправдывают себя и попытки воспроизведения американской двухпартийности.

Кроме того, полупрезидентская политическая система и доминирование неформальных институтов в политике значительным образом препятствуют эффективному становлению партий⁵.

На протяжении всего постсоветского периода законодатели по инерции воспроизводили практически во всех вариантах законов о партиях (сначала – союзных, потом – российских), общественных организациях и выборах, а вследствие этого и партии в своих уставах советские принципы.

Главная задача партии тоталитарного типа – контроль над членами и через подконтрольные общественные организации – над всем гражданами, которые не только должны подчиняться власти, но и регулярно демонстрировать ей свою любовь и массовую поддержку – на парадах физкультурников, праздничных демонстрациях, профсоюзных и партийных собраниях. При этом осуществление текущих задач сопровождается максимальной бюрократизацией, минимизирующей возможности влияния на решения руководства рядовых членов организации. Отсюда формы организации партийных собраний – с президиумом, кворумом, предписываемой регулярностью, от одного представления о которых у нормального человека начинается приступ зевоты.

Наши законодатели практически навязали современным партиям, живущим уже во многом по новым законам современных картельных партий, требования массовых партий конца XIX – первой половины XX в. и в части численности, и в части внутренней организации. При этом требования эти оказываются выгодными только «партиям власти», точнее – административным партиям, которые используют административные ресурсы и бюджетные деньги.

В Венгрии, для того чтобы зарегистрировать партию, один человек подает заявление и может от имени своей «партии» участвовать в выборах, в Чехии достаточно 10 человек. В других странах нужно собрать 1000 подписей поддержки, и партия уже

зарегистрирована. Наш законодатель все время эту планку повышает: до 5000, потом 10 000, потом до 50 000. Сейчас еще добавились требования «разветвленности»: партия должна иметь не менее 500 членов в половине регионов, и не менее 250 – в остальных. А на партийных собраниях, в том числе по выдвижению кандидатов, должен быть кворум.

Но и сами партии, прошедшие за постсоветское время путь от вспомогательных инструментов для завоевания власти до системообразующего элемента политической системы, продолжали и продолжают использовать старые формы проведения партийных собраний, до деталей совпадающие с традициями КПСС. Причем это касается не только КПРФ, но и других партий, включая оппозиционные.

Конечно, современные партии, кстати, не только в демократических, но даже и не вполне демократических странах, устроены совсем по-другому. Их особенности таковы:

- это небольшие, так называемые картельные, партии профессиональных политиков, работающих со своими сторонниками и избирателями разными способами, в основном – через средства массовой информации;

- руководящий состав таких партий – профессиональные политики, зачастую не обладающие качествами вождей, ведущих за собой массы;

- эти партии – важнейшая политическая подсистема государства, они финансируются из государственного кармана, даже если просто участвуют в выборах, не побеждая.

Программы этих партий в условиях консолидированных демократий мало отличаются друг от друга, а в избирательной кампании предлагаются актуальные темы и пути решения текущих проблем, а не альтернативные взгляды на экономическое, политическое и социальное развитие. В гибридных системах, сочетающих элементы автократий и демократий, и системах автократических главный водораздел между партиями напрямую связан с альтернативными политическими курсами: они либо поддерживают власть, объединяют и организуют представителей правящей группы, либо в зависимости от жесткости системы являются оппозицией в спектре от системной и конструктивной до внесистемной или даже нелегальной и подпольной.

Рассмотрим основные этапы эволюции российских административных партий.

Первые попытки создания квазинезависимых политических организаций, призванных имитировать существование политической активности и наличие политических альтернатив, отно-

сятся еще ко времени заката КПСС. В 1988–1989 гг. это были организации, альтернативные «Мемориалу». Еще до отмены 6-й статьи советской Конституции о компартии как руководящей и направляющей силе советского общества, являющейся ядром политической системы, возник целый ряд протопартий с разнообразными идеологическими платформами – от националистических и радикально-коммунистических до либерально-демократических и христианских. Несмотря на это после отмены запрета на многопартийность широкий резонанс, включая публикации в газете «Правда» и показы по первому каналу телевидения, получает лишь основание ЛДПСС во главе с ветераном нашей многопартийности Владимиром Жириновским.

Настоящее, всерьез партийное строительство началось только после 1993 г. и первых выборов, в которых по спискам могли участвовать пока не партии, но избирательные объединения.

В первом избирательном цикле в 1993 г. участвовала одна «чисто» административная партия – Партия российского единства и согласия. Ее членами стали мобилизованные Сергеем Шахраем, занимавшим в разное время значимые посты в правительствах Ельцина, в то время – министром Государственного комитета по делам Федерации и национальностей, чиновники региональных отделов.

«Выбор России» (ВР) – полуадминистративный, полуобщественный кентавр – появился как избирательное объединение на базе уже существовавшего движения «Демократический выбор России» (ДВР), однако сейчас к членам движения присоединились и члены «Демократической России», не во всем разделявшие позиции Егора Гайдара, связанные с методами приватизации, с одной стороны, и способом разрешения конституционного конфликта с применением силы – с другой. Сосуществование чиновников и демократов-общественников в одной организации порождало немало проблем. Представители исполнительной власти в регионах относились со скепсисом к «демократам», а те, в свою очередь, подозревали (не без основания) чиновников в отсутствии демократических убеждений.

Тогда элита не очень понимала эффективность партийного инструмента и не умела толком использовать административный ресурс, да и СМИ были еще относительно свободными. Именно поэтому результаты, полученные этими партиями, были не вполне убедительны: соответственно 5,5% и 6,7%.

Ко второму избирательному циклу президенту Борису Ельцину подсказали, что «в демократических странах две партии меняют друг друга у власти». Идея создать подконтрольную

Г.М. Михалева

двухпартийную систему ему понравилась. Премьеру Виктору Черномырдину было поручено создать правую, а председателю Думы Ивану Рыбкину – левую партии.

Главной задачей было поднять их «вес», поэтому «старые», или полуадминистративные, партии (ПРЕС и ДВР) для этой цели не годились.

Активное участие региональных элит в строительстве объединения «Наш дом – Россия» (НДР), возглавляемого самим председателем правительства, воспринималось федеральным центром как показатель лояльности. Только главы ключевых, независимых от центра регионов-доноров с политически влиятельными руководителями (Татарстан, Нижний Новгород, Свердловская область) могли позволить себе проигнорировать эту задачу. В субъектах Федерации за партийное строительство взялись главы или их заместители, быстро были созданы региональные организации, в которые входили не только чиновники, но и лидеры общественного мнения – ректоры вузов, режиссеры, известные артисты и журналисты. При этом близость к власти была достаточно серьезным стимулом для вхождения в НДР. Единственное, чего не хватало новой партии, – «простых» членов, получивших партбилет по убеждению и работавших бесплатно. На начальном этапе ПРЕС вошла в состав НДР, однако Шахрай, не увидев для себя серьезных шансов среди такого количества важных персон, решил идти на выборы самостоятельно, и в августе 1995 г. ПРЕС вышла из НДР.

Ивану Рыбкину, прошедшему в Думу первого созыва по списку Аграрной партии России, не удалось выполнить поставленную задачу, хотя Блок Ивана Рыбкина был зарегистрирован и включен в избирательный список, получил он чуть больше 1%.

Результаты, полученные НДР, также не были столь убедительными, как мечталось в Кремле, – всего 10,13%. Однако сам инструмент административной партии показал свою эффективность. Но в этом и последующем избирательном цикле административные партии носили «одноразовый» характер: старые не получали административной поддержки и впадали в ничтожество, новые же получали серьезную раскрутку, правда, очень скромную, сравнивая ее с нынешними временами.

Стоит отметить, что в тот период аналогичные инструменты создавались и в ряде регионов, где существовали «губернаторские» и «мэрские» партии.

Только после президентских выборов 1996 г., когда начинают интенсивно осваиваться методы использования медийного и ад-

министративного ресурса и фальсификаций, значимость административных партий стремительно возрастает.

Особенность следующего избирательного цикла – жесткая конкуренция двух административных партий в преддверии президентских выборов – федеральной и региональной элиты, опять обе они – «новоделы».

Мэры Москвы – Юрий Лужков и Санкт-Петербурга – Александр Яковлев и экс-премьер Евгений Примаков создали объединение «Отечество». В альянсе Лужкова и Примакова Кремль сразу же увидел опасность на предстоящих парламентских и особенно президентских выборах.

Еще два «губернаторских блока»: «Голос России» во главе с Константином Титовым, самарским губернатором, и «Вся Россия», куда вошли президенты республик-«тяжеловесов» Башкортостана и Татарстана Муртаза Рахимов и Минтимер Шаймиев и в который вступили еще 17 членов Совета Федерации, опасаясь «разделения голосов», объединились впоследствии с «Отечеством», образовав избирательный оппозиционный блок «региональных баронов» «Отечество – вся Россия» (ОВР).

Представители региональной элиты предпочли участвовать в выборах федерального парламента напрямую, не используя существующие политические партии. Именно такой способ позволял получить ставшие значимыми депутатские мандаты с наименьшими издержками.

Ядро региональной оппозиции образовывали региональные бизнес-политические группы различного масштаба и в разной степени монополизировавшие политику и экономику в собственных регионах. Все эти регионы входили в первую десятку по объему ВРП (на 1997 г.).

Для многих глав регионов, вошедших первоначально в ОВР, выбор стороны в политическом конфликте был выбором в пользу поддержки будущей «партии власти»⁶. Поэтому как только правящей группой на федеральном уровне были предприняты ответные организационные усилия, их выбор изменился.

В этих условиях правящая группа оказалась в ситуации, требующей не только создания политической организации, но и поиска новых союзников. Был создан межрегиональный блок «Единство» («Медведь») – новая проправительственная административная партия. Ускоренное, почти судорожное строительство новой «партии власти» имело две цели: отнять голоса у обещавшего стать мощным противником федеральной элиты ОВР и в случае успеха уже в ходе думской кампании начать президентскую кампанию Владимира Путина. Предыдущая

административная партия, НДР, ослабленная и расколотая, имела мало шансов на успех. Нужна была эффективная замена.

Союзники были найдены в лице прежде всего региональных лидеров, чья политическая поддержка центру независимо от проводимого им курса или характера двусторонних отношений являлась следствием экономической зависимости. Таких регионов насчитывалось почти треть от общего числа (всего заявление о создании «Единства» подписали лидеры 39 регионов). Среди них были несгибаемый противник Ельцина, приморский губернатор Евгений Наздратенко, курский губернатор Александр Руцкой, остальные до этого входили в «Голос России» Константина Титова. Политическая повестка дня обуславливала необходимость привлечения региональной поддержки.

Ближе к выборам круг поддерживающих «Единство» региональных лидеров расширился, в том числе и за счет перешедших из ОВР.

В этот раз «партия власти» строилась исходя из новой стратегии, в корне отличавшейся от методов создания ДВР, ПРЕС или НДР: она инсценировалась прежде всего как медийное событие, партийному строительству придавалось минимальное значение.

С самого начала было решено вести избирательную кампанию, не используя выступления известных и сильных лидеров, работу членов партии или серьезную программу, и опираться исключительно на телевидение. Самыми главными ресурсами «Единства» стали поддержка Путина, демонстрируемая ОРТ и РТР. Среди лидеров блока была только одна политически более или менее значимая фигура – министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу. Официальные учредители блока – партии и объединения – были никому, кроме узких специалистов, не известны, многие из них существовали только на бумаге.

К ним относились Всероссийский союз предпринимателей малого и среднего бизнеса, движение «В поддержку независимых депутатов», Общероссийское общественно-политическое движение «Моя семья», Народно-патриотическая партия, движение «Поколение свободы» и Российская христианско-демократическая партия (РХДП). В отличие от предыдущих учреждений административных партий в этом случае даже не пытались имитировать демократические процедуры, учреждение при единоголосном голосовании заняло чуть больше часа.

В программных тезисах нового блока, впоследствии ставшего движением, содержалась противоречивая компиляция из «универсальных принципов рыночной экономики» и «патриоти-

ческого консерватизма». Главным условием для возрождения страны объявлялось сильное государство. Здесь же можно было найти классическую триаду: «патриотизм», «державность» и «традиционные ценности», почти неотличимую от «православия, самодержавия, народности». По заявлению Шойгу, пример «Единство» видело в Либерально-демократической партии Японии.

Главным ресурсом этой кампании был, конечно, административный. А главной интригой – конкуренция двух административных блоков, регионального и федерального. Победа ОВР, в которую входили губернаторы крупнейших регионов, означала бы укрепление позиций потенциальных кандидатов на президентских выборах и улучшение исходных позиций для торга с федеральным центром в парламенте. За «Единством» стоял потенциальный наследник, набирающий популярность, неограниченные административные, финансовые и, главное, медийные ресурсы.

Эта стратегия в сочетании с событийным фоном – взрывом домов в Москве и наличием убедительной фигуры преемника – оказалась очень успешной. «Единство» получило 23,3%, ОВР, не располагавшая такими ресурсами, – 13,3%.

В этом избирательном цикле начинает формироваться новый тип административных партий, или «партий власти». Это квазиполитические структуры, рекрутирующие своих членов среди чиновников разного ранга. Сформировавшийся «класс чиновников» (по характеристике А.В. Иванченко и других сотрудников Независимого института выборов), опирающийся на им же созданный класс крупных собственников (или же, добавим, представляющий собой симбиоз того и другого), уже не только осознает себя в качестве правящего класса, но и умело организуется для защиты своих интересов, открыто используя находящиеся в его распоряжении административные, финансовые и иные ресурсы⁷.

Стратегия создания административных партий оказалась рациональной и обеспечила правящей элите успех на выборах⁸. Очевидная для правящей элиты задача – минимизировать число коммунистов в будущем парламенте и усилить пропрезидентские фракции – стимулировала одновременное использование нескольких тактик, для того чтобы иметь возможность лавировать уже накануне выборов, делая ставку на наиболее перспективных акторов.

Главным направлением были шаги по укреплению существующей административной партии.

После выборов «Отечество», партия региональных элит, основанная как потенциальный противовес Кремлю, начала стремительно уменьшаться. В регионах ее члены переходили в «Единство», и только в Москве благодаря Лужкову она не потеряла значения. Партнер по блоку, «Вся Россия», после выборов практически распался. У Лужкова не оставалось другого выхода, кроме как поддаться давлению Кремля и постепенно ликвидировать свой политический базис. Примаков даже не был поставлен в известность о ведущихся между Шойгу и Лужковым переговорах и узнал об объединении из СМИ. После летних каникул он ушел из руководства фракцией ОВР. До и после объединения участились конфликты между представителями руководства обеих партий, особенно в регионах. Но выхода уже не было. Третьего декабря 2001 г. была создана «Единая Россия», которую журналисты в то время называли «Едиотом». Сергей Шойгу был избран председателем Высшего совета партии. Президент присутствовал на учредительном съезде, но в довольно резкой форме предупредил новую партию, что она не должна видеть себя как исключительная «партия власти». Впрочем с течением времени его позиции изменились, и «Единая Россия» стала превращаться в доминирующую партию.

Пока же полной уверенности в этом не было, и параллельно использовалась тактика дублирующих структур – создание запасных административно-партийных проектов (Народная партия, ДПР и другие более мелкие проекты).

Перед новым избирательным циклом наконец-то принимается Закон о партиях. Элиты увидели в них эффективный инструмент борьбы за власть и самоорганизации. Основные идеи концепции нового закона состояли в следующем:

- может существовать только индивидуальное членство в партиях;
- партии становятся единственными субъектами избирательного процесса на федеральном уровне;
- партии должны иметь отделения в большинстве субъектов Федерации;
- партии должны иметь большое число членов, при этом не только в целом, но и в региональных отделениях;
- партии должны доказывать серьезность своих намерений регулярным участием в выборах;
- партии поддерживаются, но и контролируются государством.

Выборы в Думу 2003 г. проводились после осуществления первой важнейшей реформы Путина, изменившей федеративные отношения в пользу федерального центра и ослабившей ре-

гиональные элиты. Параллельно решалась задача вытеснения олигархов из сферы принятия политических решений и передела собственности в пользу государства и его представителей, занимающих ключевые властные позиции.

Эта избирательная кампания имела очень мало отношения к демократическим и даже полудемократическим выборам, играм с неопределенным результатом, определяющим который граждане в ходе тайного, свободного и честного волеизъявления⁹.

Главная особенность этих выборов по сравнению со всеми предыдущими – беспрецедентное использование административного ресурса, отсутствие свободного доступа к средствам массовой информации и наличие большого количества PR-проектов. Существенно возросла и затратность кампаний, что коснулось как легальных средств, проходивших через избирательные счета, так и теневых, включавших так называемые «заносы» (взятки наличными) в СМИ для обеспечения прямой рекламы (например, появления информации о партии в новостных программах)¹⁰.

Впервые административная партия прямо, ничего не скрывая, сказала и другим участникам кампании, и гражданам, что общие правила существуют для всех, но не для «Единой России». Лидеры федерального списка – 37 губернаторов – не скрывали, что подавляющее большинство из них не собираются идти в Думу. Отказ от участия в дебатах с другими партиями показал, что партии власти не просто нечего сказать, она даже не считает нужным общаться с гражданами и содержательно полемизировать с другими участниками политического процесса. Можно согласиться с В. Гельманом, что это не ослабляло ЕР, а наоборот, было одной из составляющих ее успеха: роль идеологии как продукта, привлекательного для избирателя на электоральном рынке, существенно снизилась¹¹.

37,57% голосов «Единой России» и проведенные ею в Думу одномандатники обеспечили выполнение задачи создания подконтрольного парламента, который теперь, по абсолютно точному выражению отныне официального лидера «Единой России» Грызлова, – не место для дискуссий.

Выборы президента, превратившиеся в референдум по доверию Путину, «отраженным светом» помогли и укреплению «Единой России».

Этот избирательный цикл фактически означал окончательный выбор элит в пользу отказа от конкуренции в обмен на гарантии безопасности и сохранения властных и бизнес-позиций. Высокий

Г.М. Михалева

уровень легитимации Путина давал возможности укрепления «его» партии, получившей абсолютное большинство в парламенте.

«Единая Россия» продолжала укрепляться вплоть до последнего времени, пытаясь формальными и неформальными методами закрепить свои доминирующие позиции в центре и регионах.

Ряд показателей демонстрируют, что «Единая Россия» не только позиционируется как партия власти, но действительно включает ее знаковых представителей. До выборов 2007 г. в состав Высшего совета партии вошел глава Администрации президента Сергей Собянин, заместитель председателя правительства Александр Жуков и еще три министра. Региональные элиты были представлены «тяжеловесами»: среди сопредседателей Высшего совета – Минтимер Шаймиев и Юрий Лужков, в его составе – еще главы 13 регионов, включая Московскую область, Башкортостан, Краснодарский край. Еще пять глав субъектов Федерации вошли в Генеральный совет – второй руководящий орган партии.

В составе фракции Государственной думы сегодня 304 депутата (67,56%).

«Единая Россия» находилась под патронажем Администрации президента, что демонстрировал Владислав Сурков, проводивший учебы с молодежными движениями, заседавший в президиуме и даже проводивший совещания избирательных штабов. Главным знаменем и основой для позиционирования оставалась поддержка Путина и его курса.

Поэтому и главной идеей думской избирательной кампании 2007 г. и президентской 2008 г. была реализация «плана Путина» и поддержка назначенного им преемника.

Характерно высказывание В. Суркова на совещании 6–7 июня 2007 г.: «Почему победа “Единой России” так важна и для партии, и для страны? Потому что “Единая Россия” – это гарант преемственности курса президента Путина. Потому что президент и партия – это одно политическое целое»¹².

Кульминационным моментом в истории «Единой России» стало объявление о том, что теперь уже председатель правительства В.В. Путин возглавит эту партию.

Отныне главная задача ЕР – *обеспечить доминирование* на политическом поле, как горизонтальное, так и вертикальное. Первое означает увеличение числа влиятельных и знаковых членов партии в исполнительной власти и среди лидеров общественного мнения, реструктурирование политического поля и закрепление законодательных предпочтений и ограничений для потенциальных политических противников. Второе – распространение влияния ЕР на региональный и местный уровни.

Изменение законодательства, регламентирующего выборы и деятельность партий во время двух последних созывов Государственной думы, практически контролируемой партией власти, было направлено на создание условий для существования и закрепления позиций доминирующей партии. Эксперты часто называли этот процесс «зачисткой политического поля».

Начиная с 2003 г. выборы теряли конкурентность. За это время ситуация ухудшалась с каждым избирательным циклом.

Во-первых, очень быстро изменялось *законодательство*, при этом закон о партиях и избирательное законодательство, а также ряд других законов – об экстремизме, об общественных организациях и т. д. – трансформировались целевым образом для обеспечения максимального благоприятствования партиям, подконтрольным Кремлю, и максимального усложнения для партий оппозиционных, особенно не имеющих представительства в Государственной думе. Кроме того, последовательно законодательно регулировались и другие формы активности с целью блокировать любые протестные проявления.

Вступившие в силу жесткие нормы Закона о партиях, связанные с численностью и разветвленностью, финансовой и организационной отчетностью перед избирательными комиссиями и региональными регистрационными службами, последовательно дополнялись изменениями в избирательном законодательстве. При этом в ряде регионов ограничения стали еще жестче, чем на федеральном уровне.

Список этих изменений впечатляет:

1) введение 7-процентного заградительного барьера на федеральном уровне и последовавшее в течение 2006 г. изменение региональных избирательных законов, повышавшее различавшиеся барьеры в регионах (чаще всего 5-процентного, но в ряде регионов, например в Приморье, – 3-процентного) до 7%;

2) введение пропорциональной избирательной системы на федеральном уровне. При этом федеральная часть списка должна включать не более трех фамилий, а сам список дробится на 100–150 региональных списков;

3) введение двойной несвязанной избирательной системы на региональном уровне;

4) запрет на участие в избирательных объединениях общественных организаций;

5) «автоматическая» возможность выдвижения на выборах любого уровня для партий, представленных в Думе, и усложнение условий выдвижения для непарламентских партий;

6) повышение суммы избирательного залога с 37,5 до 60 млн рублей, последовавшие за этим аналогичные изменения региональных избирательных законодательств. При этом региональные законодатели устанавливают суммы залога вне пределов разумного, вводя практически имущественный ценз для партий, например 90 млн рублей в Санкт-Петербурге и 20 млн рублей в Московской области; уменьшение доли брака в собранных подписях с 25% до 10% и требования к организаторам работы сборщиков, фактически делающие сбор подписей для выдвижения партии невозможным; запрет на одновременный сбор подписей и внесение залога, исключающий механизм «подстраховки», когда партии в случае большого количества зафиксированного «брака» могли вносить залог;

7) ограничение прав для непарламентских партий и запрет для общественных организаций делегировать своих представителей в избирательные комиссии;

8) запрет для НКО осуществлять официальное наблюдение на выборах;

9) введение императивного мандата и потеря депутатского статуса с выходом из фракции;

10) запрет блоков, а затем – запрет на участие членов одной партии в списках другой;

11) сохранение права «паровозов», губернаторов, возглавляющих федеральные и региональные списки, передавать свой мандат стоящему за ним кандидату (деперсонификация);

12) отказ от графы «против всех»;

13) поправки в закон «О противодействии экстремистской деятельности», расширяющие набор признаков экстремизма, фактически дающие право чиновникам объявить «экстремистской» любую оппозиционную деятельность и любую критику власти и ее представителей;

14) снятие ограничений с досрочного голосования;

15) введение использования КОИБ – системы электронного подсчета голосов с прямой передачей результатов в избирательную комиссию более высокого уровня без возможности ручного пересчета;

16) введение императивного мандата, влекущего потерю депутатского статуса с выходом из фракции;

17) отмена барьера явки;

18) запрет критики партий-конкурентов в ходе выборов.

Помимо изменения нормативной базы, последовательно увеличивалось использование *административного ресурса*. Прямые угрозы и давление на участников избирательного процесса, отка-

зы в регистрации, принуждение к голосованию за административные партии, неправовые решения судов используются повсеместно.

Дополняют перечень и уже привычные *фальсификации, манипулирования* с досрочным голосованием и выносными урнами.

Последние предшествующие выборам в Госдуму региональные выборы были важнее для губернаторов, чем для Кремля, главной задачей их был результат «Единой России» (списки которой они в подавляющем большинстве случаев возглавляли), приближенный к 50%, и высокая явка. И эти задачи были в основном успешно выполнены.

Если раньше выборы были нечестными, но хотя бы альтернативными, то сейчас уничтожаются и альтернативы тоже. «Единой России» и любым другим административным партиям все равно, какова сумма залога: может быть, и 900 млн рублей, ведь деньги идут из одного, государственного, кармана. Да и требования к численности партий могут в любой момент повысить до 100 тысяч и даже до 500 тысяч. Не проще ли сразу назначать всех без всяких выборов? Правда, тогда лишится возможности «распилки бюджета» огромное число людей, рассматривающих выборы любого уровня как доходный бизнес.

Тем не менее до сих пор российское законодательство построено таким образом, что препятствует монопольному положению одной партии, да и в Конституции закреплена многопартийность. Поэтому для обеспечения доминирующего положения партии власти, с одной стороны, и поддержания *управляемой многопартийности* – с другой, правящей группе приходится прилагать серьезные усилия. Осложняет ситуацию усиливающаяся внутрипартийная конкуренция в рядах доминирующей партии.

В стране с помощью изменения законодательных норм, подзаконных актов и административной практики уже практически создана искусственная многопартийность. Подавляющее большинство партий, зарегистрированных Минюстом и имеющих право участвовать в выборах, стопроцентно и абсолютно лояльны и подконтрольны правящей группе.

Они используют одновременно, в зависимости от ситуации, любые идеологии: от радикального либерализма до социализма, от умеренного национализма до открытой ксенофобии, поддерживая президента Путина и его курс, продолжаемый уже в новом качестве премьер-министра, и с новым президентом – Дмитрием Медведевым. Они взаимозаменяемы, их легко разъединить или объединить, назначить им новых и убрать старых начальников. Это ясно иллюстрируют и процессы последнего

Г.М. Михалева

времени – осени 2008 г.: присоединение Аграрной партии России к «Единой России», а Партии социальной справедливости – к «Справедливой России», заявление о «переформатировании» СПС и слиянии его с «Гражданской силой» и ДПР.

Эта партийная система выполняет только одну задачу: самоорганизация тех, кто уже находится у рычагов власти, сохранение и упрочение их позиций.

Общее у всех этих партий, как бы они ни назывались – «Единая Россия», «Справедливая Россия», «Гражданская сила»/«Свободная Россия», Демократическая партия России, «Патриоты России», – одно: они не представляют интересы граждан и не предлагают собственного видения развития страны и альтернативных политических курсов.

ЛДПР – успешный бизнес-проект одного лидера, всегда исполнителем выполнявший задания Кремля, кто бы в нем ни находился.

Остальные группы, зарегистрированные как «партии», – запасные проекты, предназначенные для пополнения рядов и заявлений об успешных объединительных инициативах тех, кто будет назначен фаворитами.

К системной оппозиции сейчас относятся всего лишь две партии.

Осторожная оппозиция – КПРФ – пытается сохранить своих избирателей и привлечь новых, поэтому вынуждена отказываться от резкой персональной критики представителей власти. Коммунисты стоят перед выбором: отказаться от традиционных национал-коммунистических позиций и потерять идентичность или обновиться и потерять традиционный электорат.

«Яблоко» – единственная оставшаяся демократическая гражданская оппозиционная партия, которая предлагает альтернативный курс развития страны, защищает интересы граждан. Она стоит перед необходимостью выбора или сочетания сотрудничества с властью и протестных акций.

Что касается Союза правых сил, то он, сделав накануне выборов заявку на жесткую оппозиционность и участвуя в акциях несистемной оппозиции, не мог определиться: поддерживать власть с оговорками, как всегда партия делала раньше, или же уходить в несистемную оппозицию, что в итоге и привело к уходу части оппозиционно настроенного руководства и «смене ориентации» партии.

Демидургов российской партийной системы из кремлевской администрации не пугали неоднократный неудачный опыт создания двух подконтрольных партий и опасности, с этим связанные.

Накануне последнего избирательного цикла из совершенно разнородных частей выстроена «Справедливая Россия», призванная создавать видимость конкуренции на политическом поле, не выходя за указанные рамки – поддержки президента (или его преемника) и проводимого политического курса. Сейчас очевидная цель – выстраивание партийной системы, как в свое время в ГДР или Болгарии – с одной заведомо «правлящей» партией и партиями-сателлитами, заранее обреченными на получение несравнимо меньшего числа мест во властных структурах.

Эта конструкция имеет мало отношения к потребностям и интересам граждан и развитию страны, однако «Единой России», как показали последние выборы и ряд конфликтов в регионах, может доставить массу неприятностей.

Впрочем, серьезной угрозой новая административная партия могла стать лишь в том случае, если бы она превратилась в главный инструмент одной из конкурирующих между собой внутрикремлевских групп. А этого не произошло, более того, после того как Владимир Путин возглавил «Единую Россию», позиции «Справедливой России», ранее заявлявшей о безоговорочной поддержке его курса и борьбе с «Единой Россией», стали несколько абсурдными, а она сама – лишним политическим субъектом, своего рода пятым колесом в административно-партийной телеге.

В чем *особенности административных* партий по сравнению с «настоящими», еще сохранившимися российскими гражданскими партиями? Используем для этого сравнения параметры, предлагаемые известными исследователями партий Р. Кацем и П. Майером¹³.

1. В административных партиях чрезвычайно велик разрыв между руководителями, депутатами и партийной «массовкой», которая практически ничего не определяет. Более того, после провозглашения задачи создания доминирующей партии, чиновники и работники государственных учреждений, как и бизнесмены, вынуждены были вступать в «Единую Россию» для сохранения или упрочения основ своего существования. Гражданские партии, напротив, ориентированы на максимизацию демократических принципов, упрочение связи руководства партий и рядовых членов, в том числе через проведение внутрипартийных опросов, референдумов, массовых мероприятий.

2. Формально цели всех партий определены в рамках конституционного поля и законодательства, но по мере усиления авторитарных тенденций они приобретают все меньшее значение. Вновь начинает возникать линия раскола, которая была харак-

терна для начала трансформации – за поддержку существующего режима или же за его принципиальное изменение.

3. К лидерам оппозиционных партий и избиратели, и партийные массы предъявляют требования, типичные для массовых партий, – харизматичность, умение работать с большими группами людей. Для административных партий, управляемых из Кремля, такие характеристики лидеров, наоборот, противопоказаны. Рекрутирование лидеров идет по принципу управляемости, осуществляется своего рода негативный отбор, яркие фигуры отсеиваются.

4. Структура членства также различается. Наличие или отсутствие в административных партиях платформ и фракций и аффилированных с партиями структур не имеет значения для принятия внутрипартийных решений, которые «спускаются» сверху. Руководители нижних звеньев практически назначаются, хотя формально действует демократическая процедура; возникающие конфликты решаются также «сверху». Левопатриотическая оппозиция ориентируется на коммунистические образцы и демократический централизм. Либеральная оппозиция для привлечения сторонников использует фракционный механизм, внутрипартийную демократию и механизмы разрешения конфликтов на основе закрепленных уставом процедур.

5. Процесс ведения избирательных кампаний по мере уменьшения их демократичности также все больше различается. Административные партии используют медийный ресурс, административное давление и фальсификации. Гражданские вынуждены ориентироваться на прямой контакт с избирателями и массовые акции.

6. Механизмы финансирования, несмотря на существенное увеличение государственной поддержки, не выравнивают положение двух разных типов партий. Административные партии располагают практически неограниченным финансовым ресурсом, включая как использование государственных средств, так и денежную поддержку бизнес-структур. Гражданские партии вынуждены довольствоваться государственным минимумом, и то лишь в случае преодоления 3-процентного барьера; при этом бизнес, готовый их поддерживать, вынужден идти на существенные риски. Но и в том и в другом случае существенную роль играют теневые бюджеты.

7. Взаимодействие со СМИ различается кардинальным образом. Для гражданских партий и их лидеров постепенно закрывается доступ на федеральные телевизионные каналы, сокращается и их присутствие в региональных СМИ, они вынуждены использовать Интернет и блоги. Для партий административных это присутствие гарантировано.

К партиям предъявляются требования максимальной профессионализации и ресурсоемкости. Чтобы соответствовать этим требованиям, они должны стать *современными картельными партиями менеджеров*, ведущих с помощью медийных кампаний борьбу за голоса за избирателей. Конструкция электоральной формулы и построения партийной административной машины фактически не нуждается в сильных лидерах. Ориентация на предсказуемые, управляемые административные партии усиливает эту тенденцию.

Одновременно к партиям предъявляются требования *массовости*, характерные для первой половины XX в. – мобилизационного периода борьбы партий с полярными идеологическими представлениями и харизматическими лидерами.

Блокируются возможности создания новых партий и соответственно артикуляции и представительства интересов вновь возникающих в обществе секторальных групп.

Преференции для административных партий и усиливающиеся сложности у партий оппозиционных, «цементирование» партийной системы стимулируют появление радикальной не-системной оппозиции, организованной и действующей вне институциональных рамок.

Административные партии в условиях гибридных и авторитарных режимов – инструменты политической элиты, имеющие лишь фасадный характер, затрудняют становление партийной системы, в которой партии на относительно равных условиях связывают государство и общество.

Чем больше Россия отклонялась в ходе трансформации от вектора демократизации, тем больше партии, которые начали формироваться в целом по европейскому образцу, стали сравнимы с ними по принципу «изоморфизма»: похожие по внешним признакам, они постепенно превращаются в инструмент самоорганизации правящей элиты. Голосование за партии сводится к выражению отношения к курсу исполнительной власти, преимущественно протестному или преимущественно лояльному.

Партии теряют важнейшие функции, связанные с представительством интересов социальных групп, формулированием альтернативных политических курсов и исполнением роли связующего звена между органами власти и обществом.

Но и сами административные партии, и особенно доминирующую партию, цементирует только гарантия политического статуса и возможностей, в том числе экономических, для ее членов. Для правящей группы она пока по-прежнему остается хотя и важнейшим, но все же прикладным инструментом, а в случае

Г.М. Михалева

возникновения внутриэлитного конфликта, не говоря о смене власти, никто не может гарантировать ее будущего.

Сохранение альтернативности выборов пока оставляет возможности для существования оппозиции и вместе с ней, в случае внутриэлитного раскола, и возможность «опрокидывающих» выборов.

Искусственная многопартийность и выборы без выбора опасны и для страны, и для самой правящей группы, потому что вытесняют недовольных и несогласных, с которыми можно было бы вести парламентские дискуссии, на улицы и в подполье. Власть стоит перед искушением применить жесткие и насильственные методы, но это может привести к быстрой потере легитимности.

Примечания

- 1 См.: *Katz R.* A theory of parties and electoral systems. Baltimore, 1980.
- 2 Подробно о методологии анализа и сравнении развития партийных систем в трансформирующихся странах см.: *Голосов Г.В.* Партийные системы России и стран Восточной Европы. М.: Весь мир, 1999.
- 3 Подробный анализ работы Л. Пая, а также особенностей развития политического процесса в многосоставных обществах, в том числе находящихся в состоянии транзита, см.: *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М., 1997.
- 4 См.: *Hale H.* Why not parties in Russia?: Democracy, federalism and the state. Cambridge, 2006.
- 5 См.: *Макаренко Б.* Отечество – вся Россия // Россия в избирательном цикле 1999–2000 гг. М.: Моск. Центр Карнеги, 2000. С. 156.
- 6 См.: Политические партии и общественные движения на выборах–99 // Васильев В., Иванченко А. Независимый институт выборов, М., 2000. С. 229.
- 7 См.: *Голосов Г., Лихтенштейн А.* «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. С. 6–14.
- 8 Об этом см.: Избирательные права граждан: Россия 2003. М.: МХГ, 2004; Интернет-мониторинг выборов 2003–2004 годов в России. М.: ИНДЕМ, 2004.
- 9 О механизме финансирования избирательных кампаний см.: *Барсукова С., Звягинцев В.* Механизм «политического инвестирования», или Как и зачем российский бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь // Полис. 2006. № 2. С. 110–121.
- 10 См.: *Гельман В.* От «бесформенного плюрализма» к «доминирующей власти»? // ОНС. 2006. № 1. С. 54.
- 11 <http://www.edinros.ru/news.html?id=121191> 9.06.2007.
- 12 *Katz R., Mair P.* (eds.). How parties organize // L.: Sage, 1994.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Феномен образа врага в массовом сознании, причины и особенности его формирования, бытования и развития привлекают внимание современных исследователей¹. Уже довольно долгое время эта проблема изучается в рамках таких научных дисциплин, как антропология, социальная психология, политология, теория коммуникаций, конфликтология, этология и др. Однако до сих пор не существует принятой всеми или хотя бы большинством исследователей системы универсальных признаков образа врага. Если для выявления и изучения существующих/актуализированных образов врага в массовом сознании посредством, например, социологических опросов наличие такой системы не столь критично (можно задать прямой вопрос «кого вы считаете врагом и почему»), то для того, чтобы идентифицировать возникающий/актуализирующийся или создаваемый/актуализируемый образ врага в средствах массовой коммуникации, такая система была бы крайне полезной.

Создание такой системы коммуникативных маркеров/признаков образа врага позволит не только качественно и количественно исследовать существующий негативный дискурс в массовом сознании на определенном срезе времени, сопоставляя его с данными социологических опросов и обнаруживая закономерности, но и анализировать изменения в информационном пространстве, выявлять попытки формирования или актуализации образа врага в массовом сознании субъектами массовой коммуникации. По сути, эта система признаков могла бы стать основой для мониторинга политических технологий, эксплуатирующих потенциал образа врага.

Сегодня исследователями в рамках антропологии, социальной психологии, этологии и других дисциплин уже выявлен ряд признаков, характерных для образа врага. Обобщение и структурирование этих наработок в единую систему критериев для

Д.А. Денисов

идентификации образа врага в массовой коммуникации представляется весьма перспективным.

Основным признаком, с точки зрения всех вышеупомянутых подходов, является преобладание *дихотомической оппозиции* «мы–они» (свои–чужие) в картине мира членов исследуемого социума.

О. Иссерс, лингвист и исследователь речевых политических стратегий, пишет: «Политические интересы требуют, во-первых, положительной самопрезентации партии, общественно-политического течения или конкретного лидера (стратегия самопрезентации), во-вторых, побуждения общественных групп к каким-либо действиям (императивная стратегия), в-третьих, разграничения “своих” и “чужих” (стратегия формирования “своего круга”) и т. д. ...Разграничение “своих” и “чужих”, создание образа “МЫ-группы” через очернение противника – достаточно традиционный прием политической борьбы»².

Исследователь образа врага А.Н. Савельев, опираясь на антропологический подход, считает, что «враждебность в человеческом сообществе всегда связывается с чужеродностью (принадлежностью к иной стае)». С точки зрения антропологов, «чужак – заведомый источник опасности, страха»³.

Изучая причины возникновения и значимости феномена «мы–они» с точки зрения социальной психологии, Б. Поршнев пишет: «Насколько генетически древним является это переживание, можно судить по психике ребенка. У маленьких детей налицо очень четкое отличие всех “чужих”, причем, разумеется, весьма случайное, без различения чужих опасных и неопасных и т. п. Но включается сразу очень сильный психический механизм: на “чужого” при попытке контакта возникает комплекс специфических реакций, включая плач, рев – призыв к “своим”». С точки зрения исследователя, «точно такой же механизм различения “своих” и “чужих” действует и на ранних стадиях становления человеческих сообществ, при этом «поначалу все-таки появляются “они” – враждебные духи, творящие зло. Именно для того, чтобы предупреждать это зло, обособиться от него, и возникает потребность в закреплении “мы”»⁴.

Б. Поршнев пишет: «“Они” на первых порах куда конкретнее, реальнее, несут с собой те или иные определенные свойства – бедствия от вторжений “их” орд, непонимание “ими” “человеческой” речи (“немые”, “немцы”). Но главное, что “они” связываются именно с духами Зла, колдунами-оборотнями иных племен. Они не вполне люди или совсем не люди»⁵.

А. Савельев, продолжая это размышление, пишет: «Массовое общество действует уже именно как стая – оно ищет аргументов “против”, определяющих признаки общности “они”. И только развитые формы социальности конкретизируют и стабилизируют общность “мы”. Тогда конкретные “они”, отступившие за “горизонт событий”, снова вызывают к жизни страхи, образы и символы Зла»⁶.

В свою очередь, В. Ачкасов отмечает: «“Образ себя” предполагает существование “образов других”, в том числе и “образа врага” и, возможно, “образа покровителя”. Эти “образы” являются регуляторами взаимоотношений между этническими и национальными общностями»⁷.

Этологи, в частности С. Лурье⁸, рассматривают оппозицию «мы–они» в качестве этнических констант, которые включают бессознательные образы, локализирующие добро и зло. Источник добра включает, в частности, «образ себя» и «образ покровителя», источник зла – «образ врага». При этом под константами понимаются структура и диспозиция данных образов, общие приписываемые им характеристики, а их содержание может меняться.

Историк и политолог, автор фундаментального труда «Образ врага в советской пропаганде: 1945–1954» А.В. Фатеев называет образ врага «идеологическим выражением общественного антагонизма»⁹.

По мнению И. Гасанова, «восприятие чужака в качестве врага уходит корнями в родоплеменное общество человечества. Именно тогда закладывались социально-психологические механизмы “образа врага”, как правило, вне своей микросреды. Появились антитезы “мы – они”, “свои – чужие”, “племя – враг племени”... Привычка направлять нашу враждебность вовне, на тех, кто неизвестен нам, так же привилась у человека, как способность рассуждать, удивляться, изготавливать орудия»¹⁰.

Другим важным признаком образа врага, по мнению Г. Маркузе, является его *постоянство*. Он пишет: «Он равно угрожает как во время войны, так и в мирное время (причем, пожалуй, даже больше, чем в военное); он, таким образом, встраивается в систему как связующая ее сила»¹¹.

С точки зрения Б. Поршнева, основанием для формирования образа врага и соответственно его признаком может служить некий факт его деструктивной деятельности. Иными словами, в образе врага, по Б. Поршневу, важны не столько черты рассматриваемой общности, сколько те беды и опасности, вину за которые мы этой общности приписываем. С Поршневым вступает в полемику видный исследователь кризиса идентичности в пере-

ходных обществах Т. Евгеньева, которая, не отрицая позицию Б. Поршнева, указывает на то, что общность также склонна возлагать вину за все беды на мифологического врага, образ которого уже сформирован и определяется следующим набором признаков-реакций на образ врага (по мнению Т. Евгеньевой, «Образы “врага” основываются на восприятии какого-либо объекта не только как незнакомого или чужого, но и оцениваемого как источника опасности. А ощущение опасности пробуждает такие эмоции, как страх, неприязнь, агрессия и ненависть»): 1) *негативное ожидание*. Всем действиям врага в прошлом, настоящем и будущем приписываются *деструктивные намерения*, направленные на нашу собственную группу («Все, что делает враг, либо плохо, либо имеет недобросовестные мотивы»); 2) *возложение вины на врага*. Враг рассматривается как источник всех бед, обрушивающихся на группу («Враг виновен в существующих трудностях и негативных обстоятельствах»); 3) *идентификация со злом*. Система ценностей врага представляет собой противоположность нашей собственной системе ценностей («Враг олицетворяет противоположность нам и тому, за что мы боремся; враг стремится уничтожить наши главные ценности и поэтому сам должен быть уничтожен»); 4) *мышление с нулевой суммой* («Что хорошо для врага, плохо для нас, и наоборот»); 5) *стереотипизация и деиндивидуализация* («Любой, кто принадлежит к вражеской группе, наш враг»); 6) *отказ проявить эмпатию* («У нас нет ничего общего с врагами; никакие факты или информация не изменят нашего восприятия; опасно, саморазрушительно и неуместно исходить из гуманных соображений и этических критериев по отношению к врагу»)¹².

Развивая идею о первостепенности дихотомической оппозиции «мы–они» как основы возникновения и существования образа врага, исследователи приходят к определению второго важного признака образа врага – *акцентирование отличий* между представителями сообществ «мы» и «они».

И. Гасанов отмечает, что «главное в “образе врага” – это его полная дегуманизация, отсутствие в нем человеческих черт, человеческого лица»¹³.

Наблюдения за животными также позволяют по-новому взглянуть на проблему восприятия врага и формирования устойчивых признаков его образа. Так, по мнению этологов – авторов книги «Поведение собаки», образ врага «формируется у собаки по принципу резкого отличия от нормы для “нашей стаи”... Весьма интересны наблюдения владельцев питомников пуделей. В ряде случаев стая этих в принципе неагрессивных со-

бак буквально ополчалась на пуделя иного, чем они сами, окраса. При этом устранение главного агрессора приводило лишь к замене его другим. Похоже, что иной окрас (возможно, и фактура шерсти) и делал собаку “чужой”. Это коллективное исследование показало, что «животному удобно идентифицировать образ врага по минимальному количеству признаков, которые в норме должны быть функциональны. Например, объект территориальной агрессии – нарушитель границ. При неправильном обучении образ врага становится не функциональным, а атрибутивным – прошедшая “злобежку” собака принимается активно выискивать среди прохожих тех, кто носит ватник, халат, словом, некую одежду, ассоциирующуюся у нее с костюмом “нарушителя”». Авторы книги также отмечают, что, «помимо функциональных или атрибутивных отличий “чужого” от “своих”, для причисления человека или животного к группе “врагов” у собак зачастую достаточно команды хозяина»¹⁴.

В. Карасик, исследовавший механизмы формирования образа врага и роль стереотипов, отмечал широкое применение броских признаков стиля жизни определенного класса и типа людей. Изучая данные социологических опросов о восприятии образа американцев, проводившихся в СССР, он приводит такой пример: «Богатые люди, занимаются бизнесом, имеют автомобили, курят сигары, формируются оценочные штампы (с презрением относится к бедным, связан с политиками), добавляются заведомо негативные факты (убийство президента, истязание пленных) и несвойственные нам в прежнее время манеры поведения (жевательная резинка). В результате происходит создание оценочных стереотипов, закрепленных в образе врага». По мнению В. Карасика, «оценочные штампы играют в образе врага центральную роль, они цементируют восприятие, хотя и остаются как бы на втором плане, поскольку самое сильное впечатление оказывают факты или фактоиды»¹⁵.

О. Иссерс отмечает, что в тексте атрибуция признаков, идентифицирующих объект как «свой» либо «чужой», может устанавливаться не только через отличия этих категорий, но и через констатацию подобия с некоторым объектом, указание на общие с ним свойства (в случае, если целью является разрыв ассоциативных зависимостей, – отрицание общих свойств). При этом координирующей точкой является объект, связь которого с прототипом («свой» или «чужой») принимается как известное, данное¹⁶.

Актуализация отличий между «мы» и «они», по мнению К. Юнга, объясняется также феноменом внешней проекции заключенной в любом индивиду и сообществе индивидов мощной

деструктивной энергии: «Эту страшную силу объясняют по большей части страхом соседней нации, в которую словно вселился злобный дьявол. Так как никому не ведомо, насколько сам он одержим и бессознателен, то собственное состояние просто проецируется на соседа, а потому священным долгом объявляется приобретение самых мощных пушек и самых ядовитых газов. Хуже всего то, что это верно: ведь соседи находятся во власти того же неконтролируемого страха. В сумасшедших домах хорошо известно, что самыми опасными являются пациенты, движимые не гневом и не ненавистью, а страхом»¹⁷.

Развивая это положение юнгианской концепции, исследователь О. Новиков пишет: «Надо учитывать, что образ врага в мифологизированном массовом сознании в качестве проекции архетипа “мы–они”, содержит собственные негативные качества группы или этноса, от которых они “избавляются”, выплескивая их на врага. На фоне “нелюдей”-врагов члены группы выглядят как люди, лишённые негативных качеств. Отсюда автоматически следует право уничтожения “врагов-монстров”»¹⁸.

П. Кутгер, исследовавший возможности теории психоанализа как культурологической теории, считает, что «разработки психоанализа в состоянии помочь лучше разобраться в исторической динамике политических и социальных процессов». По его мнению, это может помочь, например, «в обнаружении латентных предрассудков и собственных черт в образе врага»¹⁹.

Не менее важным по значимости признаком образа врага, выделяемым многими исследователями, является «*опасность/угроза*» (прямая, косвенная или псевдоугроза), исходящая от «чужих/врагов» по отношению к категории «мы». Это может быть угроза жизни или здоровью отдельных членов, либо угроза существованию всей общности «мы» (культуре, религии, идеологии и т. д.).

В рамках конфликтологии проблема определения ключевых атрибутов образа врага также является актуальной. Так, исследователь А. Белинская указывает на то, что образ врага «является целостным представлением об оппоненте, интегрирующим в себе как истинные, так и иллюзорные черты, качества и свойства»²⁰. Она выделяет следующие признаки образа врага: *недоверие*, *возложение вины* на врага, *негативное ожидание*, отождествление оппонента со *злом*, *деиндивидуализация*, отказ участнику в сочувствии. По мнению исследователя, такой образ врага начинает формироваться в ходе латентной фазы конфликта в результате восприятия, детерминированного исключительно негативными

оценками, и это представление исследователя во многом согласуется как с антропологическим, так и с социально-психологическим подходами.

По мнению социолога Е. Ткачевой, само выделение «своих» и «чужих» еще не предполагает откровенной враждебности по отношению к последним, при этом «для того, чтобы включились механизмы защиты, опасность извне должна иметь конкретный характер, быть опознанной и вписанной в иерархию отношений. Экстремальная ситуация стимулирует нарастание социальной напряженности, а “выброс” негативной энергии нуждается в реальной цели, принимающей черты определенно-го образа “врага”»²¹.

В. Ачкасов также отмечает, что с образом врага «в массовом сознании ассоциируются все несчастья и беды, нарастание дискомфорта, развал привычного образа жизни, всего общества в целом»²².

Исследователь национальных стереотипов И. Гасанов говорит: «В различных обществах и культурах, у различных народов “образ врага” приобретает некоторые общие черты. При всех различиях в причинах и обстоятельствах конфликтов и войн на протяжении истории существует повторяющийся набор изображения противника – некий “архетип” врага, который создается, как мозаика, по частям»²³.

Анализируя советский архетип врага, Х. Гюнтер указывает на его нечеловеческую – зверино-демоническую – природу: «Бросается в глаза близость демонологическим представлениям Средневековья, согласно которым подчиненные сатаны являются антагонистами небесной иерархии и врагами человека»²⁴.

Можно говорить о разных вариантах «дегуманизации» политического противника в ходе создания образа врага. По мнению Г. Орловой, «все они заимствованы из стратегического набора народной демонологии и богословия – отождествление с нечистой силой (“демон-искуситель техник Некрасов”), злыми покойниками (“Емельян Колодуб – вампир, угнетатель рабочего класса, непримиримый опасный враг советской власти”) или нечистыми животными (“они заговорили по-настоящему, языком волков”, “бело-монархические гадюки”). Отдельная разновидность способов дегуманизации – это деструктивная медицинская символика (“язвы советского организма”, “болезни советского производства”)»²⁵.

Тотальный отказ врагу в «человеческом» в работе И. Смирнова назван негативной антропологией. С его точки зрения, нега-

Д.А. Денисов

тивная антропология является не только философско-антропологическим, но и политико-антропологическим основанием для замены враждебной персоны политическим демоном²⁶.

В. Ачкасов пишет: «Еще один элемент архаического сознания, неразрывно связанный с образом “врага”, – образ “героя”. Он выполняет функцию снятия дискомфорта, вызванного действиями “врагов”, и выражает надежды населения на чудо: “герой” совершит его, победив “врага”». Автор пришел к мнению, что «подобные архетипы, как правило, успешно работают в кризисных ситуациях, что подтверждается программными документами большинства российских партий и политических объединений»²⁷.

С точки зрения Г. Орловой, идентификация образа героя противопоставленного образу врага в советской и российской политической культуре отсрочена и формируется на базе уже актуализированного отрицательного образа, интегрированного в мифологическую реальность: «Настоящим героем оказывается тот, кто борется с врагом»²⁸.

Скандинавские исследователи проблемы образа врага в современном европейском обществе Н. Кристи и К. Бруун выделяют несколько ключевых признаков «идеального образа врага» с точки зрения власти. При этом авторы оговариваются, что не существует как реального врага, так и вымышленного образа врага, удовлетворяющего всем этим требованиям. Исследователи останавливаются на семи основных признаках: 1) *удобство* для власти, т. е. враг или социальная проблема, которая стоит в основе «образа врага», не должны иметь могущественных сторонников; 2) враг должен выглядеть опасным, лучше всего *чудовищным, бесчеловечным* – «В идеале хорошо бы выделить группу индивидов, воплощающих в себе самые худшие качества образа врага. Такая однородная группа с одинаковыми свойствами и становится представителем архетипа зла»; 3) врага необходимо представить «настолько *сильным*, чтобы это оправдывало предоставление властям чрезвычайных полномочий»; 4) *неискоренимость*, «удобный враг – это тот, кто никогда не умирает»; 5) бессмертия врага можно добиться, максимально размывая и деперсонифицируя его образ – «*образ врага должен быть максимально расплывчатым*, чтобы было не разобрать, становится ли он сильнее или слабее. Враг тогда определяется таким образом, чтобы можно было по желанию включать или исключать из числа врагов какие-либо группы населения, которые имеют или могут иметь отношения с врагом. Образ идеального врага – достаточно четкий, чтобы с

врагом можно было бороться, и достаточно внушительный, чтобы за его спиной могла спрятаться еще дюжина новых врагов. Идеальный враг постоянно терпит поражение, но никогда не исчезает»; 6) *символичность* – «неясность образа врага не должна переходить определенных пределов. Если мы хотим, чтобы внешний враг нес ответственность за внутренние проблемы, он должен обладать символическим значением и выступать как отрицание доброго и правильного. Чем ярче выражено символическое значение образа врага, тем легче приписывать ему и отбирать у него разные признаки»; 7) *деструктивность* врага должна быть очевидна массам и выражена в конкретных деструктивных деяниях²⁹.

На основе синтеза приведенных выше теорий и подходов был сформирован обобщенный список атрибутов/признаков образа врага: 1) наличие *оппозиции «мы–они»*; 2) *акцентирование отличий* между сообществами «мы» и «они» (например, с помощью стереотипов или метода дегуманизации врага); 3) *угроза* (ожидание негативных последствий агрессии врага в будущем); 4) *деструктивное начало*, символическая принадлежность злу; 5) возложение *вины* на врага за негативные аспекты прошлого/настоящего; 6) *ложность* идеологии, верований, целей врага / обман или заговор; 7) противопоставление образу *героя*; 8) наличие *жертвы* деятельности врага (образ жертвы перекликается также с возложением вины и образом героя); 9) сюжет *предательства* (агентами врага, внутренними врагами); 10) персонифицированный образ *агентов врага* (при обезличенном, размытом образе основного врага); 11) *негативные эмоции* (страх, ненависть, гнев); 12) *сила* (могущество, потенциал) врага как подтверждение его способности к осуществлению угроз в будущем и обоснование причин эффективности его деструктивной деятельности в прошлом и настоящем.

В приведенной ниже таблице на примере текстов двух избирательных программ российских партий на выборах в Государственную думу 1999 г. произведена апробация и верификация предложенной системы признаков. Используются прямые цитаты из текстов программ.

Д.А. Денисов

Признаки	Программа ЛДПР ³⁰		Программа КПРФ ³¹	
	МЫ	ОНИ (враг, его агенты и сторонники)	МЫ	ОНИ (враг, его агенты и сторонники)
Оппозиция «МЫ–они»	Россия Честные Патриоты Народ Русские	Запад Жулики Враги Бюрократы Нерусские	Россия Эксплуатируемые Угнетенные Большинство Народ Патриоты	Запад Эксплуаторы Угнетатели Меньшинство Правители Враги
Акцентирование отличий, <i>дегуманизация</i>	Активные Новаторы Смелые Принципиальные Честные	Безродные Чудовищные Греховные Трусливые Гнилые (разложившиеся)	Передовые Нравственные Единые Героические	Хищная природа Продажность Расточительность Толстосумы Уродливые Барвары Гнилые Разложившиеся Бездарные
<i>Угрозы</i>	«Страшная участь (сравнение с Югославией)», «уничтожение независимости», «бесправное рабство», «национальная катастрофа», «карательные акции», «опасность термоядерной войны, размещения вредных производств и складирования опасных отходов», «поглощение страны Западом в качестве сырьевого придатка»		«Национальная катастрофа», «гибель российской цивилизации», «опасность гражданской войны», «экологическая катастрофа сделает Землю непригодной для обитания, распад страны, превращение страны в колонию»	
<i>Деструктивность</i>	«Реформаторский зуд радикалов», «чудовищность», «требуют крови», «хаос», «забвение», «растворение», «отжившие догмы и мертвящие стереотипы», «гниение и деградация», «разложение», «агония»		«Погромщики», «могильщики», «ненавистники», «хищники», «перерожденцы», «уродливые»	

Идентификация образа врага в политической коммуникации

Признаки	Программа ЛДПР ³⁰		Программа КПРФ ³¹	
	МЫ	ОНИ (враг, его агенты и сторонники)	МЫ	ОНИ (враг, его агенты и сторонники)
<i>Вина</i> (Виновность за...)	«Пустили нашу страну по миру», «развалили СССР и распродали Отечество», «разрушили всю систему безопасности страны, а заодно и ее геополитическую конструкцию»		«За предательство партии, за игнорирование национальных интересов, за разрушение нашего Отечества личную ответственность несут Горбачев и Яковлев, Ельцин и Шеварднадзе»	
<i>Ложь / Обман</i>	«Лживые разглагольствования о “вхождении в мировое сообщество” закончились тем, что Россию просто выкинули на помойку»		«Нынешний правящий режим обманом и насилием пытается вернуть народы нашего Отечества к варварскому, примитивному капитализму»	
<i>Образ героя</i>	В. Жириновский		Героический народ	
<i>Жертва</i>	Россия («была принесена в жертву разного рода утопическим и авантурным устремлениям, властным амбициям... оказалась расчлененной и беззащитной»)		Россия («поруганная честь державы»)	
<i>Предательство</i>	«В результате невиданного в истории предательства наша страна оказалась расчлененной и беззащитной»		«Позорным венцом этих деяний стал беловежский сговор пришедших к власти откровенных предателей своего Отечества», «партия национальной измены и сегодня бесконтрольно хозяйничает в стране, отдав ее на невиданное разграбление и унижение»	
<i>Агенты врага</i>	«Радикал-демократы», «коммунисты-наменклатурщики», «натовские миротворцы», «безродные журналисты», «радетели за права человека», «дудаевский прихвостень – Сергей Ковалев»		«Желтая пресса и придворные средства массовой информации», «теневой капитал», «разложившееся и бездарное руководство страны», «буржуазные и мелкобуржуазные экстремисты»	

Окончание таблицы

Признаки	Программа ЛДПР ³⁰		Программа КПРФ ³¹	
	МЫ	ОНИ (враг, его агенты и сторонники)	МЫ	ОНИ (враг, его агенты и сторонники)
<i>Страх, ненависть, гнев</i>	«Западные силы, злобно ненавидящие Россию»		«Гневный протест и возмущение угнетенных сливается с болью патриотов»	
<i>Сила врага</i>	«Партия учитывает состав, численность, техническую оснащенность, боевой потенциал и возможности вооруженных сил стран, которые в определенных условиях могут оказывать политическое давление на Россию, ущемляя ее национальные интересы и создавая угрозу ее безопасности»		«Капитализм, доминирующий сегодня на большей части земного шара»	

Примечания

- ¹ Известный исследователь образа врага А. Левинсон разделяет понятия «враг» и «образ врага». В настоящей статье рассматривается именно феномен «образ врага». «Понятие “враждебность” и его ученые эквиваленты (ксенофобия, этнический негативизм, этническая эксклюзия), как и понятие “врага” (противника), обладает иной природой, нежели понятие “образ врага”. Последнее включает фигуру, инстанцию, исследователя, квалифицирующего ситуацию, но находящегося вне ее. Кроме того, категория “образа врага” привлекается для описания субъекта враждебного отношения, в отличие от понятия “врага”, которое прилагается к объекту такого отношения. Наконец, концепт “образа врага”, на наш взгляд, стоит применять для анализа тех случаев, когда выражение негативизма в адрес какого-либо социального объекта имеет результатом (фактической/латентной целью) не причинение ему ущерба, его уничтожение и т. п., но повышение солидарности в некотором сообществе – субъекте этих негативных переживаний, аффектов» (Левинсон А. «Кавказ» подо мною: Краткие заметки по формированию и практи-

- ческому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» // <http://www.polit.ru/docs/618834.html>
- 2 *Иссерс О.С.* Паша-«Мерседес», или Речевая стратегия дискредитации // Вестник Омского университета. 1997. Вып. 2. С. 112.
  - 3 *Савельев А.Н.* Образ врага: Расология и политическая антропология. М., 2007. С. 25.
  - 4 *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966. С. 82.
  - 5 Там же. С. 83.
  - 6 *Савельев А.Н.* Указ. соч. С. 26.
  - 7 *Ачкасов В.А.* «Миф Запада» в российской политической традиции: поиск идентичности. Сб. материалов симпозиума / Под ред. В.В. Парцвания. СПб., 2003. С. 48–55.
  - 8 См.: *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 110–159.
  - 9 *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954. М., 1999. С. 7.
  - 10 *Гасанов И.Б.* Национальные стереотипы и «образ врага». М., 1994. С. 23–39.
  - 11 *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 2003. С. 31.
  - 12 *Евгеньева Т.В., Селезнева Л.В.* Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // Полития. 2007. № 3.
  - 13 *Гасанов И.Б.* Указ. соч. С. 23–39.
  - 14 *Сотская М., Беленький В., Журавлев Ю., Мычко Е.* Поведение собаки. М., 2003. С. 290–351.
  - 15 *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М., 1992. С. 49–58.
  - 16 *Иссерс О.С.* Указ. соч. С. 114.
  - 17 *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М., 1991. С. 221.
  - 18 *Новиков О.Г.* Формирование идеологии африкано-американского движения «власть черным» в 50–60-е годы XX в. М., 2003. С. 111.
  - 19 *Куттер П.* Современный психоанализ: Введение в психологию бессознательных процессов. СПб., 1997. С. 6.
  - 20 *Белинская А.Б.* Социальные технологии урегулирования конфликтов. М., 2000. С. 62.
  - 21 *Ткачева Е.* Этнокультура и субкультуры в современном мегаполисе. М., 2006 // http://sociologist.nm.ru/study/seminar_45a.htm#u6
  - 22 *Ачкасов В.А.* Указ. соч. С. 48–55.
  - 23 *Гасанов И.Б.* Указ. соч. С. 23–39.
  - 24 *Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 751.
  - 25 *Орлова Г.* Политические демоны: риторика отчуждения в советском политическом дискурсе. Ростов-н/Д, 2003. С. 25.
  - 26 См.: *Смирнов И.* Homo Homini Philosophus. М., 1999. С. 76–80.
  - 27 *Ачкасов В.А.* Указ. соч. С. 48–55.

Д.А. Денисов

28 Орлова Г. Указ. соч. С. 27.

29 См.: Кристи Н., Бруун К. Удобный враг: Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии. М., 2004.

30 Программа Либерально -демократической партии России. М., 1998.

31 IV съезд Коммунистической партии Российской Федерации: 19–20 апреля 1997 года: Материалы и документы. М., 1997.

Г.М. Нарсия

ПРЕОДОЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В исследовательской литературе до сих пор еще сохраняются неоднозначные суждения об уровне содержания и качестве развития политики и политического в советский период. С одной стороны, бесспорным признается наличие явно выраженных структур и институциональных образований, характерных для развитой политической сферы. Такие ключевые понятия, как политическая система, политический режим, политические отношения, политическая культура, активно используются для характеристики социальной жизни советского общества. За прошедшие десятилетия после распада СССР достигнут определенный консенсус, по крайней мере внутри экспертного сообщества, в оценках сущностных признаков базовых институтов советской политической системы. Во всяком случае преодолен колоссальный разброс мнений, характерных для конца 1980 – начала 1990-х годов. Споры в настоящее время ведутся по более частным вопросам и проблемам. Более того, почти бесспорным оказывается мнение о высокой степени идеологизированности и политизированности всех сторон жизни советского общества¹.

Вместе с тем проблема участия (и особенно качества участия) основной массы населения в политической жизни до сих пор остается не вполне проясненной. Затрудняет ее решение, как мне представляется, высокая степень развития в СССР формальных институтов и формальных признаков социальной жизни. Неформальные же институты и практики либо остаются слабо изученными, либо находятся отнюдь не в сфере интересов специалистов в области политической науки. Обыденная политическая жизнь и обыденное политическое сознание до сих пор преимущественно исследуются представителями таких сфер гуманитарного знания, как филология и литературная критика, социальная психология и социология. Политологи же по-прежнему сосредоточены на выявлении формализованных сторон и официальных институтов

Г.М. Нарсия

политики. Данное обстоятельство само по себе уже может служить подтверждением того, что советский тип политического выстраивался на актуальных основаниях, развивающихся по своим законам и на основе собственных векторов политики.

Если подобное предположение допустимо, то оно может объяснить своеобразие сопряжения разных качеств в политике и политическом.

«Официальная политика» выстраивалась по законам тоталитарных и авторитарных обществ, объективно пытавшихся ограничить число акторов политики и «вытолкнуть» значительную часть населения из сферы политического. В такой ситуации становится понятно, что декларируемые официальной властью политические ценности требовали от населения не столько их реального восприятия и усвоения соответствующего политического поведения, сколько устранения возможного сопротивления распространению этих ценностей и сохранения активных факторов канонизации и тиражирования данных ценностей².

Идеалом для официальной политической власти виделось мышление и действие большинства населения на уровне передовиц газеты «Правда». Реально же контролировалось не столько качество мышления, сколько возможность появления новых каналов публичного распространения политической информации и явного (а зачастую и скрытого) сопротивления содержанию официальной информации.

Значительная часть советского населения не то чтобы самоустранилась из сферы политики, напротив, она конструировала собственную неофициальную обыденную сферу политического, в которой складывались неформальные группы политического общения, выросли собственные лидеры и собственные каналы распространения неформальной политической информации.

К сегодняшнему дню достаточно серьезно изученная политическая культура советского диссидентства позволяет говорить о том, что внутри нее были сформированы и собственные институты лидерства, и механизм принятия решения, и каналы сбора и распространения информации. Именно это и наделяло диссидентов достаточно формализованными признаками политического сообщества. Уровень политических действий диссидентов был достаточно ограничен и узок, а воздействие на официальную сферу политики вряд ли можно признать эффективным. При этом деятельность диссидентских групп была строго политически организована³.

Не менее сложные, по моему мнению, политические процессы разворачивались и вне диссидентских групп. До сих пор эта

сфера, или так называемая «кухонная культура», исследуется преимущественно не политологами. Проведенные исследования тем не менее позволяют выявить многие содержательные принципы и сущностные характеристики данных специфических способов политической социализации.

Нередко основанием консолидации таких неформальных социальных групп оказывались отношение к политике и степень доверия к реально существующей политической власти. Роль главных каналов в распространении политической информации играли политические слухи, которые не только воздействовали на систему настроений, доминировавших в обществе, но и способствовали весьма серьезной дискредитации власти. Не имея соответствующих инструментов (в отличие от официальных структур и даже по-иному консолидированных диссидентских сообществ), различные социальные группы через свои каналы воспринимали и передавали информацию о ключевых политических событиях в стране. Обратим внимание на содержание наиболее распространенных политических слухов периода перестройки.

Так, в среде неформальных сторонников М.С. Горбачева оказывались очень устойчивыми слухи о «реалиях» борьбы Горбачева за власть. Эти слухи базировались на политическом мифе о заговоре. При этом роль «заговорщиков» приписывали разным политическим силам, персонифицированным в образах партийных руководителей В.В. Гришина, Г.В. Романова, В.В. Щербицкого, которые «пытались сорвать планы Горбачева», «удалить его от принятия политических решений», и ему, по слухам, приходилось «многokrатно тайно возвращаться в Москву», «высаживаться на военном аэродроме» и «неожиданно появляться перед заговорщиками, срывая их планы». Противники Горбачева тоже весьма активно использовали слухи, базировавшиеся на мифологизированных представлениях о темных основах женского начала. В этих слухах Р.М. Горбачева представала как воплощение тотального зла: она безудержно тратила государственную казну на собственные наряды и дачи, унижала не только прислугу, но и людей из ближайшего окружения М.С. Горбачева, давала мужу самые дурные советы и в конечном итоге полностью овладевала его волей и сознанием.

Не менее широко были распространены слухи и о Б.Н. Ельцине. Сторонниками Б.Н. Ельцина активно обсуждались слухи о наивности, простоте и огромной внутренней силе Ельцина, роднивших его с такими сказочными персонажами, как Иванушка-дурачок или Емеля. Так же как и сказочные герои, Ельцин совершенно «неожиданно появляется в Москве» и «пытается устано-

Г.М. Нарсия

вить в ней свои собственные порядки» чисто народными средствами: ходит без охраны, общается с народом, посещает магазины, заставляет жену ходить на рынок, чудом спасается от преследователей, которые пытаются его утопить.

Противники же Ельцина всемерно обыгрывали тему зла и злого начала, воплощенного в его личности и действиях. Родословную Ельцина они вели от кулаков (в тот период еще не реабилитированных ни в политике, ни в общественном сознании), от мирового сионизма, американского империализма, т. е. от типичных для советского сознания воплощений абсолютного мирового зла, которое подобно Кощею Бессмертному, предстает в различных обликах.

Мифологизированное основание обыденного политического сознания воплощалось в анекдотах на политические темы, которые весьма активно распространялись в период перестройки. Придумывание и распространение этих анекдотов становилось своеобразным политическим действием. В анекдотах того времени явно выделяется следующая проблематика:

- дискредитация основных символов советской власти;
- идея о несостоятельности советского руководства;
- идея об умершем и непреодоленном сталинизме;
- выстраивание альтернативной иерархии ключевых социально-политических событий⁴.

«Размывание» единого советского политического мифа, происходившее со второй половины 1980-х годов, не столько приводило к рационализации общественного сознания, сколько способствовало формированию множества новых мифов: региональных, политических, социокультурных и т. д.⁵

Новые формирующиеся мифы также скрывали и искажали представления о подлинной системе мотиваций и суждений о внутренних процессах жизни общества⁶.

При этом, однако, становилось понятно, что как для процесса разрушения глобального мифа, так и для процессов конструирования новых мифов в качестве значимых востребованными оказывались новые социальные и интеллектуальные ресурсы. Уже в постперестроечные годы было очевидно, что такие феномены массовой культуры, как роман «Дети Арбата» А. Рыбакова, фильм «Покаяние» Т. Абуладзе, обладают колоссальным ресурсным потенциалом⁷. Неслучайно в последние годы перестройки возросла роль художественных элит в жизни общества. Эти элиты нередко выступали создателями новых мифов.

При этом явно прослеживалось несколько базовых тенденций в новом мифотворчестве. Среди них стремление к новому

типу искажений национальной и этнической истории; апелляция к собственным этническим ценностям⁸; формирование мифологизированных образцов Запада; поиск нового типа героев и дискредитация официального пантеона, созданного в годы советской власти⁹.

В обозначенной атмосфере формирования особых политических ценностей и приоритетов исключительно важную роль для трансформации системы политических установок и ценностей играли критическая публицистика и художественные произведения. Объективной основой подобного явления была высокая степень доверия к силе публичного слова. Более того, в традициях российской социально-политической культуры слово не только воспринималось как синоним дела, но и часто отождествлялось с ним. Оно (слово) рассматривалось как нечто более высокое в сравнении с обыденной прагматикой. Это имманентное качество слова заметно актуализировалось в условиях проведения радикальных преобразований и подготовки к ним. До начала радикальных реформ в России потребность в публичном слове оставалась чрезвычайно высокой. Это стимулировало как процессы ориентации неформальной политики прежде всего на восприятие критического потенциала, так и рост критических настроений¹⁰.

В этих условиях публичная критика становилась необходимой предпосылкой для мобилизации социального действия и заявления социальных позиций. Неслучайно борьба за овладение средствами массовой информации (как печатными, так и электронными) приобрела особую остроту, а в дни путча 1991 г. одним из значимых решений было решение о восстановлении цензуры и закрытии некоторых средств массовой информации. Приостановление издания «Московских новостей», «Аргументов и фактов» «МК» и других вызвало ответную реакцию журналистского сообщества, побудив его к созданию корпоративной «Общей газеты».

При всей видимости и масштабности происходивших перемен, их политические инициаторы и лидеры недостаточное внимание обращали на реальное содержание и векторы трансформации системы политических ценностей населения.

В результате размывания базовых «символов» советской эпохи, которое вначале было воспринято массовым политическим сознанием в СССР как процесс десталинизации, а затем коснулось и самих основ советского политического мифа, были не только подготовлены основания для относительно безболезненного преодоления советского прошлого в обыденном политическом сознании, но и изменены стереотипы восприятия политического в целом.

- ¹ См.: *Игрицкий Ю.И.* Общественная трансформация в СССР и России после 1985 г.: взгляды и концепции. М., 1998; *Шубин А.С.* Парадоксы перестройки: Упущенный шанс СССР. М., 2005.
- ² См.: *Большаков А.О.* Диссидентский дискурс и русская история. СПб., 2005.
- ³ См.: *Щербина Н.Г.* Политический миф России. Томск, 2002.
- ⁴ См.: 1001 избранный советский политический анекдот // <http://lib.rus/ec/b/97246>
- ⁵ См.: *Нечаев В.Д.* Региональный миф в политической культуре современной России. М., 1999.
- ⁶ См.: Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003.
- ⁷ См.: *Киричек П.Н.* Социология публицистики. Саранск, 1998.
- ⁸ См.: *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура пореформенной России. М., 1994.
- ⁹ См.: *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2003.
- ¹⁰ См.: *Клигер С.* Публицистика-88 как объект исследования. М., 1989; *Киричек П.Н.* Указ. соч.

М.А. Сапронова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ
И СОЦИАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ:
В ПОИСКАХ ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО
ЛИДЕРА
(на примере Туниса)

Политическая культура в различных обществах по-разному определяет роль и значение лидера и личности во внутривнутриполитическом развитии. В современной политологии продолжаются споры о действительном содержании категории «авторитет», которую многие политологи, вслед за Вебером, считают ближайшей к категории «господство»¹. Для арабских обществ, по утверждению Г. Саламе, сотрудника Национального центра научных исследований во Франции, характерен такой тип государства, где правитель является полноправным хозяином, и политическая культура как бы «разрывается между утопией исламского государства и исторической практикой государства, которым правил султан, причем и то и другое не допускало политического участия граждан»².

Развитие общества в арабских странах в XX в. вывело на политическую арену немало исторических личностей, чья политическая деятельность связана как с историей национально-освободительной борьбы, так и с периодом независимого развития, а политический процесс в этих странах, в свою очередь, связан с этими лидерами. Зачастую проводимые в арабских странах преобразования в социально-экономической сфере персонифицировались с главой государства, становясь идеологическим направлением развития общества (так возникли «насеризм», «бургибизм»; с алжирским лидером Шадли Бенджедидом ассоциировался «алжирский путь строительства социализма», с королем Марокко Хасаном II – «хасановская демократия» и др.).

Формирование гражданского общества в арабских (и других освободившихся) странах подразумевало решение двух задач: интеграция в единое целое не только разноукладных, но и относящихся к различным историческим эпохам социальных элементов и одновременно создание возможности для свободного участия в общественно-политической жизни различных соци-

альных групп (в противовес тенденции к искусственной политико-идеологической унификации). Однако, как показал исторический опыт, если общество и готово было принять лозунги новой власти в условиях независимости, то далеко не всегда оно было подготовлено предшествующим историческим развитием к непосредственному и сознательному активному действию. В результате монополия на «публичное насилие», каковой является политическая власть в государстве, перешла к харизматическим лидерам, вождям национально-освободительной борьбы, при этом роль в освободительных войнах и революциях способствовала не только укреплению харизмы лидера, но зачастую и легитимации его власти, так как приход к власти таких лидеров не всегда был конституционным (это относится и к периоду независимого развития, когда главой государства становился лидер военного переворота: в Судане в 1989 г. – Омар аль-Башир, в Алжире в 1992 г. – Ламин Зеруаль и др.).

Негативные последствия персонализации власти, которые привели в конечном счете в ряде арабских государств к кризису личной власти и смене типа политического руководства, достаточно широко рассматривались в отечественной литературе. Среди отрицательных тенденций личной власти получили развитие склонность к перерождению в диктаторство, «субъективистское конструирование “революционного” политического климата, призванное восполнять его недостаточность или реальное отсутствие»³, искусственное нагнетание напряженности политической жизни и т. п. Эти тенденции в большей или меньшей мере блокировали развитие гражданского общества и, следовательно, преодоление бюрократически-этактистских, волюнтаристских моделей социального регулирования.

Проблема политического лидерства, представляющего собой способ построения власти, основанный на интеграции различных социальных сил посредством специфических механизмов вокруг выдвигаемой лидером программы или концепции решения социальных проблем и задач общественного развития, является одной из самых актуальных в современной науке. Фигура политического лидера служит символом определенных политических настроений, с ним обыденное сознание связывает свои надежды. В зависимости от того, насколько лидер соответствует своему «образу», настолько широки его возможности в формировании конкретных политических установок. Его влияние основывается не только на личных достоинствах, но прежде всего на способности руководить конкретной политической общностью. От него требуется быть не только и не столько нрав-

ственным образом, а политиком, способным сплотить социальные слои для достижения поставленных целей, сформировать общественный интерес, ориентироваться на поиск социального партнерства и бесконфликтного развития общества. Последнее возможно при достижении взаимных компромиссов, которые удовлетворяли бы стратегические и, в определенных пределах, тактические интересы всех существующих групп, а также предусматривали наличие специальных механизмов переговорного характера, обеспечивающих мирное урегулирование возникающих конфликтов и противоречий на демократической основе.

Лидер, воплощающий все это в жизнь, становится ключевой фигурой процесса общественной консолидации, опирающейся на национальное согласие, успешное взаимодействие различных национально-этнических, социальных, политических и других сил по каким-либо жизненно важным вопросам.

С давних времен известно, что любое государство держится на силе и согласии. Об этом писал еще Макиавелли. Власть в государстве должна являться авторитетом. Только при уважении верховной власти достаточным большинством граждан она становится легитимной. Теоретик права Макс Вебер, развивший концепцию легитимности, считал, что легитимность – нечто гораздо более важное, чем законность. Она обеспечивает согласие, политическое участие без принуждения. Легитимность – это уверенность в том, что установленный в государстве порядок непреложен как выражение высших ценностей, что он дает благо и спасение стране и людям. Это так называемый этический фактор легитимации. Политический режим, а вместе с ним и лидер, который не обеспечил себе легитимность и не завоевал авторитета и уважения большинства граждан, быстро утрачивает власть. Следовательно, легитимность верховной власти фактически означает согласие подданных быть руководимыми, т. е. они желают того, что требуется верховной власти, сосредоточенной в руках того или иного лидера. Без легитимности власти не может быть осуществлена общественная консолидация. Легитимность является критерием устойчивости политического режима, другими словами, критерием стабильности.

Для большинства арабских стран бедность и нерешенные социальные проблемы способствуют обстановке нестабильности. Межэтнические противоречия и конфликты нередко становятся причиной обострения социально-политической ситуации и дестабилизации власти. Поэтому главная задача лидера в арабских странах – это прежде всего разрешить конфликты, затрагивающие интересы большинства населения, снять социальную напря-

М.А. Сапронова

женность, добиться единения общественных сил для создания условий бесконфликтного развития и политической стабильности. Лидер, выполняющий все эти условия, становится ключевой фигурой в процессе общественной консолидации, которая предполагает объединение отдельных лиц, групп, организаций для усиления борьбы за общие национальные цели. При этом консолидация различных общественных сил может происходить не только вокруг лидера, но и вокруг общенациональной идеи, провозглашенной этим лидером.

Общественную консолидацию в арабских странах необходимо рассматривать в сочетании с политической стабильностью, а именно: отсутствием в обществе реальной угрозы нелегитимного насилия или наличием у государства возможностей, позволяющих в кризисных ситуациях справиться с ней; функционированием одного стабильного правительства в течение продолжительного периода времени; эффективным управлением страной; поддержкой населением данной политической системы и ее фундаментальных ценностей; балансом политических сил в обществе (по этому вопросу большинство ученых-политологов и социологов считают, что баланс сил может быть следствием целенаправленной деятельности заинтересованных в нем политических лидеров); наличием идеологии, способной сплотить страну, несмотря на социокультурные и демографические различия.

Одним из типов легитимности («законности» или «узаконенности») власти является согласно теории М. Вебера харизматическая легитимность. Она основана на вере в исключительные качества, чудесный дар, так называемую харизму руководителя, который иногда даже обожествляется, создается культ его личности, политический процесс персонифицируется. Таким образом, харизматические качества являются источником авторитетных полномочий власти. Легитимация власти связана не только со способами политического властвования и формирования политических институтов, но и прежде всего с проблемой политического лидерства.

В конце 80 – 90-х годах XX в. в арабском мире произошли серьезные политические сдвиги, обусловленные значительной трансформацией экономических и социальных структур. Эти изменения были связаны с тем, что арабский мир столкнулся со сложными проблемами как внешнего порядка (глобальные международные факторы, ставшие не просто фоном, но первоосновой новых политических процессов в арабских странах), так и внутреннего, связанного с определением позиций в отношении этих процессов, с объективной сменой поколения харизматичес-

ких лидеров, когда к власти приходят представители новой молодой элиты, обладающие решимостью провести не только экономические, но и общественно-политические реформы в своих странах; с введением многопартийной системы. Эти реформы во всех арабских странах сопровождаются изменением общественных взглядов на роль государства и отношения между ним и обществом, между обществом и лидером. Все это находит отражение в новых конституциях, которые вносят существенные изменения в организацию государственной власти. Так, сохраняя институт сильного главы государства, новые конституции вместе с тем преобразуют его в демократический институт путем ограничения срока президентских полномочий двумя мандатами, перераспределения части его полномочий между главой правительства и парламентом. Одновременно расширяется компетенция парламента, в частности усиливается его контроль над исполнительной властью, вводится парламентская ответственность правительства; предусматривается гарантия независимой судебной власти. Департизируются важнейшие звенья государственного аппарата, вооруженные силы и правоохранительные органы (конституции и специальные законодательства запрещают военнослужащим и работникам правоохранительных органов состоять в политических партиях); учреждается система демократически формируемых органов местного самоуправления, наделяемых широкой компетенцией и финансовой автономией.

В отличие от прошлого периода после обретения независимости и до 90-х годов XX в., когда одним из главных условий легитимности авторитета, его поддержки населением являлось наличие у лидера харизмы или каких-либо определенных заслуг перед народом (как правило, участие в национально-освободительной борьбе), время 90-х годов востребовало от нового лидера новых качеств: компетентности, честности, приверженности демократическим идеям. Лидер «новой волны» должен уважать свой народ, заботиться о нем, а не держаться за власть. Вопрос заключается в том, насколько эти положения окажутся действенными и воплощенными в реалии политической жизни.

Если в условиях отсутствия системы социального представительства харизматические лидеры авторитарных режимов выполняли своеобразные коммуникационные функции между населением и сферой принятия политических решений, то в эпоху политического плюрализма, нарастания и углубления демократического движения, перехода власти к лидерам «третьей волны» эти функции постепенно переходят к представительным органам власти: национальным собраниям (вместо чисто декора-

тивных парламентов), экономическим советам, судам всех инстанций (от конституционного и верховного до местного), органам пропаганды связи с населением, местным органам власти. Эффективность взаимодействия «новых лидеров» с населением определяется теперь не только формированием социально-экономических условий для реформ, но и политической культурой общества.

Преобладание в обществе людей, жаждущих твердой руки, базируется на их обычае повиноваться. Но привычка является надежным фактором стабильности власти лишь до тех пор, пока она не вступает с властью в противоречие. Опасения подобного рода конфликтов побудили некоторых «новых лидеров» отдать предпочтение идее «тоталитарной демократии» (или «нового авторитаризма»), т. е. власти просвещенного и обязательно демократически настроенного президента (монарха), использующего свои широкие полномочия в интересах всего общества и ради единства и территориальной целостности государства. Наиболее ярким примером такого рода лидера является президент Тунисской Республики – Зин аль-Абидин Бен Али (обладающий крайне широкими конституционными полномочиями, но проводящий политику, направленную на дальнейшую демократизацию страны, в рамках которой формируется широкий национальный консенсус), политику которого в средствах массовой информации стали называть «железной рукой в бархатной перчатке». Новый политический климат, возникший в стране в 90-е годы XX в., как отмечает Л.М. Садовская, возродил в тунисцах «их древние черты инициативного народа, которые им были свойственны со времен Карфагена – империи морей. Они стали искать новые источники богатства, расширения производства и торговли, что стало важнейшим стимулом нынешнего экономического роста страны»⁴ и, конечно, важнейшим фактором ее современной политической стабильности.

Для политической системы Туниса характерна тенденция, направленная на поддержание контролируемой демократии, сочетающей в себе сильную президентскую власть и многопартийную систему. Для стиля руководства тунисского лидера свойственно укрепление сильной президентской власти, нацеленной на координацию и сохранение баланса разнонаправленных электоральных интересов и политических сил. Этот путь, как правило, выбирается в условиях невозможности защиты интересов только одной социальной общности из-за столкновения с интересами других. Это путь координации и взаимосогласования разнонаправленных электоральных интересов, выработки и проведения компромисс-

ной линии деятельности. В основе политической культуры президента Бен Али лежит такой демократический принцип руководства страной, а именно поиск и установление консенсуса в тунисском обществе. Так, например, новый политический климат, возникший в Тунисе с приходом к власти Бен Али (1987 г.), породил у людей реальное ощущение причастности к судьбе страны, деятельного участия в процессах обновления. По мнению профессора права, министра высшего образования в правительстве Туниса Садока Шаабана, «в окружении президента идет борьба мнений и программ, каждый старается предложить что-то лучшее для народа»⁵. Достаточно упомянуть об активном участии многих граждан страны в так называемых дискуссионных трибунах в СМИ, создание которых было поддержано президентом в первый же год его деятельности на этом посту для разработки его программы действий. Спустя год после начала этих дискуссий был проведен съезд правящей партии Туниса – Демократическое конституционное объединение (ДКО), на котором Бен Али провозгласил курс на демократизацию общественной жизни, достижение плюрализма, построение правового государства.

Сам процесс координации невозможен без национального согласия. Последнее в отличие от консолидации ограничено определенными рамками и возможно при успешном взаимодействии различных национально-этнических, социальных, политических и других сил по какому-либо конкретному, но жизненно важному вопросу. Примером достижения такого национального согласия можно считать заключение в 1988 г. всеми политическими силами Туниса «Национального пакта ради примирения и согласия»⁶. Это своеобразный кодекс отношений между правительством, партиями, общественными и профессиональными организациями в целях выработки перспективных направлений развития государства и общества после отстранения от власти президента Хабиба Бургибы.

Подписание этого пакта получило одобрение широких масс населения. Все последующие годы этот пакт соблюдался, что позволило Бен Али установить, в частности, партнерские отношения с мощными профсоюзами Туниса. Тунисские аналитики считают, что Бен Али пошел по пути «эволюционной демократии с консенсусом в обществе, с просвещенным авторитарным центральным руководством»⁷. Другие обозреватели называют это «моделью направляемой эволюционной демократии с сильной президентской властью»⁸.

По конституции Туниса президент одновременно и глава государства, и лицо, осуществляющее исполнительную власть.

В первом качестве он «руководит общей политикой государства и определяет ее основные направления»⁹. Президент назначает премьер-министра, а по его предложению – остальных членов правительства; главе государства принадлежит право распустить правительство или освободить от занимаемой должности любого из его членов по собственному усмотрению либо по совету премьер-министра. Важнейшая прерогатива президента как главы исполнительной власти заключается в наблюдении за исполнением законов. При этом согласно статье 59 правительство несет ответственность за свою деятельность перед президентом. Интересной особенностью конституции Туниса является то, что она не предусматривает случаев привлечения к ответственности главы государства и не определяет органа, способного начать процедуру импичмента президенту. Конституционный механизм предоставляет президенту возможность влиять и на сферу законодательства¹⁰ и проявлять законотворческую активность, которая на практике еще более усиливается, поскольку он полностью контролирует депутатский корпус через механизм партийной дисциплины, являясь лидером правящей партии.

Несмотря на столь обширные конституционные полномочия президента, глава государства предпринимает шаги для конструктивного диалога с другими политическими силами. Так, одним из самых демократических решений президента, способствовавших сохранению баланса общественно-политических сил, был закон «О политических партиях»¹¹ от 3 мая 1988 г., хотя еще в начале 80-х годов он заявлял о возможности введения в стране политического плюрализма, обуславливая его необходимостью «признания фундаментальных основ режима, отказа от всякого враждебного ему идеологического послушания»¹². Этот закон был частью плана политической реформы Туниса. Его основное содержание сводилось к демократизации политической жизни на основе многопартийности с обеспечением деятельности оппозиционных партий юридическими гарантиями. Бен Али понимал, что плюрализм не может развиваться без института демократической оппозиции, организованной и действующей открыто, в рамках общественного согласия и при уважении к демократическим универсальным ценностям. Реализацией этой идеи стало законодательное закрепление за оппозицией 20-процентной квоты в парламенте независимо от «веса» набранных ею голосов после парламентских выборов 1994 г. Это был важный шаг в направлении общественной консолидации, поскольку на выборах правящее Демократическое конституционное объединение получило все 144 места в парламенте и обеспечило оппо-

зиции $\frac{1}{5}$ мест в парламенте. Данная мера расширила его партийный состав: в парламент вошли представители четырех из шести зарегистрированных политических партий. Вторым важным шагом Бен Али на пути консолидации тунисского общества, поддержанным всеми общественно-политическими силами страны, был проект поправки к статье 40 Основного закона, регламентирующей проведение в Тунисе президентских выборов. 30 июня 1999 г. эта поправка была одобрена Палатой депутатов Туниса. Согласно новому положению, очередные президентские выборы (октябрь 1999 г.) впервые в истории Туниса должны были пройти на многопартийной основе. Претендовать на высший государственный пост в стране может «руководитель действующего в стране политического движения, если его непрерывный стаж в должности председателя либо генерального секретаря партии на момент подачи заявки в избирком будет не менее пяти лет».

Эта инициатива президента Туниса дала лидерам политических объединений, действующих на легальной основе и представленных как минимум одним кандидатом в законодательном собрании, возможность принять участие в президентской избирательной кампании. Наблюдатели отмечали, что, несмотря на то что в Тунисе официально зарегистрировано несколько десятков движений, реальную активность проявляют лишь три крупнейших объединения: партия власти ДКО, Движение обновления (ДО) – в прошлом компартия, Партия народного единства (ПНЕ). Ранее в соответствии с конституцией, кандидатом на президентские выборы могло стать лицо, способное получить поддержку 30 депутатов парламента и глав муниципальных советов. Данное положение было приемлемо для общества с однопартийной системой и заведомо сводило на нет любые попытки претендентов на президентское кресло.

Бен Али, утверждая демократию через консолидацию различных политических сил, очень быстро оценил опасность легализации исламского фундаментализма и сделал все, чтобы последний «выпал» из развивавшегося в стране политического процесса. Он изолировал воинствующих фундаменталистов и определил методы их обуздания. Прежде всего это было разоблачение и запрещение фундаменталистского исламского движения «Нахда» с целью показать общественному мнению страны двойственность политической программы этой организации и ее действительных планов. Бен Али выдвинул лозунг: «Мы все защитники ислама и мы вместе против тех, кто пытается его монополизировать», мы за то, что «религия для всех»¹³. Ни одно

политическое движение не может ее монополизировать. Мечети – для Аллаха. Никому не позволено использовать их во имя политики. Государство должно уважать ислам, не теряя в этом вопросе своей нейтральности. Оно поддерживает религию и помогает ей. Эти установки способствовали не только оттеснению сочувствующих движению «Нахда» от его организованных членов, но и придавали значимость исламу. Кроме того, президент инициировал начало реформы национального образования и широкомасштабную программу по развитию отдельных регионов страны¹⁴.

Главную опору в борьбе с фундаментализмом тунисский лидер видит в женском движении. Права женщин были значительно расширены в результате принятия по инициативе Бен Али в августе 1992 г. нового законодательного акта, по которому ущемление женщины в правах преследуется по закону. Теперь женщина может получить паспорт без согласия мужа или отца; государство берет на себя ответственность в оказании помощи разведенным женщинам в получении алиментов. Отец потерял возмможность в случае развода автоматически оставлять у себя детей. Поддерживая женщин, Бен Али создает модную социальную опору для противодействия «отсталому исламскому мышлению».

Президент Туниса усилил значение Высшего исламского совета. При его президентстве было построено более тысячи мечетей. В стране поощряется изучение Корана, для лучших знатоков которого учреждены президентские премии. Бен Али распорядился, чтобы в Аз-Зейтуне ежедневно в течение года проводилось публичное чтение Корана. Ежегодно в дни Рамадана готовится угощение для престарелых и больных. Эти мероприятия – реальное проявление милосердия и солидарности, благодаря чему ислам получил новое направление, не связанное с политикой.

Среди части тунисцев бытует мнение, что по своей подготовке «президент является полицейским... поскольку пришел на политическую арену в качестве министра внутренних дел, и что именно при нем на авансцену выдвинулась полиция, численность которой при Бен Али была увеличена в четыре раза по сравнению с периодом правления Бургибы»¹⁵. Они недовольны тем, что полиция вмешивается в выполнение не свойственных ей функций: влияет на назначение состава муниципальных советов, руководства первичных организаций ДКО, культурных и спортивных ассоциаций и даже сотен проправительственных организаций, часто представляемых как неправительственные. По мнению обозревателя французской газеты «Монд диплома-

тик», «во времена президента Бургибы пространство свободы было больше, чем сейчас. Ведущее профобъединение – Всеобщий союз тунисских трудящихся (ВТОТ), хотя и ослабленное к концу правления Бургибы, служило все же самым влиятельным противовесом власти. Теперь оно является лишь инструментом в руках руководящей верхушки, стремящейся к приватизации экономики». И что «единственной свободой, которую предоставило правительство Туниса народу, является свободный рынок». Западные наблюдатели охарактеризовали этот процесс как «сползание к просвещенному авторитарному центральному руководству»¹⁶. Они считают, что страна «живет неплохо, но это не демократия»¹⁷.

Тем не менее никто из критиков Бен Али не может отрицать, что большая часть населения Туниса согласна с такими ограничениями, поскольку главным для них является стабильность и экономический рост в стране.

Отношения Бен Али с оппозицией носят конструктивный характер. Тунисский лидер обычно пытается найти среди оппозиционеров своих союзников. С этого он начинал период партийного строительства правящего ДКО. Эта политика строилась на сотрудничестве с мелкими партиями левого направления и стремлении сначала привлечь критически настроенных реформаторов и интеллектуалов к участию в деятельности ДКО, а потом включить их в политическую систему и не выпускать из поля своего зрения.

Как отмечает В.И. Комар, «руководители Туниса, с одной стороны, старались использовать антиисламские настроения некоторой части либеральной оппозиции, одновременно поощряя внутренние разлады в самом исламском движении, а с другой – заимствуя части их лозунгов, привлекая на свою сторону некоторых критически настроенных религиозных деятелей»¹⁸. Используя ислам и Коран, тунисский лидер предостерегал своих граждан против «интегринской опасности», стремился не допустить союза между исламистами и либералами. Но когда «Нахда» открыто начала вынашивать идею устранения президента, дестабилизации существующего режима и устранения «технократического государства», Бен Али запретил деятельность этой организации в Тунисе. Активно участвуют в общественно-политической жизни Туниса и женщины. В 2002 г. женщинам принадлежали 11,5% мест в парламенте и 20,5% – в муниципальных советах¹⁹.

Используя термин российского исследователя А.М. Васильева, в политическом режиме современного Туниса можно заме-

тить элементы «просвещенного авторитаризма», который он определяет как «режим, ориентированный на развитие, ограничивающий демократию, но соблюдающий права человека; режим, обеспечивающий экономическое и социальное развитие»²⁰. Идеологическая доктрина должна иметь мобилизационный характер, способствовать единению различных общественных сил вокруг поставленной цели, выразителем которой должен быть сам лидер. В Тунисе – это идея, провозглашающая углубление демократии во всех сферах жизни, установление цивилизованных отношений между индивидуумом и коллективом, примирение между государством и обществом, создание традиции диалога и терпимости²¹.

Таким образом, в новых условиях политического плюрализма, когда в арабских странах объективно идет процесс смены политического руководства и уходят с политической арены лидеры национально-освободительных движений и революций, роль лидера в стабилизации и общественной консолидации продолжает усиливаться, но при изменении типа политического руководства, предполагающего изменение методов и механизмов интеграции различных социальных сил вокруг выдвигаемой лидером программы или концепции решения задач общественного развития. А это в конечном счете способствует постепенному преодолению бюрократически-элитарных и волюнтаристских моделей социального регулирования и вовлекает все большее число граждан в политический процесс.

Примечания

- 1 См.: Категории политической науки / Отв. ред. А.Ю. Мельвиль. М.: РОССПЭН, 2002. С. 105.
- 2 *Salame Gh.* La causalite d'un manqué: pourquoi le monde arabe n'est-il pas democratique? // *Revue française des sciences politique.* Paris, 1991. № 3. Vol. 41. P. 309.
- 3 *Симония Н.А.* Страны Востока: пути развития. М., 1975. С. 346.
- 4 *Садовская Л.М.* Политический портрет Зин аль-Абидина Бен Али // *Современные африканские лидеры: Политические портреты.* М.: Ин-т Африки РАН, 2001. С. 66.
- 5 *Шаабан Садок.* Тунис: путь к политическому плюрализму: Курс президента Зин аль-Абидина Бен Али. М., 1996. С. 110.
- 6 См.: Тунисская Республика: Справочник. М.: Наука, 1993. С. 158.
- 7 См.: *Washington Times.* 21.05.1998.
- 8 *Monde diplomatique [Paris].* 4–11.01.1997.

- 9 Constitution de la Republique Tunisienne // Tunis: Imprimerie Officielle de la Republique Tunisienne, 1992. Перевод текста Конституции Тунисской Республики см.: *Сапронова М.А.* Высшие органы государственной власти арабских республик. М.: Восток–Запад, 2007. С. 458–473.
- 10 Ему принадлежит право законодательной инициативы (причем согласно статье 28 президентские законопроекты рассматриваются в приоритетном порядке), право промульгации законов. Президент имеет возможность оказывать серьезное влияние на законодательную деятельность Палаты депутатов с помощью отлагательного вето: он может отклонить принятый парламентом законопроект, возвратив его в течение 15 дней на новое рассмотрение. Отлагательное вето преодолевается повторным принятием законопроекта большинством в две трети голосов (ст. 52). Кроме того, президент следит за правильным исполнением законов и осуществляет регламентарные полномочия, которые может частично делегировать премьер-министру. Предусмотрено, что Палата депутатов вправе делегировать президенту полномочия по принятию декретов, имеющих силу закона, по строго определенному кругу вопросов (в том числе и входящих в компетенцию парламента) и на оговоренный срок (ст. 28). Президент может выносить на всенародный референдум любой законопроект касающийся организации публичной власти или ратификации международного договора, который может оказать влияние на функционирование государственных институтов (ст. 47). Этому права лишен парламент, что еще раз подтверждает приоритет президента в системе государственных органов.
- 11 Loi organique № 88-32 du 3 mai 1988 organisant les parties politiques. Tunis, 1988.
- 12 *Комар В.И.* Северная Африка: национальные модели политической культуры. М.: Ин-т Африки РАН, 1997. С. 24.
- 13 *Шаабан Садок.* Указ. соч. С. 84.
- 14 См.: *Бабкин С.Э.* Движения политического ислама в Северной Африке. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. С. 213.
- 15 Monde diplomatique. 4–11.02.1997.
- 16 Washington Times. 21.05.1998.
- 17 The Economist. 31.01.1998. P. 46.
- 18 *Комар В.И.* Оппозиционные движения в Африке (80-е годы). М.: Ин-т Африки РАН, 1992. С. 52.
- 19 См.: Компас. 2003. № 28. С. 7.
- 20 *Васильев А.М.* Гражданское общество в Африке: реалии и мифы // Восток. 1995. № 2. С. 14.
- 21 Le Chef de l'Etat devant la Chambre des Deputes. Tunis, 1988. P. 15.

Н.А. Федотов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ РОССИЙСКОГО ФОНДОВОГО РЫНКА

В настоящей статье исследуется воздействие политических событий на российский фондовый рынок. В качестве индикаторов российского фондового рынка, позволяющих судить о доминирующих в бизнес-среде тенденциях (трендах), используются ведущие фондовые индексы российских бирж РТС и ММВБ.

В связи с тем что первый российский фондовый индекс – РТС – рассчитывается с 1 сентября 1995 г., исследуемый период политических событий и их эффектов также ограничен этой датой (дата начала периода). За дату окончания периода принят день 8 мая 2008 г. как максимально поздний из доступных и политически значимых.

Исследуемые политические события объединены в формальные группы по признаку принадлежности к определенному типу событий. Для каждой группы событий вводится локальная гипотеза относительно влияния данной группы событий на динамику российского фондового рынка с объяснением авторского подхода. Затем эта гипотеза проверяется на количественных данных индексов РТС и ММВБ и либо подтверждается, либо опровергается, либо уточняется.

После анализа всех групп событий формулируется общий вывод о характере воздействия политической среды на поведение биржевых игроков.

Прежде чем переходить к анализу конкретных политических событий и их эффектов, следует хотя бы в общих чертах (учитывая политологический характер работы) описать сущность российского фондового рынка и его ключевые индикаторы – индексы РТС и ММВБ.

Российский фондовый рынок и фондовые индексы: исследовательские послылки. Фондовый рынок и фондовые индексы в настоящей работе изучаются лишь с точки зрения восприятия

бизнес-сообществом политических рисков, т. е. реакции фондовых игроков (инвесторов) на политические события. Риск в данном случае выражается в повышении или снижении стоимости акций, а следовательно – стоимости компаний.

В самом общем виде российский фондовый рынок (совокупность фондовых бирж) представляет собой торговую площадку (торговые площадки), где профессиональные участники рынка продают и покупают ценные бумаги российских эмитентов. Цель настоящего исследования ограничивает определение рынка фондовыми биржами РТС («Российская торговая система»)¹ и ММВБ («Московская межбанковская валютная биржа»)², а под фондовыми инструментами понимает лишь акции российских компаний.

Цена акции зависит от соотношения спроса и предложения на рынке, а соотношение спроса и предложения, в свою очередь, зависит от преимущественных настроений игроков в некоторый момент времени – продавать или покупать.

На поведение российских фондовых игроков оказывают влияние самые разнообразные факторы. Ключевые среди них – политические события, макроэкономические показатели, корпоративные новости, мировые фондовые рынки. Цены акций российских компаний чрезвычайно подвижны³, что отражает разное восприятие внешней и внутренней среды в разное время.

Таким образом, российский фондовый рынок выступает достаточно оперативным индикатором настроений и ожиданий российского бизнес-сообщества, в том числе применительно к политическим рискам.

Фондовые индексы являются усредненным показателем цены некоторой совокупности акций, торгуемых на данной бирже. В этом смысле динамика фондового индекса позволяет судить о преобладающих инвестиционных стратегиях⁴, об оценке рисков профессиональными игроками.

Если фондовый индекс растет, значит, инвесторы склонны покупать акции, а это означает, что они позитивно воспринимают конъюнктуру и верят в перспективу, риски (в том числе политические) им представляются минимальными. Если фондовый индекс падает, значит, инвесторы склонны продавать акции, а это означает, что они чувствуют негативный фон, опасаются потерь в будущем и поэтому предпочитают зафиксировать прибыль. Такова общая схема поведения игроков.

В качестве основного индикатора российского фондового рынка в настоящем исследовании используется индекс РТС, в качестве вспомогательного – индекс ММВБ⁵. Первый рассчиты-

вается на основе цен 50 акций крупнейших российских компаний, торгуемых на фондовой бирже РТС; второй – на основе цен 30 акций, торгуемых на фондовой бирже ММВБ. В большинстве случаев тренды индексов РТС и ММВБ совпадают, что дополнительно подтверждает их адекватность.

Итак, для решения исследовательских задач настоящей работы под политическими рисками бизнеса понимается позитивное или негативное изменение фондового индекса в ответ на политическое событие или в преддверии политического события.

Выборы президента и Государственной думы РФ. Политическое событие «выборы» имеет специфический характер. О факте и времени проведения избирательной кампании становится известно заранее; точно известны дата, состав участников, процедура. Зачастую известен (прогнозируем с высокой долей вероятности) и результат.

Отсутствие фактора неожиданности, неопределенности в событии выборов минимизирует краткосрочные эффекты для фондового рынка, но заставляет игроков вырабатывать более долгосрочные стратегии. Федеральные выборы оживляют политическую и деловую активность в стране, актуализируют социально-экономическую повестку дня, вырабатывают новую концепцию развития, стимулируют деятельность во всех сферах общества. При высоком уровне предсказуемости и низких угрозах, связанных с исходом выборов, фондовый рынок должен расти⁶.

Гипотеза: в период избирательной кампании, непосредственно предшествующий дате федеральных выборов и непосредственно следующий за ней, доминирует биржевая стратегия «покупать»; фондовый индекс на этом фоне повышается.

В исследуемый в работе период (1995–2008) попадают восемь российских федеральных избирательных кампаний:

- 4 – выборы Президента РФ (1996 – 2 тура, 2000, 2004, 2008);
- 4 – выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания РФ (1995, 1999, 2003, 2007).

Кампании, проводимые в разное историческое время, носили различный характер, обусловленный различной политической конфигурацией, что должно найти отражение и в динамике российского фондового рынка.

Целесообразно проанализировать как краткосрочные, так и долгосрочные эффекты избирательных кампаний для фондового рынка.

Под краткосрочным эффектом предлагается понимать непосредственный результат дня выборов, выражающийся в изменении фондового индекса по сравнению с предшествующим

показателем. Так как выборы проводятся в воскресенье, а в выходные дни торги на фондовых биржах закрыты, это, как правило, означает, что рассчитывается отношение индекса закрытия торгов понедельника (следующего за днем выборов) к индексу закрытия торгов пятницы (предшествующей дню выборов). Краткосрочный эффект выражается в процентах, со знаком «плюс» (повышение индекса) или «минус» (снижение индекса). Значительный «плюс» характеризует позитивное влияние события на фондовый рынок; значительный «минус» – негативное влияние. Несущественное колебание – менее 1% – игнорируется в исследовательских целях.

Для расчета долгосрочного эффекта выбран период, начинающийся за один месяц до даты проведения выборов и заканчивающийся через один месяц после них. Методика расчета эффекта идентична для обоих типов.

Ниже дано краткое качественное описание полученных результатов по каждой избирательной кампании:

а) *выборы Госдумы–1995*. Внушительный долгосрочный эффект (+15,5% РТС) подтверждает гипотезу о росте рынка. Минимальный негативный краткосрочный эффект (–1,2% РТС) может быть реакцией бизнес-сообщества на победу КПРФ в парламентской кампании;

б) *выборы президента–1996*. Существенный долгосрочный эффект (+50,0% РТС) объясняется принципиальным характером президентской кампании и высоким уровнем неопределенности в начале 1996 г. Этим же объясняются рекордные краткосрочные эффекты обоих туров выборов (+15,6% РТС и +9,1% РТС соответственно). Таким способом фондовые игроки выражали свое позитивное отношение к переизбранию Б. Ельцина в противовес Г. Зюганову⁷;

в) *выборы Госдумы–1999*. Максимальные долгосрочные (+55,9% РТС, +66,1% ММВБ) и краткосрочные (+10,0% РТС, +5,6% ММВБ) эффекты стали ответом на произошедшую реальную смену власти в нижней палате российского парламента. Высокий результат проправительственного движения «Единство» на выборах обещал инвесторам стабильное целенаправленное развитие и продолжение структурных реформ;

г) *выборы президента–2000*. Долгосрочный эффект стал ощутимым (+34,8% РТС, +24,1% ММВБ), так как выборы зафиксировали стабильность политического режима и перспективное движение вперед. Краткосрочные же эффекты оказались неоднозначными (–1,4% РТС, +3,3% ММВБ) вследствие большой предсказуемости результата президентских выборов; победа

Н.А. Федотов

В. Путина в данном случае была учтена фондовым рынком заранее;

д) *выборы Госдумы–2003*. При отсутствии интриги избирательной кампании⁸ долгосрочные (+10,0% РТС, +10,1% ММВБ) и краткосрочные (+1,1% РТС, +0,2% ММВБ) эффекты получились не столь внушительными, однако последовательно подтверждают гипотезу о росте рынка;

е) *выборы президента–2004*. Ситуация сходна с предшествующей думской кампанией, но долгосрочные эффекты (+14,6% РТС, +13,0% ММВБ) несколько более убедительны, а краткосрочные – в условиях нулевой неопределенности – являются неоднозначными (+0,9% РТС, –0,5% ММВБ) и в настоящем исследовании не могут восприниматься как значимый результат политического события «выборы»;

ж) *выборы Госдумы–2007*. Эффекты кампании кажутся минимальными (долгосрочные +2,8% РТС и +0,5% ММВБ; краткосрочные –0,8% РТС и –0,6% ММВБ), но в данном случае необходимо учитывать негативный мировой экономический фон и абсолютную предсказуемость исхода выборов;

з) *выборы президента–2008*. Политическая и деловая конъюнктура аналогична завершившейся думской кампании, поэтому наблюдаются схожие долгосрочные (+2,8% РТС, –1,5% ММВБ) и краткосрочные (–1,6% РТС, –1,0% ММВБ) эффекты. Здесь имеет место наложение негативных неполитических факторов, количественно отделить которые от «электоральных» эффектов не представляется возможным, но учитывать необходимо.

Обобщая результаты исследования отдельных избирательных кампаний, следует разделить выводы относительно долгосрочных и краткосрочных эффектов.

Долгосрочные эффекты выборов проявляются независимо от характера избирательной кампании и выражаются в преимущественно позитивной динамике фондового рынка в период «один месяц до выборов – один месяц после выборов». Это представляется естественной реакцией бизнес-сообщества на активизацию политической жизни, на своеобразный общественный импульс.

Краткосрочные эффекты выборов проявляются лишь в случае высокой неопределенности накануне даты выборов и удовлетворительного их исхода. В российской истории это имело место только в ходе президентской кампании 1996 г. (причем в обоих турах) и думской кампании 1999 г.

Таким образом, первоначальная гипотеза о росте фондового рынка в период выборов (в смысле долгосрочных эффектов)

подтверждена. Более того, она уточнена в части краткосрочных эффектов выборов.

Смена Правительства РФ. Периодическая смена федерального правительства – неизбежный атрибут российского политического процесса. Такая смена, как правило, происходит в виде отставки действующего премьер-министра (обычно по инициативе президента) и назначения – через конституционную процедуру одобрения Госдумой – нового премьер-министра, который формирует кабинет.

Для бизнес-сообщества такая правительственная ротация представляет несомненный практический интерес, так как во многом характеризует изменение политического и социально-экономического курса⁹. В российском случае, однако, где правительство традиционно считается «техническим», смена премьер-министра далеко не всегда означает изменение курса, но она при любом исходе ведет к некоторому изменению состава кабинета министров, а значит – к некоторым отраслевым и региональным изменениям.

Таким образом, политическим событием для фондового рынка является не сам факт отставки правительства, а конкретная смена его первого лица – премьер-министра. И реакция биржевых игроков должна зависеть от политического характера личностей уходящего и приходящего председателей.

Гипотеза: отставка популярного (в бизнес-сообществе) премьер-министра снижает фондовый рынок, а назначение популярного премьер-министра – повышает.

В исследуемый в работе период (1995–2008) в России произошло восемь фактических смен правительства. В грубом схематичном виде это можно представить как цепь, состоящую из девяти звеньев и восьми связей между ними: Черномырдин – Кириенко – Примаков – Степашин – Путин – Касьянов – Фрадков – Зубков – Путин.

Политических событий, описывающих смену правительств, несколько больше. Классический случай смены правительства включает в себя три значимых для фондового рынка события:

- заявление об отставке действующего правительства;
- выдвижение кандидата на пост премьер-министра;
- одобрение кандидата Госдумой.

Первые два события зачастую происходят в один день, поэтому эффекты их накладываются друг на друга, давая результирующий показатель. Последнее событие – одобрение Госдумой – символизирует для рынка завершение периода неопределенности и формальное начало реализации нового курса.

Итак, для каждой смены правительства исследуются несколько связанных событий, причем аналитическую ценность представляет оценка лишь их краткосрочных эффектов.

Как следует из анализа, реакция фондового рынка на отставку или назначение премьер-министра не всегда четко выражена. Качественное описание отдельных смен правительства с объяснением фондовой динамики дано ниже:

а) *Черномырдин – Кириенко*. В марте–апреле 1998 г. отставку «опытного» В. Черномырдина и назначение «молодого» С. Кириенко фондовый рынок воспринял достаточно позитивно (+2,1% РТС и +1,2% РТС соответственно), возлагая на правительство реформаторов большие инвестиционные надежды;

б) *Кириенко – Примаков*. В августе–сентябре 1998 г. доминирующим фактором рыночной динамики был российский экономический кризис, получивший название «дефолт 17 августа». В этих условиях отставку С. Кириенко, на которого возлагалась основная вина за дефолт, игроки восприняли позитивно (+4,9% РТС); а вот назначение даже такой компромиссной фигуры, как Е. Примаков, новым премьер-министром не смогло преодолеть негативный фондовый тренд (-4,6% РТС);

в) *Примаков – Степашин*. Неожиданная и необъяснимая отставка Е. Примакова, символизировавшего стабильность, в мае 1999 г. вызвала резко негативную реакцию инвесторов (-16,5% РТС). Поэтому так безразлично рынок ответил и на назначение С. Степашина премьер-министром (-1,0% РТС);

г) *Степашин – Путин*. Очередная правительственная рокировка в августе 1999 г. также прошла весьма незаметно для фондового рынка, уставшего от кадровой политической чехарды. Это демонстрируют разнонаправленные векторы РТС и ММВБ в случае с отставкой С. Степашина (-1,0% РТС и -6,6% ММВБ) и назначением В. Путина (+1,0% РТС и -0,9% ММВБ);

д) *Путин – Касьянов*. Отрицательную фондовую динамику в мае 2000 г. (-0,9% и -4,5% РТС; -1,2% и -1,7% ММВБ) нельзя рассматривать как реакцию рынка на новое правительство М. Касьянова, так как политическое событие в данном случае было предсказуемо и учтено игроками ранее;

е) *Касьянов – Фрадков*. Отставка М. Касьянова накануне президентских выборов 2004 г. и замена его совершенно «техническим» М. Фрадковым прошли относительно безболезненно для фондового рынка (-1,4% и +0,6% РТС; -0,3% и +1,0% ММВБ), отразив дополнительную осторожность инвесторов в условиях неопределенности;

ж) *Фрадков – Зубков*. Замену М. Фрадкова на посту премьер-министра В. Зубковым в преддверии думской и президентской избирательных кампаний 2007–2008 гг. фондовые игроки восприняли незначительным «минусом» (–0,6% и +0,5% РТС; –0,8% и –0,4% ММВБ) как абсолютно тактическую операцию;

з) *Зубков – Путин*. Возвращение В. Путина в правительство было ожидаемо, но стало важным событием, демонстрирующим преемственность политического и социально-экономического курса, гарантирующим институциональную стабильность в стране. Поэтому фондовый рынок отреагировал существенным «плюсом» (+2,2% и +3,8 % РТС; +2,7% и +3,3% ММВБ).

Таким образом, бизнес-сообщество приветствовало назначение премьер-министрами лишь С. Кириенко (1998) и В. Путина (2008), а отставку правительства поддерживало только в случаях с В. Черномырдиным (1998) и С. Кириенко (1998). Отрицательным образом фондовый рынок воспринял отставку Е. Примакова (1999), отчасти – С. Степашина (1999), М. Касьянова (2004) и М. Фрадкова (2007).

Итак, в большинстве случаев фондовые игроки проявляют осторожность в период смены правительства, занимая выжидательную позицию. Позитивные реакции крайне редки и связаны лишь с отдельными яркими фигурами. Негативные ожидания распространены шире, что объясняется возрастающим уровнем политической неопределенности при изменении состава кабинета министров и потенциальном изменении правил ведения бизнеса.

Количественный и качественный анализ подтверждает исследовательскую гипотезу о зависимости фондового рынка от популярности премьер-министра. Одновременно сформулирован общий вывод о трендовом поведении бизнес-игроков в условиях неопределенности.

Послание президента Федеральному собранию РФ. В настоящем исследовании ежегодное президентское послание рассматривается как основной политический программный документ страны, а представление послания – как важнейшее концептуальное выступление главы государства. В послании подводятся итоги прошедших периодов и формулируются задачи на будущие периоды.

Для бизнес-сообщества интерес представляют как отдельные «отраслевые» пункты документа (направления развития), так и общая тональность послания¹⁰. Учитывая исторический опыт, следует отметить, что президентское послание всегда тщательным образом готовится, так что потенциальная негативная для бизнеса составляющая документа минимизирована. Это позво-

Н.А. Федотов

ляет предположить, что каждое ежегодное послание воспринимается фондовыми игроками позитивно. Стратегический план президента, публично представленный политической и деловой элите, формирует предсказуемое поле для принятия инвестиционных решений. На этом фоне биржевые рынки должны расти.

Гипотеза: в день представления президентского послания или день, непосредственно следующий за ним, фондовый рынок повышается.

В исследуемый в работе период (осень 1995 – весна 2008) российский президент обращался к парламенту с ежегодным посланием двенадцать раз:

- 4 раза – президент Б. Ельцин (1996–1999);
- 8 раз – президент В. Путин (2000–2007).

Для каждого выступления оценивается краткосрочный эффект в день события и на следующий день путем расчета изменения фондового индекса закрытия торгов.

Очевидно, что влияние президентских посланий на фондовый рынок не столь однозначно. Лишь в семи случаях (из двенадцати) индекс РТС демонстрировал рост в день представления послания; в двух случаях он остался на прежнем уровне и в трех случаях несколько снизился. Двухдневный эффект оказался еще менее представительным: рост в четырех случаях, падение в шести случаях, нулевой уровень в двух случаях. Аналогичная ситуация с индексом ММВБ – только четыре послания из восьми стимулировали деловую активность на фондовых рынках, повышая стоимость российских акций и компаний.

С высокой долей вероятности можно сказать, что в тех случаях, когда представление послания не вызывало биржевого роста, на рынок оказывали влияние негативные факторы, преимущественно неполитического характера. Президентские послания просто не смогли преодолеть доминирующий на фондовом рынке в тот момент негативный тренд.

Предложить количественное выражение этого феномена нет возможности, поэтому следует признать слабость выдвинутой гипотезы с точки зрения инструментальных средств ее абсолютного доказательства. Целесообразно смягчить тезис об эффектах президентского послания для фондового рынка, уточнив, что наблюдается это влияние лишь в условиях отсутствия сильных негативных факторов.

Таким образом, гипотеза об эффектах президентского послания принята лишь в смягченном виде, предусматривающем отсутствие сильных негативных факторов, определяющих негативный тренд фондового рынка. Следует заметить, однако, что

данная оговорка применима и к другим аналитическим ситуациям на биржевой площадке, в том числе к другим исследовательским гипотезам настоящей работы. Поэтому общий вывод остается корректным: президентское послание повышает фондовый рынок.

Террористический акт. Силловые действия несистемных акторов превращаются в политические события, когда вызваны политическими причинами, преследуют политические цели или используют политические инструменты. В широком смысле, любые террористические акции являются политическими, так как претендуют на общественный резонанс¹¹.

Для бизнес-сообщества вообще и фондовых инвесторов в частности происходящие в стране присутствия террористические акты демонстрируют высокий уровень неправительственных угроз¹², недостаточную безопасность системы, уязвимость со стороны криминальных сил. Терракты, как правило, не затрагивают непосредственно бизнес-активы, но всегда являются барометром нестабильности и значительной рискогенности инвестиционного пространства.

В этих условиях логично предположить, что каждый террористический акт в стране размещения капитала негативным образом сказывается на фондовой динамике рынка, снижая инвестиционные настроения игроков и стоимость российских компаний.

Гипотеза: в дни террористических актов политического и околополитического характера фондовые индексы понижаются.

Для исследования были отобраны наиболее известные российские теракты 1999–2007 гг., в основном относящиеся к так называемому «чеченскому следу». Дополнительно приводятся два международных теракта, вызвавшие максимальный резонанс в российском обществе.

В каждом случае анализируется краткосрочный эффект, проявляющийся в реакции фондового рынка на событие в день события или на следующий день (последнее актуально для ситуаций, когда событие произошло или информация о нем поступила после закрытия торгов на российских биржах). Как всегда, фондовый индекс такого дня сравнивается с аналогичным показателем предшествующего рабочего дня.

Как следует из анализа, далеко не все крупные террористические акты 1999–2007 гг. «понижали» рынок, негативным образом влияя на поведение биржевых игроков.

Наиболее существенный отрицательный эффект оказали следующие события:

- *взрывы жилых домов на улице Гурьянова и Каширском шоссе в Москве, а также в Волгодонске (сентябрь 1999 г.)*. Каждый из этих терактов сопровождался падением российских фондовых индексов на 3,6% (ММВБ после взрыва на улице Гурьянова) – 8,7% (РТС после взрыва на Каширском шоссе). Характерно, что фондовый рынок начал реагировать на теракты этой серии лишь со второго взрыва; первый теракт, произошедший в Буйнакске 4 сентября 1999 г., не вызвал негативного тренда. Инвесторы ощутили политические риски только после того, как взрывы жилых домов стали повторяться и достигли столицы;
- *террористические атаки на США 11 сентября 2001 г.* Международный резонанс этих событий отразился на всех мировых фондовых индексах¹³, в том числе российских. Снижение РТС составило –5,3%; снижение ММВБ –5,6%. Теракты «9/11» продемонстрировали глобальную уязвимость цивилизованного мира, подверженность национального и транснационального бизнеса угрозам международного терроризма, вызванного политическим противостоянием культур. Для российских инвесторов атаки на ведущую мировую державу символизировали фундаментальную незащищенность бизнес-пространства от внешних антисистемных сил;
- *захват заложников в Театральном центре на Дубровке (Москва, октябрь 2002 г.)*. Событие вызвало понижение индексов РТС и ММВБ на –2,5% и –2,3% соответственно. Эффект был обусловлен внезапно обнаружившейся способностью террористов проникать в центр российской столицы и, удерживая в заложниках сотни людей, диктовать свою волю органам власти;
- *террористический акт в Грозном во время праздничного парада 9 мая 2004 г.* Спецификой данной акции стала гибель президента Чечни А. Кадырова. Падение индекса РТС составило –4,0%; индекса ММВБ –4,2%. Негативная реакция фондового рынка объясняется откровенно политическим характером теракта, направленного на дестабилизацию ситуации на Северном Кавказе. Жертвой теракта стал сам руководитель республики, символизировавший наведенный порядок в регионе. И тот факт, что террористическая акция осуществлена в праздничный день на месте проведения главных официальных праздничных мероприятий, актуализировал абсолютную незащищенность мирной жизни в регионе;
- *террористические захваты в Нальчике в октябре 2005 г.* Ответ инвесторов на эти события выразился в снижении

российских фондовых индексов РТС и ММВБ на $-5,8\%$ и $-5,9\%$ соответственно. Основной негативный фактор – террористическая атака в очередной раз перешла границы Чеченской Республики, демонстрируя широкие возможности международного терроризма и отсутствие надежных гарантий безопасности в России.

Другие исследуемые события террористического характера не столь последовательно и однозначно отражались на динамике российского фондового рынка. Это, как правило, более локальные теракты, оказывавшие минимальное влияние на инвестиционные стратегии биржевых игроков и не определявшие основной тренд. Эффект может объясняться также доминировавшими в тот или иной отрезок времени позитивными неполитическими факторами.

Таким образом, влияние террористических рисков как частного случая рисков политических довольно избирательно проявляется на российском фондовом рынке. Отрицательный эффект обнаруживается преимущественно в случаях, угрожающих фундаментальной общественной безопасности. Локальные теракты проходят относительно незаметно для инвесторов.

Исследовательская гипотеза требует уточнения: фондовые индексы понижаются лишь в дни крупных террористических атак, а не во всех случаях силовых антиправительственных и антиобщественных действий, вызванных политическими мотивами.

Выводы. Исследование отдельных политических событий (групп событий) и их эффектов для российского фондового рынка показывает, что ряд событий вызывает позитивную реакцию инвесторов, повышая фондовые индексы; другие события стимулируют выход игроков с биржи, снижая стоимость ценных бумаг российских компаний; некоторые события не представляют интереса для бизнес-сообщества, не оказывая существенного влияния на рыночную динамику. Все политические события, таким образом, можно разделить на три «эффективные» (функциональные) группы:

- позитивные (плюсовые) события: избирательные кампании; отставка непопулярного правительства; назначение популярного правительства; представление ежегодного президентского послания;
- негативные (минусовые) события: отставка популярного правительства; крупные террористические акты (политического свойства);
- нейтральные (нулевые) события: смена правительства без видимой причины; мелкие террористические акты (неполитического свойства).

Политический риск возникает в периоды неопределенности. В этих условиях бизнес-игроки занимают выжидательную позицию, воздерживаясь от транзакций (нейтральная неопределенность), или выходят с рынка, продавая ценные бумаги (негативная неопределенность). В момент прояснения политической картины на фондовый рынок возвращается предсказуемость (позитивная определенность), при которой бизнес-игроки демонстрируют покупательские настроения.

Таким образом, деловая активность в значительной степени определяется политическим климатом.

Примечания

- 1 <http://www.rts.ru>
- 2 <http://www.micex.ru>
- 3 На высокую волатильность российского фондового рынка указывают, в частности, А. Горяев и А. Заботкин (см.: *Горяев А., Заботкин А.* Российский фондовый рынок: уроки первого десятилетия // *Beyond Transition*. 2006. Январь–март. С. 11), а также Я. Миркин (см.: *Миркин Я.* Российский рынок ценных бумаг: риски, рост, значимость // *Рынок ценных бумаг*. 2007. № 23. С. 60).
- 4 Ряд исследований посвящен анализу «специфических» рисков, т. е. реакции на политические события акций отдельных компаний (см., например: *Goriaev A., Sonin K.* Is political risk company-specific?: The market side of the Yukos affair. Moscow, 2005; *Карбовская М.А.* Исследование политических рисков компаний в России. М., 2007).
- 5 Исторические значения российских фондовых индексов см., например, в ресурсах РосБизнесКонсалтинг (<http://export.rbc.ru/expdocs/free.rusindex.0.shtml>).
- 6 Р. Тьюлз отмечает, что «большинство выборов президента [США] в XX в. сопровождалось ростом активности и цен фондового рынка» (см.: *Тьюлз Р., Брэдли Э., Тьюлз Т.* Фондовый рынок. М., 1997. С. 508).
- 7 На спад инвестиционного риска в 1996 г. в связи с повторным избранием Б. Ельцина указывает, например, И.Г. Яковлев (см.: *Яковлев И.Г.* Политические риски и инвестиционный климат в России и ее регионах // *Соединяя капитализм, социализм и демократию: Практическая политика в России и США*. М., 1999. С. 262).
- 8 В. Федоров накануне электорального цикла 2003–2004 гг. отмечал, что «вопросы на выборах будут решаться второстепенные» (см.: *Федоров В.* Политические риски в России: 2003–2005 гг.: Что несет бизнесу очередной выборный цикл? [<http://www.ancentr.com/portal/article238.html>]).

- 9 О политических рисках смены правительства см., например: *Зонис М., Уилкин С.* Как уцелеть на минном поле политического риска // Управление рисками. М., 2004. С. 201; *Бунин И.* Политические риски для российского бизнеса // Общество и экономика. 2005. № 6. С. 7; Инвестиционный климат в России: Доклад. М., 2000. С. 8; Политические и правовые источники инвестиционных рисков в российских регионах / В. Мау и др. М., 2002. С. 14.
- 10 Р. Тьюлз придает огромное значение для фондового рынка посланиям президента США к конгрессу (см.: *Тьюлз Р., Брэдли Э., Тьюлз Т.* Указ. соч. С. 508).
- 11 К политическим относят риски безопасности, в том числе терроризм, А.А. Пожалов (см.: *Пожалов А.А.* Исследования политического риска: история зарождения, становления и развития // Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки. 2006. № 3. С. 52).
- 12 И.В. Джус (см.: *Джус И.В.* Политические риски: оценка, анализ и управление. М., 2004. С. 17) и И.А. Подколзина (см.: *Подколзина И.А.* Проблемы дефиниции и оценки политического риска // Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки. 1996. № 5. С. 21) вслед за Ч. Кеннеди называют такой риск *экстралегальным*.
- 13 См.: International political risk management: The brave new world / Th.H. Moran. Washington, 2004. P. 19, 27.

«ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» КАК ФОРМА ИНТЕРАКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНАМИ*

Интернет-технологии, обеспечивающие информационное взаимодействие органов власти с населением и институтами гражданского общества, получили в современной литературе наименование «электронное правительство» (“e-Government”). Оно рассматривается как единое социально ответственное и информационно открытое, с постоянной обратной связью учреждение (институт).

Весьма актуальна задача рассмотрения деятельности «электронного правительства» как формы интерактивной коммуникации между органами власти и гражданами. Речь идет об изучении характера и направленности электронных информационных потоков с элементами обратной связи, что в принципе должно повышать эффективность информирования граждан, содействовать их отношению к государству как сервисному институту.

В концепции «электронного правительства» деятельность правительства представляется достаточно открытой, информационно прозрачной и доступной для граждан. Особое внимание уделяется принципу обратной связи, скорости и качеству предоставления услуг посредством широкого использования централизованных систем Интернета. Реализация концепции «электронного правительства» призвана повысить качество оказания государством услуг населению, эффективность его функционирования. В целом «электронное правительство» определяется как специализированная комплексная информационная система взаимодействия структур исполнительной власти между собой, а также с гражданами, организациями гражданского общества и бизнес-структурами посредством Интернета.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта Министерства образования и науки РФ и Национального фонда подготовки кадров «Аристотель. Политологическое образование в XXI веке».

«Электронное правительство» как форма интерактивной коммуникации...

Термин «электронное правительство» утвердился в научной и управленческой литературе, имеет свои достоинства (лаконичность, целеполагание, инновационность). В этом смысловом ряду используются понятия «электронный бизнес» (“e-Business”), «электронный гражданин» (“e-Citizen”), «электронные муниципалитеты», «электронная демократия»¹.

Процесс становления системы «электронного правительства» можно условно разделить на три основные стадии-направления: «публичность», «участие» и «онлайн-транзакции».

Публичность – использование новейших коммуникационных технологий для расширения доступа граждан и институтов гражданского общества к интересующей их информации органов государственной власти и местного самоуправления.

Участие – расширение возможностей участия граждан в управлении государственными и общественными делами на всех уровнях власти и на протяжении цикла подготовки и принятия политических решений. Предполагает публикацию на соответствующих сайтах государственных и муниципальных структур контактных адресов электронной почты и организацию обратной связи.

Онлайн-транзакции обеспечивают предоставление услуг государственных и муниципальных учреждений через Интернет: оплату коммунальных платежей, заполнение налоговых деклараций и сбор налогов, регистрацию общественных объединений, а в перспективе – предпринимателей без образования юридического лица, предприятий малого бизнеса и др. На этой стадии формируется «информационная экономика», которая представляет собой новую ступень с точки зрения эффекта, производимого постоянным интерактивным функционированием государственных порталов.

Преимущества «электронного правительства» очевидны: упрощение бюрократических процедур, значительное сокращение сроков при оформлении документов, обеспечение легко верифицируемой, строгой налоговой подотчетности юридических и физических лиц посредством введения унифицированной системы электронного учета, повышение уровня бюджетных поступлений, сокращение масштабов коррупции и, соответственно, рост доверия граждан к институтам власти².

Для реорганизации системы государственного управления в парадигме «электронного правительства» необходим ряд условий. Можно выделить следующие: принятие соответствующих государственных решений; достаточный уровень интернетизации общества (индивидуальных пользователей от 30–40% населения страны

Ю.В. Ирхин

и 100% государственных институтов); разработка рациональной концепции «электронного правительства» и создание необходимых информационно-технологических предпосылок и электронных форм (документы, подписи и др.); финансовое обеспечение разработки концепции и функционирования всей системы «электронного правительства»; подготовка соответствующих новых кадров на всех уровнях управления и исполнения; учет сложнейших социальных и административно-правовых проблем, возникающих при внедрении новых электронно-организационных управленческих моделей в жизнь; преодоление узкотехнологических подходов при формировании и деятельности «электронного правительства» («информационные технологии решат все проблемы»); осуществление ряда мер по недопущению возможностей его использования в антиобщественных целях; рационально-критическое использование накопленного зарубежного опыта и др.³

Создание национальных «электронных правительств» в постиндустриальных странах происходит в русле глубокого реформирования всей системы государственного управления. Новое государственное управление предполагает большую открытость и «отзывчивость»; внесение конкурентных и договорных начал; создание обособленных специализированных управленческих структур с усилившейся ответственностью за результаты деятельности; повышение роли этических требований; активное взаимодействие с гражданским обществом; переориентацию государственных интересов на нужды и потребности граждан и др. Речь идет о становлении современной модели государственного управления, ориентированной на эффективность деловых процессов. Она органически включает в себя как исторический, так и инновационный опыт управления, достижения менеджмента, информатиологии, теорию и практику использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в управлении.

При использовании ИКТ в современном государственном управлении учитываются социально-политическая, экономическая, культурная, ментальная среда (окружение) и иные факторы (протестантская или конфуцианская этика труда, правовые традиции), нравственные ориентиры и принципы, влияющие на весь характер взаимоотношений «власть – общество». В.В. Путин подчеркивал, что «нравственность власти и ее обязательность – это главный залог доверия людей. Они не менее важны, чем опыт или профессиональные знания, и необходимы для получения результатов, идущих во благо всему обществу»⁴.

Глава аппарата советников премьер-министра Великобритании Майкл Барбер обращал внимание на важность реализации

ключевых гуманистических, демократических и управленческих ценностей и принципов в современной государственной службе и «электронном правительстве». Среди них: профессионализм (высокая компетенция, честность/отсутствие коррупции); «говорить правду людям» (политическая неангажированность); открытость (свобода слова/информации, прозрачность, отчетность и ответственность); польза для общества (результативность, действенность, приоритет – интересы граждан, отдача от вложенного – на длительный срок); средства (максимальное применение информационных технологий в управлении)⁵.

Концепция «электронного правительства» реализована в его начальной стадии («публичность») в большинстве постиндустриальных стран Запада и Востока. Используются и более продвинутое его стадии («участие» и «онлайн-транзакции»). В рамках деятельности «электронного правительства» в режиме «онлайн» стали реально доступными и удобными многие виды государственных услуг. Среди них: электронный запрос различной информации (документов, законов, постановлений, сведений о вакансиях, статистических данных, географических карт); оплата различных платежей по электронным формам (от квартплаты до штрафов и налогов), при наличии механизмов персонализации; получение распространенных форм официальных документов, их заполнение и отправка с идентификацией электронной подписи (включая прием налоговых деклараций, постановку на учет в службе занятости); многие запросы в государственные органы, их регистрация, возможность проверки этапов их прохождения, получение ответа с указанием результата и ответственных за его принятие; поступление в вузы на дистанционные, интерактивные формы образования; заявления в полицию (в случае кражи или угона автомобиля).

Первой страной в мире, принявшей закон об электронных услугах, была Финляндия (2001 г.). Закон содержит положения о правах, обязанностях и ответственности органов государственного управления и их клиентов в сфере электронных услуг, о ключевых требованиях в отношении электронной идентификации личности граждан. В соответствии с законом власти должны предоставлять общественности возможность выбора электронной доставки уведомлений, счетов и других аналогичных документов и сообщений. Органы власти и клиенты могут скреплять свои решения электронной подписью.

Официальный веб-портал Финляндии (<http://www.om.fi>) оказывает большое количество специализированных услуг: заказы и запросы (Агентство по делам потребителей); представление

Ю.В. Ирхин

юридических документов (Минюст); заказ и оплата услуг, связанных с досугом; обратная связь с пользователями в плане их информирования о национальных проектах участия (МИД, Отдел муниципалитетов); уведомления о вакансиях, рабочих местах, и возможностях для получения образования (Министерство труда); уведомление о смене адреса (Центр переписи населения); служба «Виртуальная Финляндия» (МИД) и др.

Деятельность порталов включает сведения о предоставлении услуг в соответствии с «жизненными эпизодами». Среди них: поступление в школу, поиск работы или ее смена, появление в семье ребенка, тяжелая утрата, открытие собственного дела и др. Расширяется количество государственных услуг в режиме «онлайн» и для предприятий. Наиболее распространены: корпоративные налоги – декларации, извещения; социальные взносы; внесение новых данных в статистические бюро; электронные торги и др. В Финляндии 55% всех ведомств дают своим клиентам возможность заполнить бланки заявлений и формуляров через Интернет. Число интерактивных потребительских услуг в них составляет несколько десятков и имеет тенденцию к увеличению. Ряд услуг предусматривают использование электронного удостоверения личности.

Официальный правительственный веб-портал США (FirstGov.com.) соединяет сайты федеральных, штатных и местных органов власти, содержит 28 млн веб-страниц, предоставляет сотни электронных форм и реальных услуг. Классифицированные разделы услуг: «государственные блага», «государственные гранты», «государственные работы», «получение лицензий», «вопросы социальной безопасности», «получение паспортов», «иммиграция», «объявления и заявки потребителей» и др. Портал предоставляет возможности интерактивного диалога в режиме реального времени. В США $\frac{1}{3}$ налоговых поступлений собирается посредством интернет-связи. В штате Аризона плата за возобновление права на вождение транспортного средства сократилась с 7 до 1,6 долл. при использовании онлайн-средств. Считается, что ориентированный на потребителя подход имеет большое значение для организации работы государственных служб. (С 2007 г. посольство США в РФ принимает заявки на предоставление виз российским гражданам по Интернету.)

Канадский правительственный веб-портал (Canada.gc.ca) предоставляет централизованный доступ почти к 1000 государственных программ и услуг, дает возможность канадцам иметь электронный доступ ко всей открытой государственной информации, многим услугам в удобное для них время.

«Электронное правительство» как форма интерактивной коммуникации...

Официальный веб-портал Сингапура (gov.sg) объединяет государственное управление, бизнес, образование, науку, медицину и индустрию развлечений. По всем разделам в режиме текущего времени предоставляется большое количество информационных услуг, действует интерактивная связь. Для этого необходимо зарегистрироваться (указать пароль, логин, шифр пользователя). В службе «e-Citizen» можно получать информацию и взаимодействовать по направлениям: «Образование, обучение и работа», «Семья и коммунальное развитие», «Здоровье и окружающая среда», «Домовладение», «Защита и безопасность», «Культура и спорт», «Транспорт и путешествия».

Требуют решения многочисленные проблемы использования информационных технологий в управлении. Так, очевидна недостаточность интернетизации многих государств, их институтов, населения. Слаба соответствующая подготовка граждан. Даже если есть необходимая информационная база данных, то, чтобы разобраться в ней, требуются необходимые навыки. Стать подлинно «электронным гражданином» (а не пользователем отдельных услуг), разбирающимся в проблемах государственного управления, ничуть не проще, чем состоять в качестве сознательного участника политических процессов.

Заслуживают внимания и вопросы о роли «электронных администраторов», владеющих непосредственным доступом к технологическим механизмам инфокоммуникаций, о похищении информации, технологических сбоях, вирусах и т. д. В 2005 г. спецслужбы США разоблачили деятельность хакеров, создавших особую программу-вирус, позволившую передать «на сторону» практически всю информацию примерно с 14 млн карточек MasterCard и Visa. Это произошло в результате нарушения безопасности компании CardSystem Solutions, обслуживавшей соответствующие платежи.

Среди пользователей российской сети Интернет (Рунет) более 40 млн человек. По общему количеству пользователей Интернета Россия уверенно входит в первые двадцать государств мира, но по уровню охвата им населения она находится ниже. В соответствии с рейтингом Лондонской школы бизнеса Россия занимает хорошие позиции в показателе эффективного использования инфокоммуникационных технологий и опережает такие страны, как Индия и Китай, набрав 6,1 балла по десятибалльной шкале⁶.

Аудитория Интернета распределена по территории страны неравномерно. Больше четверти всех пользователей Интернета находится в Москве и Санкт-Петербурге. Доля лиц с высшим об-

Ю.В. Ирхин

разованием среди всех российских пользователей Интернета составляет 12 : 36. Соотношение корпоративных и индивидуальных пользователей сети в России – 65 : 35. Если в 2000 г. среди российских пользователей Интернета женщин было 33%, то в 2008 г. – около 45%. В 2002 г. 32% россиян «выходили» в Интернет из дома, а 41% – с работы. В 2008 г. число россиян, «выходивших» в Интернет из дома выросло до 64%, что соответствует динамике его развития в постиндустриальных странах.

В целом потребность в деловой информации приближается по объему к запросам пользователей на информацию о развлечениях, компьютерных играх, спорте и т. п. А среди категории руководителей запрос на деловую информацию является приоритетным.

Один из примеров быстрого увеличения числа «деловых» пользователей после введения ряда качественных интернет-услуг – опыт г. Новосибирска, где после внедрения автоматизированной системы коммунальных платежей «Город» значительно увеличилась доля подключенных к Интернету компьютеров.

Директивное начало процессу внедрения в деятельность органов государственной власти России современных информационно-коммуникационных технологий положило принятие в 2002 г. федеральной целевой программы (ФЦП) «Электронная Россия (2002–2010 гг.)».

«Электронную Россию» можно рассматривать как ключевое направление на пути к созданию «электронного правительства». Основная идея проекта заключается в том, что, обладая разветвленным и инерционным, бюрократическим (далеко не во всем достаточно профессиональным и эффективно-функциональным) управленческим аппаратом, государство может, применив информационные технологии, решить определенные насущные проблемы оптимизации управления. Среди них: введение электронного документооборота, что позволит уменьшить бюрократические проволочки и ускорить принятие решений; перевод в электронную форму взаимодействия граждан с властью; осуществление более прозрачного и доступного государственного и муниципального управления; дебюрократизация государственных организаций и поддержка развития гражданского общества в России.

Рассматриваемая программа нацеливает соответствующие службы, организации и общественные институты на решение следующих задач: формирование системы взаимодействия государства с гражданским обществом посредством передовых телекоммуникационных сетей; широкий и эффективный обмен электронными документами между населением и правительством,

органами государственной власти; обеспечение гласности и прозрачности деятельности местных и региональных властей; повышение эффективности государственного управления на основе современных моделей и методов электронных технологий; создание электронной системы мониторинга и поддержки принятия решений.

В соответствии с программой «Электронная Россия» все основные государственные службы открыли свои сайты, дающие необходимую и обычно оперативную информацию по соответствующим вопросам. «Электронная Россия» представляет собой единый сервер органов государственной власти Российской Федерации (<http://www.gov.ru>) и предлагает широкий круг оперативной и архивной информации о деятельности обозначенных органов.

Развивается сеть российских региональных порталов, работающих в основном в рамках начальных стадий «электронного правительства». На сервере «Официальная Россия» наряду с федеральными представлены и органы региональной власти Российской Федерации. На сайтах Министерства регионального развития РФ – <http://www.minregion.ru> (органы исполнительной власти субъектов РФ) и Министерства информационных технологий – <http://www.inforegion.ru> (электронное развитие регионов России, паспорт региона) размещена соответствующая информация о порталах субъектов исполнительной власти Российской Федерации. Однако пока эти порталы не связаны в единую информационную сеть с обратной связью.

Российские региональные порталы работают в основном в рамках первой стадии-направления «электронного правительства» – «публичность». Развернутую структуру имеет сервер правительства Москвы – «Электронная Москва» (<http://www.mos.ru>). Он содержит разделы: общие сведения; мэр; правительство Москвы; отраслевые и функциональные органы исполнительной власти; территориальные органы исполнительной власти; городские организации; законотворческая деятельность мэра и правительства Москвы; «Служба одного окна». Официальные серверы ряда префектур округов г. Москвы предоставляют гражданам-пользователям справочную информацию о работе префектуры, формах документов, возможность электронно-письменного обращения к ее префекту и т. п.

В Российской Федерации уровень развития интерактивной формы связи пока ниже, чем в экономически развитых государствах. По индексу непрозрачности Российская Федерация занимает 40-е место среди 48 крупнейших стран (рядом с Китаем).

Ю.В. Ирхин

В условиях недостаточной интернетизации малых городов и деревень России одним из решений этой проблемы является создание пунктов коллективного доступа в сеть при всех узлах почтовой связи во всех местах, где проживает более 10 тыс. человек, а также в библиотеках. В прошлом году их услугами воспользовалось 7 млн граждан.

Общая оценка готовности к реализации услуг «электронного правительства» в регионах России по методике Минсвязи РФ и Института развития современного общества складывается из оценок пяти индексов.

1. Доступ органов власти к ИКТ. Оценивается по показателям наличия ПК, локальных сетей и доступа к Интернету органов регионального и местного самоуправления.

2. Индекс веб-присутствия органов власти региона. Оценивается с точки зрения полноты присутствия и информационной насыщенности региональных и муниципальных органов власти в Интернете.

3. ИКТ-инфраструктура региона. Учитываются показатели развития стационарной и мобильной телефонной связи, наличия ПК, доступа к Интернету населения и предприятий.

4. Развитие электронной коммерции в регионе. Оценивается по показателям использования Интернета предприятиями и организациями региона для предоставления и получения информации о товарах и услугах, для размещения и получения заказов и проведения расчетов.

5. Человеческий капитал оценивается по уровню образования населения, масштабам подготовки ИКТ-специалистов, развитости научного потенциала региона и мотивации использования ИКТ населением.

Общий индекс готовности регионов к «электронному правительству» получается как среднее арифметическое от оценок подындексов. Первые места в рейтинге готовности регионов к «электронному правительству» занимают Москва и Санкт-Петербург благодаря высоким показателям развития ИКТ-инфраструктуры, человеческого капитала и электронной коммерции. Далее выделяются Томская область, Республика Карелия и др. Хорошие показатели по индексу «Веб-присутствие» у органов Чувашской Республики.

Опыт «монетизации» социальных льгот показал, что в тех (немногочисленных) городских районах, где заранее были составлены единые электронные карты льготников и других категорий населения, а аптеки и больницы обеспечены Интернетом, реформа прошла наиболее эффективно.

Формирование «электронного правительства» находится в неразрывной связи со всем процессом российских реформ, особенно с повышением эффективности государственной службы на основе современных методов управления. Очевиден недостаточный уровень развития компьютерных сетей в России во многих сферах государственной и общественной жизни, отсутствие соответствующих навыков.

Проведенные исследования по изучению отношения сотрудников 320 компаний к «электронному правительству» в восьми российских регионах (Москва, Санкт-Петербург, Республики Татарстан и Карелия, Самарская, Томская, Мурманская области и Ханты-Мансийский АО) показывают, что, хотя большинство респондентов и имеют представление о таком «правительстве» (65%), 35% опрошенных ничего о нем не слышали, а 23% хотели бы получить дополнительную информацию.

Из тех, кто более или менее регулярно «сотрудничает» с «электронным правительством», – 66,5% в целом удовлетворены взаимодействием с ним, 35,7% – не удовлетворены «непрозрачностью» его услуг, а 49,2% – скоростью оказания услуги. Опыт скачивания с сайтов форм для заполнения имеют 44% респондентов, 32% выразили готовность оплачивать счета через сайты органов власти⁷.

Вопросы трансформации государственных органов подчас смешиваются с вопросами их насыщения компьютерами. Остро стоит проблема подготовки управленцев нового типа, что встречает сопротивление консервативной части государственного аппарата. Психологической преградой на пути расширения деятельности «электронного правительства» в России является соответствующая бюрократическая ментальность, корпоративные интересы бюрократии. В.В. Путин отмечал, что «задачей номер один для нас по-прежнему остается повышение эффективности государственного управления, строгое соблюдение чиновниками законности, предоставление ими качественных публичных услуг населению»⁸.

Роль «электронного правительства» в России, причем на всех уровнях, будет возрастать и в связи с реализацией национальных проектов, реформой местного самоуправления. Актуально функционирование информационных порталов «Местное самоуправление», «Бизнес и общество».

Возникают технологические проблемы сохранности информации. Формирование единой базы данных в электронных системах о прописке, коммунальных платежах, владении собственностью гражданами города и др., создающей рациональный режим работы, в случае утечки информации может привести к

Ю.В. Ирхин

серьезным проблемам. Министерство информационных технологий и связи РФ совершенствует документы, дополняющие закон «Об электронно-цифровой подписи» (2002 г.), поскольку есть сложности с ее применением⁹.

Реализация программы «электронного правительства» неразрывно связана с общим состоянием государственного управления в стране, характера и роли бюрократии и элит в обществе, состоянием правовых институтов, управленческой ментальностью. «Электронное правительство» может функционировать как в русле демократических, так и авторитарно-корпоративных преобразований. Ключевым подходом к пониманию современного управления по-прежнему является классическая веберовская теория бюрократии, дополненная концепцией и практикой «электронного правительства».

Тезис о том, что информационные технологии чудесным образом оптимизируют качество государственного управления, неверен. Необходимо, чтобы проекты административного реинжиниринга сопровождались обязательной коррекцией законодательства, а также содержали технические задания не только от держателя соответствующего бюджета, но и от высшего руководства страны и граждан, заинтересованных в правильности использования информационных технологий для повышения прозрачности, подконтрольности и оперативности. Для контроля трансформации и функционирования «электронного правительства» необходимо постоянно использовать как специальный (профессиональный), так и общественный аудит. Оценка эффективности программы развития «электронного правительства» может проводиться по «технологическим» параметрам: снижение трудовых затрат органов власти на обмен информацией, уменьшение административной нагрузки на граждан в организациях, сокращение времени ожидания ответа на запросы и сокращение количества персональных обращений граждан, повышение открытости органов государственной власти, повышение оперативности принимаемых решений и т. д.

В результате реализации основных направлений и указа Президента РФ от 7 февраля 2008 г. «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» к 2015 г. должны быть достигнуты следующие контрольные значения показателей. Российская Федерация должна войти в число *двадцати* ведущих стран мира в международных рейтингах в области развития информационного общества; в число *десяти* – по уровню доступности национальной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры для субъектов информационной сферы; уровень

доступности для населения базовых услуг в сфере информационных и телекоммуникационных технологий должен составить *100%*; сокращение различий между субъектами РФ по интегральным показателям информационного развития – *до 2 раз*; наличие персональных компьютеров, в том числе подключенных к сети Интернет, – в *75%* домашних хозяйств; доля электронного документооборота между органами государственной власти в общем объеме документооборота – *70%*; доля архивных фондов, включая фонды аудио- и видеоархивов, переведенных в электронную форму, – не менее *20%*, библиотечных фондов в общем объеме фондов общедоступных библиотек – не менее *50%*, в том числе библиотечных каталогов – *100%*; доля отечественных товаров и услуг в объеме внутреннего рынка информационных и телекоммуникационных технологий – более *50%*¹⁰.

Формирование «электронного правительства» в современных условиях России выступает именно как система комплексных мероприятий по повышению качества государственного управления в целом, являясь частью «создания новой телекоммуникационной инфраструктуры будущего»¹¹.

Выступая на заседании президиума Госсовета с докладом «О реализации “Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации”» в г. Петрозаводске 17 июля 2008 г., Президент РФ Д.А. Медведев подчеркнул: «Уже довольно значительное количество лет мы говорим об “электронном правительстве”. Никто не спорит с самой идеей “электронного правительства”, все согласны с тем, что информационные технологии повышают и прозрачность государственных услуг, снижают уровень коррупции, но реально почти ничего не меняется. Есть, правда, и неплохие примеры. Мы сейчас, находясь в Карелии, посмотрели ряд таких неплохих примеров, связанных с действием “электронного правительства”. Но это только самое начало. Практически нигде граждане не могут непосредственно со своего рабочего места или из дома отправить декларацию, заключить договор, да и просто узнать о том, как происходит движение документа, с которым они обратились в органы государственной власти, что способствовало бы устранению бюрократических препон и снижению коррупции. Нет реальных подвижек и во внедрении межведомственного электронного документооборота, да и в формировании так называемых закупок в режиме “онлайн”. Нет единой системы учета результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выполняемых за счет государственного бюджета. Одна из причин такого положения дел состоит в низком уровне компьютерной грамотности самих государственных и муниципальных

Ю.В. Ирхин

служащих. Это не единственная причина: есть и финансовые причины, и организационные. Но эта причина самая сложная, потому что она ментальная. Между тем именно государственные служащие должны задавать здесь тон всей работе. Тем более что, по сути, преимущественно электронный документооборот должен стать реальностью уже в 2010 году»¹².

Можно выделить ряд актуальных задач, стоящих в повестке дня дальнейшего развития «электронного правительства» в России.

1. Переход к более высоким стадиям «электронного правительства», взаимосвязь электронного государственного управления с характером административных реформ, большая ориентация на нужды граждан как потребителей государственных электронных услуг.

2. Улучшение электронного документооборота и обмена информацией внутри органов исполнительной власти, особенно по линии «центр – регионы – органы местного самоуправления – организации гражданского общества».

3. Обеспечение «выхода» с официального сайта «Электронная Россия» на соответствующие сайты стран СНГ, особенно Республик Беларусь и Казахстан.

4. Организация непрерывного обучения госслужащих и введения этого критерия в результаты периодической аттестации, предусмотренной законом.

5. Унификация страниц государственных учреждений в Интернете, с тем чтобы гражданам было легче воспринимать ту информацию, которая в них есть.

6. Формирование национальных стандартов доступности (к примеру, такой стандарт был принят в ходе работы по подключению школ к Интернету в рамках проекта «Образование»).

7. Создание административных регламентов, чтобы гражданин, заявитель, организация понимали, что происходит с его документом.

8. Повышение компьютерной грамотности населения страны.

9. Создание единых сетей профессиональных электронных библиотек, в частности в рамках межвузовской координации.

Примечания

¹ См.: Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 531; Постановление Правительства РФ № 502 от 15 авг. 2006 г. «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Элек-

«Электронное правительство» как форма интерактивной коммуникации...

- тронная Россия (2002–2010 годы)»»; *Купряшин Г.Л., Соловьев А.И.* Государственный менеджмент: «Электронное правительство». М., 2004; *Павлотенкова М.Ю.* Электронные технологии коммуникаций в исполнительных органах власти: Концепция электронного правительства // Политология / Под ред. В.С. Комаровского. М., 2006; *Сморгунов Л.В.* Способности государства и критика концепции электронного правительства // Труды X Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество–2007». СПбГУ, 23–25 окт. 2007 г. СПб.: Изд-во филологического факультета, 2007; *Yang K., Rho S.-Y.* E-Government for Better Performance: Promises, Realities, and Challenges // International Journal of Public Administration. Vol. 30. Issue 11. Sept. 2007.
- 2 См.: *Ирхин Ю.В.* «Электронное правительство» и социум: попытка системного сравнительного анализа // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2005. № 1. С. 123–144; *Он же.* Электронное правительство и общество: мировой опыт и Россия // Социс (Социологические исследования). 2006. № 1. С. 73–82; *Павлотенкова М.Ю.* Электронное государство России – виртуальная реальность или новая технология государственного управления?: Тезисы докладов IV Всероссийского конгресса политологов «Демократия, безопасность, эффективное управление: новые вызовы политической науке». Москва, 20–22 окт. 2006 г. М.: РАПН, 2006.
- 3 См.: *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004; *Грачев М.Н., Мадатов А.С.* Демократия: методология исследования, анализ перспектив. М., 2004.
- 4 Выступление В. Путина на церемонии вступления Д. Медведева в должность Президента России 7 мая 2008 г.
- 5 См.: *Барбер М.* Государственная служба: эффективная и аполитичная // Британские политические традиции и реформа власти в России: Материалы междунар. конф. в Российской академии государственной службы при Президенте РФ и Посольстве Великобритании в РФ. М.: РАГС, 2005.
- 6 Российская газета. 2008. 1 февр.
- 7 См.: *Голубева А.А., Патокина О.А., Стырин Е.М.* Готовность государства и бизнеса к электронному взаимодействию: результаты эмпирического исследования // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации: Материалы 6-й междунар. конф. факультета государственного управления МГУ, 29–31 мая 2008 г. / Ред. И.Н. Мысляева. М.: МАКС-Пресс, 2008. С. 505–507.
- 8 Послание Президента РФ Федеральному собранию Российской Федерации 25 апр. 2005 г. М., 2005; см. также: <http://president.kremlin.ru>

Ю.В. Ирхин

- ⁹ См.: *Буев В.В., Злыгостев Н.Н., Лесников А.В.* Разработка нормативно-правовой базы, обеспечивающей внедрение в Российской Федерации механизмов электронного оборота и хранения первичных учетных документов: Сб. аналитических материалов / Рук. проекта В.А. Харченко. М.: Информационно-консультационный центр «Бизнес-гезаурус», 2008.
- ¹⁰ См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 7 февр. 2008 г.
- ¹¹ Россия 2020: Главные задачи развития страны: Выступление Д.А. Медведева. М., 2008. С. 56.
- ¹² *Медведев Д.А.* «О реализации "Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации"»: Речь на заседании президиума Госсовета в г. Петрозаводске 17 июля 2008 г.

А.В. Левадная

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ PR-КАМПАНИЙ В ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В России, где финансовый рынок подвержен влиянию политической конъюнктуры, взаимозависимость имиджа и инвестиционной привлекательности бизнеса выражена даже сильнее, чем на Западе. И представление о компании формируется в обществе вовсе не на основе объективных данных о ее деятельности, а на основе того образа, который складывается в СМИ. Та или иная публикация, слух или интервью могут как вызвать прилив энтузиазма по поводу компании, так и серьезно ухудшить отношение к ней. По данным аналитической группы M&A-Intelligence журнала «Слияния и поглощения», в прошлом году по вине зарубежных партнеров было сорвано 12 крупных сделок слияния и поглощения по покупке российскими компаниями зарубежных активов на сумму 49,4 млрд долл.¹

Усложнение структур и повышение динамизма в развитии современного общества выводит на первый план проблемы его (общества) коммуникативных взаимосвязей и взаимодействий. Качество самой современности нередко измеряется и описывается с помощью коммуникативных характеристик (закрытое или открытое общество, направленное в глубь себя или вовне и т. д.). В соответствии с этим PR-деятельность все заметнее превращается из чисто технологического инструмента, обслуживающего общество, в механизм и способ формирования современности.

Эта тенденция приводит к тому, что, казалось бы, чисто корпоративная проблема качества PR-работы в отдельные периоды приобретает сильное общественное звучание. Достаточно вспомнить, что корректировка закона о выборах в России во многом мотивировалась законодателем широким распространением черного PR и использованием манипулятивных технологий. Поэтому неслучайно все более значимым внутри различных экспертных сообществ становится осмысление вопросов об эффективности PR-деятельности и поиск критериев, с помощью

которых можно было бы не только оценивать усилия специалистов в области PR, но и формировать наиболее стратегически важные направления такой работы.

Политические реалии современного общества таковы, что рядовые граждане не имеют возможности личного контакта с политиком или другим государственным деятелем. СМИ играют в политической жизни общества существенную роль, имея самое непосредственное отношение к его жизнедеятельности и выполняя репродуктивную (отображают политику через радио, телевидение и прессу) и продуктивную (творящую) функции. В современных условиях влияние СМИ на политическую и общественную жизнь стран невозможно представить без PR-технологий.

В 80–90-е годы XX в. развитие PR-индустрии происходило под влиянием двух основных факторов: во-первых, это появление и развитие новых технологий (возникновение Интернета, мультимедиа, электронная форма общения и т. д.), а во-вторых, процесс глобализации, который повлиял на формирование глобальной системы социальных ориентиров². В это же время вновь происходит сближение рекламы и PR: перед эффективным PR встает задача определить ценности с помощью рекламных методов. Тем самым повышается ценность стратегического планирования, что влечет за собой развитие сферы анализа эффективности в том числе и долгосрочных PR-проектов.

В российской практике вопрос оценки эффективности PR-кампании находится на начальной стадии развития³. Как правило, основным показателем эффективности проведенной работы является удовлетворение требований начальства или заказчика. Проводимые мероприятия скорее строятся в расчете на то, что больше понравится руководству, нежели на то, что будет более результативно. Вследствие этого оценка эффективности работы если и производится, то ограничивается лишь теми факторами, которые продемонстрируют начальству либо клиенту желаемые им показатели. Традиционно все сводится к демонстрации количества вышедших публикаций и их эквиваленту в стоимости рекламных площадей. Кроме того, в российской практике бюджеты, как правило, фактически не подразумевают выделение средств на проведение анализа проделанной работы.

Возрастание интереса к оценке эффективности PR в России связано с увеличением рынка, когда сами практики все чаще сталкиваются с необходимостью отвечать за свою работу. Вместе с тем возникли вопросы, как оценить, была ли кампания эффективна, принесла ли она пользу организации. Что, собственно, понимается под оценкой связей с общественностью: это анализ

итогах или мониторинг зависимости качества прогресса от поставленных целей? Это должны быть количественные или качественные показатели? Многие практики в сфере PR, пытаясь подкрепить позиции своей деятельности, почувствовали необходимость в установлении единых основных принципов или критериев, которыми они могли бы руководствоваться в своей деятельности, оценивая эффективность PR. Оценка направлена на снижение уровня риска, улучшение эффективности и принятия решения о том, что делают эти программы и на что эта деятельность влияет.

В современной литературе, посвященной анализу этой темы, сложилось несколько подходов к разработке содержания проблемы. Авторов привлекает изучение возможностей понимания и интерпретации эффективности деятельности PR-структур и специалистов⁴. Наряду с этим достаточно активно анализируются возможности методов оценки эффективности рекламы и целесообразность использования этих методов в оценке PR-деятельности⁵. Типичными в этой ситуации становятся методы сравнительного анализа, с помощью которых выявляется своеобразие оценок эффективности как самой рекламы, так и PR-деятельности. По-прежнему исследователи много внимания уделяют изучению психологии потребителей с тем, чтобы на основе учета психологических особенностей восприятия осмыслить и выделить критерии оценок деятельности в PR-сфере. На разработку критериев эффективности определенным образом влияет и качество исследований роли коммуникаций в стратегическом менеджменте. Среди существующих теорий можно отметить теорию диффузии инноваций Э. Роджерса⁶, исследования Т. Уотсона и П. Нобл⁷, модель С. Катлипа, А. Сэнтэра и Г. Брума «Стадии и уровни оценки PR-программ»⁸, состоящую из таких уровней, как подготовка, реализация и влияние, модель макрокоммуникаций Д. Макнамары⁹, а также теория стратегических бренд-коммуникаций Д. Шульца и Б. Барнса¹⁰.

Современные подходы базируются на преимущественно фрагментарном исследовании содержания и характера PR-деятельности. До сих пор не сложилось целостных представлений (в российском экспертном пространстве, по крайней мере) о содержании и структуре самой PR-деятельности¹¹. В современных условиях основные подходы к выявлению критериев оценки эффективности именно PR-деятельности характеризуются поиском формально количественных критериев (число упоминаний в СМИ, количество публичных акций, масштабов, участников проектов и т. д.); доминирующими оказываются не

стратегические приоритеты, а конкретные ситуационные преимущества. Для рассмотрения эффективности PR-работы часто используются локализаторские механизмы, при которых деятельность PR-структур искусственно обособляется от деятельности предприятий или выделяется из соответствующих сфер деятельности как самодостаточная.

Научные исследования вопросов и проблем PR предлагают специалистам множество преимуществ по разработке эффективных кампаний – исследования теорий помогают в вопросах прогнозирования, дают возможность повторить успех. Вместе с тем возможность повторить успех является неотъемлемым признаком теории – теория дает возможность спрогнозировать и пояснить интересующее нас явление, что позволяет ее (теорию) воспроизводить на практике во множестве аналогичных ситуаций. PR-специалисты активно действуют в быстро развивающихся отраслях, заимствуют концепции у множества других дисциплин, что дает возможность развития теории, соответствующей практике.

Необходимо провести четкое разделение между измеряемыми промежуточными PR-результатами, которые обычно являются краткосрочными и поверхностными (например, количество используемых СМИ или эффективность распространения в обществе какого-то конкретного сообщения), и PR-последствиями (основными итогами), которые обычно оказывают сильное влияние и имеют далеко идущие последствия в будущем. Несмотря на особую важность этапа оценки содержания сообщений в СМИ, их частоту, охват и т. д. (т. е. медиаконтент), все же нужно рассматривать данный этап только как первый шаг в процессе оценки всей PR-деятельности. Данный шаг подразумевает измерение и оценку возможного воздействия PR-сообщений на аудиторию и фактического «покрытия» СМИ. Но как бы то ни было, этот шаг сам по себе не может достоверно показать, например, видела ли целевая аудитория предназначенные для нее сообщения и отреагировала ли на них каким-либо образом.

Оценить PR-эффективность можно лучше в том случае, если уже заблаговременно идентифицированы и приняты спектр основных организационных сообщений, которые организация хочет донести до целевой аудитории, сама целевая аудитория, ее характеристики, отличительные черты и непосредственно коммуникативные каналы при распространении сообщений.

Существует значительный разрыв между теоретическими подходами исследователей к оценке PR-деятельности и методами, используемыми большинством практикующих специали-

тов. Согласно данным исследования, проведенного Д. Дозиером¹², существует непосредственная связь между образованием практикующих специалистов и применяемыми ими технологиями исследований. Большинство из них редко использовали статистические технологии из области социологии, многие (по некоторым данным, до 43%) пришли в PR из журналистики, где проработали в среднем 3–4 года. Это объясняет их способ измерений эффективности PR с помощью освещения информации в СМИ. Исследование показало, что объективная научная оценка программы стала самым малоприменяемым методом анализа. Наиболее популярной технологией является метод принятия интуитивных решений, т. е. метод неформального наблюдения. Долгосрочные исследования Д. Дозиера совместно с Г. Брумом¹³ показали, что специалисты, успешно делающие карьеру в течение шести лет, были более предрасположены к использованию научного подхода, в то время как те, кому не удалось продвигаться по служебной лестнице, использовали другие методы. При подготовке кампаний лишь немногие PR-специалисты проводят исследование или предварительное тестирование. Чаще всего оценка не проводится по причине нехватки времени, ограниченности бюджета или отсутствия знаний в сфере методологии. Кроме того, многие специалисты опасаются проводить оценку, так как она может бросить вызов логике их консультаций и деятельности. Также некоторые специалисты отмечают значительное число переменных, с которыми сталкивается данная отрасль, так как (в сравнении с маркетингом) PR является менее точной дисциплиной. К тому же наличие опосредованности в коммуникации за счет использования СМИ усложняет процесс коммуникации, а следовательно, и процесс анализа результатов коммуникации.

Неоднозначно также трактуется вопрос эффективности коммуникационной деятельности. Что мы принимаем за успех? Соответствие результатов целям, высокий уровень упоминаемости или изменение финансовых показателей компании? Под эффективностью понимается соответствие результатов заданной цели кампании, решение поставленных задач, соответствие общей стратегии работы PR-подразделения и маркетинговой программы в целом¹⁴. Наиболее важно соответствие результатов проведенной PR-кампании целям организации в целом. Термин «окупаемость инвестиций» в PR редко используется корректно, в связи с чем исследователи предлагают использовать понятие PR, основанного на доказательствах, которые определяются как разница, полученная в результате PR-деятельности. Термин же

окупаемости инвестиций корректнее употреблять лишь в тех случаях, когда есть прямая зависимость соотношения прибыли или снижения затрат от определенной PR-деятельности.

Эффективна деятельность лишь той организации или компании, где грамотно взаимосвязаны все направления деятельности, что позволяет оптимизировать работу подразделений и осуществлять унифицированную бренд-коммуникацию с потребителем или потенциальным клиентом. Задача, которую ставит перед собой современный рынок, заключается в том, чтобы собирать данные о поведении потребителей, а не об отношениях. Эти данные могут преобразовываться в финансовые результаты, получаемые компанией в результате бренд-коммуникаций.

Подходы к оценке PR должны согласовываться с характером деятельности организации. Единого предпочтительного варианта, конечно, не существует, но имеются общепринятые методы, например периодические опросы, тестирование товаров или услуг. Ясно, что применение технологий исследований требует значительных доработок в отрасли в целом. Профессиональная оценка PR основана на эффективных исследовательских навыках, на понимании изменений восприятия общественности с течением времени.

Эффективные измерения так или иначе требуют соответствующих инвестиций со стороны организации. При этом профессиональная система оценки должна оставлять место и для непредвиденных или нестандартных PR-возможностей: слишком жесткая структура оценки может привести к утрате возможностей, если они не вписываются в критерии измерения. Для того чтобы получить реальную картину, необходимо измерение результатов комплексной деятельности, а не того, что легче всего поддается измерению, например PR-итогов (как, например, освещение в СМИ).

Существующие модели можно разделить на две основные категории – модели экономической эффективности и модели коммуникационные. Категории различаются по целям исследований (экономическая эффективность подразумевает изменение финансового положения компании в результате проведенных PR-акций), методам, использованным в моделях, и формам проведения исследований. Коммуникационные модели, как правило, стремятся оценить уровень воздействия на целевую аудиторию, применяя расплывчатые формулировки, и базируются в основном на субъективном восприятии оценивающего лица. В то же время более точные и экономически наглядные модели пока не пришли к определению того, в какой момент PR-деятельность

начинает отражаться не на восприятии потребителя, а на его поведении и, как следствие, – на изменении финансовых показателей. При этом в моделях не учитываются внешние факторы, оказывающие воздействие на изменение прибыли компании, а также на поведение покупателей. На мой взгляд, возможно заимствование опыта оценки эффективности рекламной работы и перенесение его на сферу PR-деятельности. Естественность такого заимствования порождена во многом спецификой состояния самой PR-деятельности в современной России. Тем не менее прямое заимствование вряд ли оказывается эффективным, учитывая достаточно серьезное различие между рекламной и PR-деятельностью. Определяющим фактором для выбора той или иной модели оценки должны быть цели проведенной кампании, которые продемонстрируют необходимые поля исследования.

Таким образом, инструменты и методы для измерения и оценки относительно краткосрочных продуктов на выходе и результатов определенных программ PR, событий и кампаний существовали много лет. Но вплоть до сегодняшнего дня надежного измерения успеха или неудачи долгосрочных взаимоотношений не было, что частично обусловлено самой сферой связей с общественностью. В большинстве других сфер деятельности уже определены способы оценки их эффективности, в разных сферах деятельности используются различные методики, инструменты и приемы, например различные инженерные технические приборы, результаты химических реакций, прецедентное право, графики, схемы, диаграммы и т. д. Нельзя сказать, что подобных попыток не было в сфере PR, но они всегда предпринимались разрозненно в разных направлениях и разными способами без установления единых принципов и критериев, каждый пытался использовать свой «мерный шест», вводя свою шкалу измерения.

Корни этих противоречий лежат в слабой структуризации связей с общественностью и коммуникатологии и, как следствие, в отсутствии объективных и непреложных постулатов. К любой из существующих моделей можно подобрать значительное число исключений или указать целые области, в которых они бессмысленны. Это лишь означает, что PR как обособленная дисциплина находится в процессе становления и для создания базовых концепций необходимо время.

В целом проведенный анализ продемонстрировал, что отдельные элементы существующих подходов могут быть использованы для создания унифицированной модели, которую можно было бы применить к различным организациям. При сочетании

А.В. Левадная

идей ряда подходов, на наш взгляд, возможно создание оптимальной модели для оценки долгосрочных PR-кампаний в политической сфере. Безусловно, нет универсального измерения, подходящего для всех обстоятельств, так как оно зависит от актуальных проблем, задействованных организаций и аудиторий. Каждая кампания является уникальной, имеет индивидуальные цели. А оценить надежность уникального по своей природе мероприятия или процесса сложно. Тем не менее для увеличения эффективности проводимой в политической сфере PR-деятельности необходимо в первую очередь понимание со стороны организаторов важности соответствующих исследований для более успешной работы в будущем.

Примечания

- 1 См.: Слияния и поглощения: Пресс-релиз от 21.01.2007. <http://www.ma-journal.ru/press/154/>
- 2 См.: *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. С. 211.
- 3 Доклад С. Бычкова «Модели оценки PR-активности SPN Ogilvy Public Relations». «Круглый стол» Ассоциации менеджеров России.
- 4 См.: *Буари Ф.А.* Паблик рилейшнз, или Стратегия доверия: Пер. с фр. М.: ИНФРА-М, 2001.
- 5 См.: *Кутлалиев А., Попов А.* Эффективность рекламы. М.: Эксмо, 2005.
- 6 См.: *Блек С.* Паблик рилейшнз: Что это такое? М.: Новости, 1990.
- 7 См.: *Уотсон Т., Нобл П.* Методы оценки деятельности PR-подразделения компании: Пер. с англ. Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс, 2006.
- 8 См.: *Broom G., Dozier D.* Using research in public relations. NY: Pearson education POD, 1996.
- 9 См.: *Буари Ф.А.* Указ. соч. С. 154.
- 10 См.: *Шульц Д., Барнс Б.* Стратегические бренд-коммуникационные кампании. М.: ИД Гребенникова, 2003.
- 11 См.: *Ляйманн Р., Байкальцева Е.* Измерения медиарилейшнз: как оценивать вклад PR в успех компании: Пер. с англ. М.: Вершина, 2006.
- 12 См.: *Dozier D.* Planning and evaluation in public relation practice. Montreal: Public relation review. 1985. № 11.
- 13 См.: *Broom G., Dozier D.* Op. cit.
- 14 См.: *Уотсон Т., Нобл П.* Указ. соч. С. 137.

М.В. Харкевич

ВНЕСИСТЕМНОСТЬ «ГОСУДАРСТВ-ИЗГОЕВ»: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ РИТОРИКА?

В современной мировой политике возвращается тенденция к жесткому разделению на «мы» и «они», которая была в определенной степени прервана в первые годы после окончания «холодной войны». К. Шмитт полагал, что политика возникает именно на основании такого деления, поэтому «конец истории», если бы он наступил, мог стать и концом мировой политики¹. Логика различий делает ситуацию политической, а логика тождеств – деполитизированной. Одним из ярких проявлений «возрожденной» мировой политики стало появление в середине 1990-х годов в международном политическом дискурсе понятия «государства-изгой». М. Олбрайт, будучи госсекретарем, определила их как «страны, которые не просто не являются частью международной системы, но сама природа которых требует от них находиться вне этой системы и буквально стремиться ее уничтожить, забрасывая гранатами»².

Вопрос о внесистемности государств, обозначаемых термином «изгой», остается дискуссионным как во внешнеполитических кругах стран, входящих в международное сообщество (даже Государственный департамент США отказался от данного термина в июне 2000 г., заменив его на более нейтральный термин «проблемные государства»³), так и в академическом мире. В теоретическом дискурсе вопрос о возможности существования внесистемных акторов, популяризируемый, главным образом, представителями реалистских подходов к теории международных отношений (ТМО)⁴, приобретает сегодня особую актуальность на фоне более широкой дискуссии о векторах и источниках трансформации Вестфальской системы мира. Значение внесистемных акторов в условиях трансформации системы неизбежно возрастает в связи с тем, что система в этот период наиболее чувствительна даже к малым воздействиям, способным определить вектор ее дальнейшего развития. Само существование внесистемных акто-

М.В. Харкевич

ров представляет угрозу для системы мира, тем более если эту роль играют государства, пусть и не самые сильные. Государство является системообразующим актором, поэтому подрыв системы изнутри со стороны любого государства представляется более существенным вызовом вестфальскому миропорядку, чем внешние угрозы со стороны различных негосударственных акторов, таких как транснациональный терроризм.

В данной статье автор ставит перед собой цель выяснить, являются ли «государства-изгой» внесистемными акторами мировой политики. Для этого необходимо определить, что такое внесистемное поведение в мировой политике, и демонстрируют ли его конкретные страны, относимые к категории изгоев. Следует отметить, что понятия «политическая система мира» и «система международных отношений» не синонимичны⁵. Говоря здесь о внесистемности, я подразумеваю внесистемное поведение акторов относительно политической системы мира (Вестфальской или поствестфальской), а не в отношении определенной разновидности этой системы, к примеру Ялтинско-Потсдамской.

В науке о мировой политике существуют, по крайней мере, два понимания политической системы мира: материалистически-механическое и социальное⁶. С материалистической точки зрения, свойственной реалистской парадигме, государства создают систему «в случае регулярного взаимодействия друг с другом и в той степени, в какой это взаимодействие определяет поведение каждого отдельного государства»⁷. Таким образом, достаточным условием для создания мировой системы является постоянное взаимодействие государств мира, которое влияет на поведение каждого из них. Странники социологического взгляда на мировую политику полагают, что в основе политической системы мира лежит не просто взаимодействие государств, но социальные институты, возникающие в результате такого взаимодействия. Вынесение на первое место социальных институтов при анализе системного взаимодействия государств позволило представителям английской школы говорить о системе государств как о международном обществе. «Международное общество, согласно Х. Буллу и А. Уотсону, – это группа государств, которые не только формируют систему, в том смысле, что поведение каждого государства является необходимым фактором в определении политики остальных государств, но и образуют посредством диалога и консенсуса общие правила и институты для регулирования своих взаимных отношений, а также видят общий интерес в поддержании этих договоренностей»⁸.

Очевидно, что не все институты международного общества имеют равное значение. Одни из них образуют фундамент системы, другие играют роль «надстройки», будучи производными от первых. Б. Бузан предложил в этой связи различать первичные и вторичные институты. С его точки зрения, первичные институты складываются естественным путем в результате взаимодействия государств (государства сознательно не конструируют эти институты), тогда как вторичные являются продуктом межгосударственных договоренностей и существуют преимущественно в форме международных режимов⁹.

Рассмотрев различные варианты понимания мировой политической системы, можно сделать определенные выводы относительно того, что такое внесистемность. На наш взгляд, внесистемность – это поведение, подрывающее исключительно первичные институты международного общества. Нарушение вторичных институтов не влечет за собой исчезновение самого общества, тогда как ревизия фундаментальных основ мировой системы неизбежно вызовет ее качественное изменение вплоть до полного исчезновения. Внесистемность с материально-механической точки зрения физически трудно осуществима, так как даже самые закрытые автаркии не способны разорвать все связи с окружающим их миром. Важно отметить еще и следующее. Из приведенного выше определения внесистемности следует, что если государство своим поведением поддерживает первичные институты международного общества, но нарушает его отдельные вторичные институты, оно все равно является системным актором.

Теперь следует выяснить, подрывают ли «государства-изгои» своим поведением первичные институты существующей системы мира, которая хотя и находится в стадии трансформации, однако по-прежнему признается многими вестфальской. Опираясь на исследовательскую работу К. Навари¹⁰, проведенную историко-социологический анализ развития Вестфальской модели в зависимости от трансформации государства, выделим три основных института данной модели мира: 1) суверенитет, понимаемый как норма позитивного права; 2) территориальность как управление определенной территорией, а не людьми; 3) «raison d'état». Остальные институты являются, по ее мнению, «видовыми» вариантами и уточнениями данных трех «родовых» институтов Вестфальской модели мира. Поясним понятие «raison d'état». «Raison d'état, по словам Г. Киссинджера, означает идею, согласно которой благосостояние государства оправдывает любые средства, необходимые для его достижения; национальные

М.В. Харкевич

интересы вытеснили средневековое понятие об универсальной морали»¹¹.

Таким образом, вопрос о внесистемности «государств-изгоев» сводится к тому, поддерживают ли они своим поведением такие институты, как суверенитет, территориальность и примат национальных интересов. Рассмотрим этот вопрос на примере Ирана и Северной Кореи. К числу «государств-изгоев», согласно американской «Национальной стратегии по противодействию терроризму», принадлежат Иран, Судан, Северная Корея и Куба¹². Однако «Стратегия национальной безопасности» сужает этот список до Ирана и Северной Кореи¹³. В данном случае мы избегаем дискуссии относительно справедливости причисления этих государств к категории изгоев и руководствуемся мнением Р. Литвака, который заявил, что «государство-изгой – это государство, которое Соединенные Штаты назвали таковым»¹⁴. Следует также отметить, что в данной статье «несостоявшиеся государства» (failed states) не рассматриваются как «государства-изгой».

Очевидно, что Иран и Северная Корея являются национальными территориальными государствами, выполняя, таким образом, принципы первого из трех первичных институтов Вестфалия. Из четырех видов национального суверенитета, выделенных С. Краснером¹⁵, – суверенитета взаимозависимости, внутреннего, вестфальского и международно-правового – оба государства в разной степени обладают всеми этими видами. Признаками обладания Ираном и Северной Кореей международно-правовым суверенитетом являются их признание всеми государствами, участие в международных организациях, а главное – представительство в Генеральной Ассамблее ООН. Вестфальский суверенитет, по Краснеру, означает легитимное право правительства самостоятельно принимать решения по управлению государством. При этом внешнее давление на процесс принятия решений может быть чрезвычайно высоким, что не отменяет свободу выбора для правительства, но лишь сужает возможный коридор решений. С этой точки зрения противоположностью вестфальского суверенитета является колониальная форма правления. «Сказать, что государства являются суверенными, – писал К. Уолтц, – это не значит предположить, что они могут делать то, что захотят, что они не подвержены влиянию со стороны других государств, что они могут добиться того, чего пожелают... Сказать, что государство является суверенным, означает, что оно само решает, как ему справляться со своими внутренними и внешними проблемами, включая решение вопроса о том, прибе-

гать или не прибегать к чьей-либо помощи, ограничивая таким образом свою свободу взятыми на себя обязательствами по отношению к тем, кто оказывает эту помощь»¹⁶. Ни Иран, ни КНДР не являются колониями и в этом смысле обладают вестфальским суверенитетом.

Внутренний суверенитет так же присущ Ирану и Северной Корее, как и другим современным функциональным государствам. Его содержанием является верховенство издаваемых органами государственной власти законов и распоряжений, а также право и способность этих органов применять легитимное насилие внутри государственных границ.

Суверенитетом взаимозависимости, понимаемом как способность органов государственной власти контролировать все потоки товаров, людей и информации, пересекающие государственные границы, полностью не обладает, по мнению С. Краснера, ни одно государство. Тем не менее власти Северной Кореи демонстрируют эффективность в контроле информации информационных потоков, пересекающих границы КНДР. В частности, Пхеньян только в 2004 г. направил официальный запрос в корпорацию ICANN по выделению в сети Интернет доменного имени для КНДР (.kr; Korea, Democratic People's Republic). Корпорация отклонила этот запрос, ссылаясь на недостаток технических и управленческих возможностей КНДР¹⁷. Тем не менее 11 сентября 2007 г. ICANN опубликовала распоряжение о присвоении, по рекомендательному заключению доклада IANA, Северной Корее доменного имени «.kr»¹⁸. Таким образом, до 2007 г. КНДР обладала непроницаемой границей для информационных потоков всемирной сети. Национальная граница, которая преграждает не только трансграничные потоки людей и товаров, но и информацию, является свидетельством скорее наличия, нежели отсутствия суверенитета взаимозависимости.

Тегеран, несмотря на стремительно расширяющееся число интернет-пользователей среди иранцев, также старается максимально контролировать потоки информации, пересекающие его национальные границы. Согласно данным анализа интернет-цензуры в Иране, проведенного международной некоммерческой исследовательской организацией «The Open Net Initiative», эта страна наряду с Китаем занимает лидирующие позиции в мире по применению наиболее совершенных методов цензурирования своего сегмента интернет-пространства. При этом количество интернет-пользователей в Иране, согласно данному исследованию, выросло с 1 млн в 2001 г. до 5 млн в 2005 г. (в 2009 г. ожидается 25 млн пользователей)¹⁹. Успехи цензуры не означа-

ют неуязвимость Ирана с точки зрения суверенитета взаимозависимости. Тем не менее уровень данного вида суверенитета у государств, стремящихся к самоизоляции, неизбежно будет выше, чем у государств, которые активно участвуют в процессах экономической глобализации.

В отличие от Пхеньяна Тегеран стремится усилить свою интеграцию в глобальную экономику. Несмотря на прочные позиции четвертой страны по запасам и объемам добываемой в мире нефти, Иран испытывает проблемы с привлечением иностранных инвестиций²⁰. Преградой для иностранных финансовых вливаний в нефтедобывающий и нефтеперерабатывающий секторы иранской экономики являются односторонние американские санкции, которые, в частности, запрещают американским компаниям и иностранным компаниям, имеющим активы на территории США, осуществлять инвестиции в иранскую экономику²¹. Резкое ужесточение американских санкций против Тегерана 25 октября 2007 г.²² не только преградило путь любому иностранному капиталу, стремящемуся в Иран, но даже лишило Всемирный банк возможности финансировать различные гуманитарные программы в этой стране (устранение последствий землетрясений, развитие канализационной системы и т. п.)²³. Тем не менее Иран начиная с 2002 г. стремится привлекать иностранные инвестиции в свою экономику путем создания для этого благоприятных правовых условий²⁴.

В отношении международно-правового, внутреннего и вестфальского видов суверенитета Иран не отличается от классических вестфальских государств. Правительство в Тегеране имеет свое представительство в Генеральной Ассамблее ООН, правомочно вводит в стране чрезвычайное положение и не находится в колониальной зависимости от любого другого правительства. Следовательно, как и КНДР, Иран поддерживает своим поведением принципы второго вестфальского института системы мира – национального суверенитета.

Рассмотрим теперь роль «*raison d'état*» во внешней политике Ирана и Северной Кореи. Трудно спорить с тем, что идея, согласно которой цель оправдывает любые средства, как нельзя лучше описывает внешнеполитическое поведение «государств-изгоев». Основные упреки США в адрес этих стран сводятся к тому, что «государства-изгой» стремятся получить оружие массового уничтожения и средства его доставки, нарушая тем самым международный режим нераспространения, а также поддерживают международные террористические организации. В частности, в американской Стратегии по борьбе с терроризмом от 2006 г.

Иран рассматривается как самый активный спонсор терроризма²⁵. Не отвергая эти упреки, представители академического сообщества в целом сходятся во мнении о том, что причиной такого поведения указанных государств является их стремление обеспечить свою национальную безопасность, устойчивость своих правящих режимов (в том числе и за счет использования образа внешнего врага для внутренней мобилизации и подавления внутренней оппозиции) и усилить свой потенциал²⁶. Более того, исследователи указывают на определенную готовность «государств-изгоев» к сотрудничеству не только с международным сообществом, но и с США. С. Босворз, бывший посол США в Республике Корея, полагает, что для КНДР ядерная программа никогда не была конечной целью. Она была лишь инструментом, с помощью которого Пхеньян хотел продемонстрировать, что готов со временем нормализовать отношения с Вашингтоном. «Я тогда считал и сейчас продолжаю думать, – утверждает С. Босворз, – что северокорейский режим рассматривал этот путь как более надежную гарантию своего выживания, чем ядерное оружие. Я полагаю, что главной проблемой как в этой, так и в предыдущей администрации было наше традиционное нежелание признать Северную Корею законным участником мировой системы...»²⁷

Определенным подтверждением этого суждения является резкая активизация дипломатической деятельности Пхеньяна в сентябре–октябре 2007 г. после достижения прогресса в ходе четвертого раунда шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной программе. Переговоры касались реализации соглашений, достигнутых между шестью сторонами в сентябре 2005 г. Данные соглашения предусматривали, в частности, что «КНДР и США обязуются уважать суверенитет друг друга, мирно сосуществовать и предпринимать шаги по нормализации взаимных отношений в рамках существующих двусторонних обязательств»²⁸. В новом документе от 3 октября 2007 г. США уже не просто обязуются уважать суверенитет КНДР, но «начать процесс по отказу от определения КНДР как государства, спонсирующего терроризм, а также продолжить двигаться в направлении неприменения акта “О торговле с врагом” в отношении КНДР...»²⁹. Данные гарантии позволили Пхеньяну изменить свое поведение. В сентябре 2007 г. КНДР установила дипломатические отношения сразу с четырьмя государствами (ОАЭ, Швейцария, Доминиканская республика и Гватемала). Высокопоставленные представители северокорейских властей совершили дипломатические турне по России, Юго-Восточной Азии,

Африке и Ближнему Востоку. Такой «взрыв» дипломатической активности эксперты связывают с желанием северокорейских властей продемонстрировать международному сообществу, а главное США (которые рассматривают возможность снятия с Пхеньяна ярлыка «государство-изгой»), что КНДР может вести себя как «нормальное» государство. По мнению Ким Ян Хуна, эксперта по Северной Корее из сеульского Университета Донггук, прогресс в ядерном вопросе позволил Пхеньяну освободиться от страха, что Соединенные Штаты собираются свергнуть правящий в нем режим, и сосредоточиться на продвижении дипломатических отношений с другими государствами. Основное послание северокорейского режима Вашингтону, по мнению Ким Ян Хуна, состоит в следующем: «Это из-за вас мы так себя изолировали, но если вы будете такими же дружественными, как сейчас, мы тоже можем вести себя как все остальные нормальные страны»³⁰.

В отношении Ирана большинство исследователей сходятся во мнении, что внешнеполитическое поведение Тегерана определяется, по существу, легитимными целями: стремлением обеспечить национальный суверенитет, усилить свое влияние и престиж, обеспечить экономическое процветание. Оценивая мотивы иранской внешней политики, М. Сариолгалам, профессор по международным отношениям из Национального университета Ирана, выразил мнение, что ядерная программа не является главной проблемой, определяющей умонастроение иранской элиты. Иранские власти опасаются, что конечная цель Вашингтона – смена режима в Тегеране. «Иран использует ядерную проблему для обеспечения своего выживания, дальнейшего существования, существования своей революционной, идеологической и национальной целостности»³¹. П. Клосон имеет несколько отличное мнение по этому поводу. Ссылаясь на официальные заявления представителей иранских правящих кругов, он утверждает, что основными мотивами развития ядерной программы Ирана являются престиж и влияние, а не выживание³². Обеспечение безопасности, по его мнению, играет в данном случае, в отличие от ядерных программ Израиля и Пакистана, второстепенную роль³³. Эта точка зрения находит свое подтверждение в многочисленных заявлениях иранских властей относительно ядерной программы. В частности, заместитель главы Высшего совета национальной безопасности Ирана Али Хоссейни-Таша отметил, что ядерная программа «дает нам шанс предпринять попытку занять стратегическую позицию и консолидировать национальное самосознание»³⁴. Таким образом, на примере Северной Кореи и

Ирана становится ясно, что «государства-изгой» используют нелегитимные средства для достижения легитимных целей, что полностью соответствует концепции «raison d'état».

Вывод очевиден. Внешнеполитическое поведение Ирана и Северной Кореи воспроизводит такие фундаментальные институты Вестфальской системы мира, как территориальность, национальный суверенитет и «raison d'état». Следовательно, они являются системными акторами по отношению к Вестфальской модели мира. При этом данные государства активно нарушают в своей практике различные вторичные институты, такие как режим ядерного нераспространения или права человека. Однако, как уже говорилось выше, теоретически это не является основанием для исключения их из политической системы мира.

Тем не менее следует признать факт внесистемности «государств-изгоев» как феномен международной риторики. Существуют ли у данного феномена реальные основания или это исключительно intersубъективный конструкт – вопрос открытый. Неслучайно на этот термин обратил внимание Ж. Деррида³⁵, внесший в современную философию понятие «симулякр», которое означает символ, не имеющий реального референта. Являются ли «государства-изгой» симулякрами? По крайней мере с определенной уверенностью можно сказать, что «государства-изгой» если и ведут себя как внесистемные акторы мировой политики, то только с точки зрения поствестфальской системы мира, существование которой – весьма спорный факт.

Примечания

- 1 См.: *Ojakangas M.* A Terrifying World without an Exterior: Carl Schmitt and the Metaphysics of International (Dis)Order: Paper for the Fifth Pan-European International Relations Conference on Constructing World Orders. The Hague, 9–11 September 2004 // <http://www.sgir.org/conference2004/papers/Ojakangas%20-%20A%20terrifying%20world%20without%20an%20exterior.pdf>
- 2 *Albright M.K.* Remarks at Tennessee State University. February 19, 1998 // <http://secretary.state.gov/www/statements/1998/980219b.html>
- 3 См.: *Boucher R.* Daily Press Briefing. U.S. Department of State. June 19, 2000 // <http://www.fas.org/news/usa/2000/000619db-rogue.htm>
- 4 См.: *Rubin B.* U.S. Foreign Policy and Rogue States // Middle East Review of International Affairs. September 1999. Vol. 3. № 3 // <http://meria.idc.ac.il/journal/1999/issue3/jv3n3a7.html>

М.В. Харкевич

- 5 См.: *Лебедева М.М.* Мировая политика: Учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 9–26.
- 6 См.: *Вендт А.* Четыре социологии // *Международные отношения: социологические подходы* / П.А. Цыганков. М.: Гардарика, 1998. С. 58–91.
- 7 *Tilly C.* Coercion, Capital and European states, AD 990–1990. Oxford: Blackwell, 1990. P. 162.
- 8 *Bull H., Watson A.* The Expansion of International Society. Oxford Univ. Press, 1984. P. 425–435.
- 9 См.: *Buzan B.* The Primary Institutions of International Society. Paper for BISA Conference. London, December 2002 // <http://www.leeds.ac.uk/polis/englishschool/buzan02b.doc> (6, 20); *Hurrell A.* International Society and the Study of International Regimes // *Regime Theory in International Relations* / Rittberger V. (ed.). Oxford: Clarendon, 1993. P. 49–72.
- 10 См.: *Navari C.* States and State Systems: Democratic, Westphalian or both? // *Review of International Studies*. 2007. № 33. P. 577–595.
- 11 *Kissinger H.* Diplomacy. NY.: Simon & Schuster, 1994. P. 58.
- 12 См.: National Strategy for Combating Terrorism. September 2006 // <http://www.whitehouse.gov/nsc/nsct/2006/nsct2006.pdf>
- 13 См.: National Security Strategy of the United States of America. March 2006 // <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss/2006/nss2006.pdf>
- 14 *Litwak R.S.* Rogue States and US Foreign Policy: Containment after the Cold War. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 2000.
- 15 См.: *Krasner S.* Rethinking the Sovereign State Model // *Review of International Studies*. 2001. № 27. P. 17–42.
- 16 *Waltz K.N.* Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. P. 95–96.
- 17 См.: *Han J.* NK's Country Domain ".KP" Gets Nod // *Korea Times*. 10.02.2007 // http://www.koreatimes.co.kr/www/news/biz/biz_view.asp?newsIdx=11146&categoryCode=123
- 18 См.: IANA Report on Delegation of the .KP Top-Level Domain. 11.09.2007 // <http://www.iana.org/reports/kp-report-11sep2007.html>
- 19 См.: The OpenNet Initiative: Internet Filtering in Iran in 2004–2005: A Country Study // <http://www.opennetinitiative.net/studies/iran/>
- 20 См.: Integration with the Global Economy // *World Development Indicators 2007* / World Bank. P. 316–319 // http://siteresources.worldbank.org/DATASTATISTICS/Resources/table6_1.pdf
- 21 См.: An Overview of O.F.A.C. Regulations involving Sanctions against Iran / Office of Foreign Assets Control, U.S. Department of the Treasury. 09.08.2006 // <http://treas.gov/offices/enforcement/ofac/programs/iran/iran.pdf>

- 22 См.: *Cooper H.* U.S. Levels Sanctions against Iran // International Herald Tribune. October 25, 2007 // <http://www.iht.com/articles/2007/10/25/news/iran.php>
- 23 См.: *Weisman S.* World Bank Suspends Payments to Iran // International Herald Tribune. November 4, 2007 // <http://www.iht.com/articles/2007/11/04/africa/sanctions.php>
- 24 См.: *Вартамян А.М.* Иностранные инвестиции в Исламской республике Иран: законодательное регулирование и практика // Ближний Восток и современность: Сб. статей. М., 2005. Вып. 25. С. 112–125.
- 25 См.: National Strategy for Combating Terrorism. September 2006 // <http://www.whitehouse.gov/nsc/nsct/2006/nsct2006.pdf>
- 26 См.: *Такей Р.* Время для разрядки в отношениях с Ираном // Россия в глобальной политике. Март–апрель 2007. Т. 5. № 2. С. 100–117.
- 27 См.: *Bosworth S.* North Korea's Nuclear Brinksmanship (Rush Transcript) / New York Council on Foreign Relations. NY, January 19, 2006 // http://www.cfr.org/publication/9613/north_koreas_nuclear_brinksmanship_rush_transcript_federal_news_service_inc.html
- 28 См.: Joint Statement of the Fourth Round of the Six-Party Talks Beijing. September 19, 2005 // <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2005/53490.htm>
- 29 См.: Six-Party Talks – Second-Phase Actions for the Implementation of the September 2005 Joint Statement. October 3, 2007 // <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2007/oct/93217.htm>
- 30 См.: The Associated Press: Aided by Nuclear Progress, North Korea makes rare Spate of Diplomatic Forays // International Herald Tribune. November 1, 2007 // <http://www.iht.com/articles/2007/11/01/asia/north.php>
- 31 *Sariolghalam M.* Iran's Nuclear Program Symposium: Iran's Motives and Strategy (Rush Transcript) / New York Council on Foreign Relations. NY, April 5, 2006 // <http://www.cfr.org/publication/10389/>
- 32 См.: *Clawson P.* Iran's Nuclear Program Symposium: Iran's Motives and Strategy (Rush Transcript) / New York Council on Foreign Relations. NY, April 5, 2006 // <http://www.cfr.org/publication/10389/>
- 33 См.: *Clawson P.* Iran's Motives and Strategies: The Role of the Economy / Senate Committee on Foreign Relations. May 17, 2006 // <http://washingtoninstitute.org/print.php?template=C07&CID=292>
- 34 Цит. по: *Такей Р.* Время для разрядки в отношениях с Ираном // Россия в глобальной политике. Март–апрель 2007. Т. 5. № 2. С. 100–117.
- 35 См.: *Деррида Ж.* Существуют ли государства-мошенники? Довод того, кто сильнее // Логос. 2003. № 1 (36). С. 24–28.

В. Ляруш

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПАЦИЕНТЫ В США: МОДЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ

«Советская диаспора» эпохи перестройки в США включала в себя в основном представителей еврейского населения бывшего СССР. Воспользовавшись принятием в США в 1986 г. закона, предоставившего евреям бывших республик СССР политическое убежище, разочарованные евреи начали активно уезжать в США. Этнические русские и другие меньшинства тоже имели право претендовать на статус беженца, но их численность в среде иммиграционного населения в США была значительно меньшей.

По данным Бюро переписи США, в 2003 г. в стране проживало 850 055 русскоговорящих иммигрантов. Однако по данным различных сайтов Интернета, численность русскоговорящего населения, постоянно проживавшего в США, составляла приблизительно 3–5 млн человек. Шестидесят процентов иммигрантов жили в шести штатах: 1) Калифорния (16%); 2) Иллинойс (16%); 3) Пенсильвания (10%); 4) Массачусетс (8%); 5) Флорида (7%); 6) Большой Вашингтон (3%). Выходцы из бывшего СССР в США занимали второе место после выходцев из Мексики.

Приехав в США беженцем, пожилой иммигрант был обеспечен «шведским столом» основных льгот: бесплатной медицинской страховкой по программе для стариков «Медикэр»; жильем, плата за которое субсидировалась государством; доходом по программам бедности; услугами медсестры и помощницы по хозяйству.

Русскоговорящие иммигранты часто имели запущенные заболевания. По результатам исследования, в 2003 г.¹ в России наблюдался самый высокий в мире процент сердечно-сосудистых заболеваний. Выходцы из России страдали диабетом, хроническими болезнями легких и печени.

Положение иммигрантов в области обеспечения медицинской помощью значительно отличается от положения коренных

американцев. Незнание иммигрантами английского языка повышает риск медицинских ошибок в результате неправильного перевода. Иммигранты с трудом адаптируются к бюрократическим правилам американской медицины, они (часто бессознательно) не хотят решать вопросы по-новому.

По данным Памелы Баж, доктора наук и профессора на факультете обучения сестринскому делу Государственного университета Сан-Франциско (Калифорния), русскоговорящие больные составляют большинство из больных иммигрантов в поликлинике USFC-FC. Однако из 350 медсестер персонала поликлиники только 10% – выходцы из бывшего СССР; менее чем 110 медсестер из 6000, работающих в больницах Сан-Франциско, оказываются также иммигрантами из бывших союзных республик².

Существуют три барьера, препятствующие работе русскоговорящей медсестры в США. Во-первых, русская медсестра не знакома с американскими методами безопасности и современной медицинской технологией. Во-вторых, есть ограничения, связанные с иными культурными ожиданиями и слабым знанием языка. В-третьих, нежелание руководства больниц принять на работу лицензированную медсестру из бывшего СССР.

Есть и еще один значимый фактор. В СССР в отличие от западных стран не было высшего образования для медсестер. Роль медсестры ограничивалась тем, что она делала уколы, меняла повязки и выполняла простые процедуры. Деятельность медсестры как самостоятельного специалиста и компетентного помощника врача была существенно ограничена.

Американская медицинская ассоциация подчеркивает не только возможные преимущества пациента, но и *права* человека и общества в решении медицинских вопросов³. Американские стандарты касаются вопросов юридических последствий нарушения хранения врачебной тайны, стремления медицины улучшить общество.

До революции в России, как и в США, медицинское лечение для народных масс базировалось преимущественно на народных средствах. В большинстве случаев крестьяне и члены их семей знали рецепты народной медицины и лечились в основном травами и другими средствами, многие из которых кажутся современному человеку абсурдными. Если современная медицина является результатом научных исследований, то народная медицина исходила из традиционных крестьянских норм и обрядов.

Главной задачей для В.И. Ленина после Гражданской войны была ликвидация инфекционных болезней, свирепствовавших в России. В 2008 г. нам сложно понять, что эпидемии тифа и холе-

В. Ляруш

ры лишали жизни миллионы людей. Эти болезни становились врагом номер один на пути большевиков к коммунизму. В первые годы существования СССР «...бесплатное здравоохранение и различные льготы сделали сеть больниц и амбулаторий (ныне – поликлиники) доступными широким народным массам. Именно в те годы для десятков миллионов людей обращение к врачу, фельдшеру или в государственное медицинское учреждение стало обычной формой поведения в случае болезни. С другой стороны, централизация управления здравоохранением, возведенная в абсолютный принцип, вместе с уже вступавшим тогда в силу остаточным финансированием здравоохранения, закладывали элементы несбалансированного развития системы здравоохранения»⁴.

Советская власть обеспечивала всех граждан бесплатным доступным лечением. Финансирование больниц государством базировалось на количестве госпитализаций, а не на их необходимости, и нередко больной лежал в больнице неделями, ожидая рентгеновских снимков или лечения от повышенного кровяного давления.

На заре советской эпохи научные представления о медицине сосуществовали с народными средствами лечения. Доктор Граббе рассказывает историю студентки из СССР, заболевшей гепатитом в 1982 г.⁵ Стандартный советский набор был соблюден: квартира пациентки подверглась санитарной обработке, одежда и постельные принадлежности были дезинфицированы. Потом пришли члены семьи с морковным соком, медом и творогом – чтобы очистить больной желчные протоки. В больнице больной рекомендовали нежирную, умеренную диету и препарат «Лив-52», модное, но дорогостоящее средство из ферментов, тогда применявшееся для лечения гепатита.

Сегодня мы знаем, что гепатит не связан ни с грязной одеждой, ни с условиями жизни. Мы знаем, что, кроме здорового питания, не рекомендуется специальная диета для тех, кто страдает гепатитом. Мы знаем, что гепатит передается через кровь, воду или фекалии.

Чтобы лучше понять, как медицина влияла на бытовую жизнь советского народа, я цитирую нашего семидесятипятилетнего пациента, имеющего многолетний опыт лечения в СССР: «В СССР медицинское лечение было бесплатным. Посещение врача в поликлинике или пребывание в больнице не требовало никакой оплаты, кроме покупки лекарств в аптеке. Но лечение больных для большинства населения было отвратительным.

В СССР в каждом областном центре были три типа больниц: обкомовская, областная и городская. В первой лечились исключительно партийные работники (номенклатура) областного уровня и члены их семей. В эту категорию входили также руководящие работники городских и районных комитетов партии. Здесь работали лучшие врачи, имелось хорошее медицинское оборудование, больные лежали в чистых палатах на два человека. В каждой палате стоял телевизор, хотя можно было смотреть всего два канала: союзный и местный. Больше каналов в СССР не было. В коридорах лежали толстые ковровые дорожки, в каждой палате имелась туалетная комната с душем. Больных лечили дорогостоящими лекарствами, чаще всего иностранными. Кормили три раза в день. Еда была более-менее сносная. Но попасть туда простому смертному было невозможно. Разве только по звонку из областного комитета партии.

Областная больница в г. Воронеже состояла из нескольких 10–12-этажных корпусов. Ее основным назначением было обслуживание населения области, особенно пациентов из сельской местности, которые направлялись туда районными больницами для установления более точного диагноза болезни. Больница была связана с медицинским институтом, и многие преподаватели работали в ней по совместительству лечащими врачами. По американским меркам оснащение больницы медицинским оборудованием было слабым, но лучше, чем в районных больницах. Больные лежали в палатах на 5–6 человек с одним туалетом. На каждом этаже имелась ванная комната с 2–3 душевыми, которая работала попеременно: один день для женщин, другой – для мужчин. При помещении больного в больницу первые два дня уходили на сбор анализов крови, мочи и т. д., рентгеновские снимки. Потом начиналось лечение таблетками, уколами, изредка – капельницами. Например, больной холециститом (болезнь желчного пузыря) содержался в больнице 21 день. Такая была обстановка. На время болезни выдавался больничный лист, который потом предъявлялся по месту работы. И хотя таблетки можно купить в аптеке и лечиться дома или принимать их, не прерывая работы, уходить из больницы раньше установленного срока не разрешалось. Иначе не выдавали больничный лист, а значит, твое лечение не оплачивалось на работе.

Врачи как могли лечили больных, но условия пребывания в больнице были плохими. Питание было скудное. На завтрак в основном предлагался кусочек хлеба и 10 г масла, чай; в обед – тарелка супа и каша с кусочком мяса, ужин – булочка и стакан кефира. Неудивительно, что все ждали передач из дома. Для хра-

В. Ляруш

нения продуктов в коридоре стоял холодильник, куда больные складывали полиэтиленовые мешочки с продуктами и фамилиями на бумажках.

Хуже всего было сельским жителям, к которым не всегда могли приехать родственники. Ведь в СССР очень немногие имели частные машины (в основном владельцами машин были те же партработники и крупные чиновники).

В обычные дни больным разрешалось гулять во дворе. Тогда встречаться с посетителями было легко. Но когда в больнице объявлялся карантин, запрещался прием посетителей. Посетителей допускали только по субботам и воскресеньям и то на несколько часов. Потом двери запирались, и больные жили как в тюрьме. Им не разрешалось носить домашнюю одежду, и они ходили в старой застиранной больничной одежде: в куртках, шароварах, халатах. Постельное белье было старым, штопаное-перештопаное, а меняли его один раз в 10 дней.

Но и здесь были привилегированные палаты в отдельных подъездах, где в дверях стояла охрана. Оттуда выходили люди в стеганых красивых халатах и хвастались, как их сытно кормят, на обед дают апельсины. При этом их мало беспокоило то, что думали другие больные. И все равно простые люди, заболев, мечтали попасть в областную больницу, потому что в городских и районных сельских больницах положение было гораздо хуже».

В этом описании отражены преимущества и недостатки советской системы для простого человека. С одной стороны, больного не волновала необходимость оплаты медицинских услуг, так как медицина была бесплатной. Ему не нужно было влезать в бумажную волокиту страховых компаний, что характерно для американской медицины. Однако он дорого платил за это: не было свободы выбора – где лечиться, как лечиться или отказаться от лечения.

Если в США на моральные вопросы эпохи отвечали политические деятели, то в России эту роль играли великие писатели. Хотя и в России и в США были исключения (Петр Великий, Екатерина Великая в России, Д. Стейнбек, Г. Бичер-Стоу в США). Любой американский школьник мог сказать, кто написал Декларацию независимости и какие ценности американского менталитета она отражает. Однако тот же американский школьник с трудом мог рассказать, о чем писали М. Твен или Э. Хемингуэй. Соответствующим образом, любой русский школьник хорошо понимал суть произведений Пушкина или Толстого, но не мог применить политическую философию для спасения своей жизни.

Кто лучше, чем А.П. Чехов, мог так точно связать элементы медицины, культуры и русской психологии в своих произведениях? В гениальном рассказе «Палата № 6» он великолепно иллюстрирует, как все эти компоненты взаимосвязаны. Главный герой (и в то же время – антигерой) рассказа – Андрей Ефимыч Рагин, главный врач в дряхлой больнице в анонимном уездном городе царской России. Его вторым «я» является некий Иван Дмитриевич Громов, молодой интеллигент, циник и обитатель палаты № 6, заболевший манией преследования. Рагин дорожит больше всего достижениями человеческого ума, содержащими ответы на все личные и социальные вопросы; даже медицина для него стала подлогом и шарлатанством. После того как герой находит все меньше и меньше утешения в книгах и уединении, спасителем для него становится Громов. В результате их философствований мы осознаем, что разница в их позициях заключается в одном: Громов апеллирует к реальной жизни, а мировоззрение Рагина сформировано только на основе прочитанных им книг.

Но для нас самое главное – это *роль врача, роль, которая заключается не только в чисто утилитарной функции*. Таким образом, больница тоже играет символическую роль. Больные там не столько лечатся, сколько отдыхают, совершают деловые сделки, кричат. При этом они изолированы от своих сограждан. Эта важная мысль звучит и в произведениях советской эпохи. В рассказах «Записки молодого врача» М.А. Булгакова врач представляется благородным борцом с невежеством и примитивностью крестьянских масс. Несмотря на то что у него «руки связаны» из-за неблагоприятных условий работы и недостатка техники, он делает чудеса. В противопоставление американскому врачу, выполняющему чисто утилитарную роль, соответствующую адекватной денежной компенсации, здесь врач выступает как мученик и герой.

Советская медицина отставала от западной из-за отсутствия свободного обмена идеями и конкурентного рынка. В условиях дефицита врач в СССР быстро осознал, что он должен его чем-то компенсировать. Если у него не хватало стетоскопов, он умел подходить к больным с успокоительными словами. Если у него не было современных методов лечения смертельной болезни, он приукрашивал прогноз, леча и дух и плоть. В то время как американский больной хвалил инновационный потенциал своей поликлиники, советский больной хвалил самого врача: «У него золотые руки!» Врач приходил к больным. Он навещал и лечил больного в домашних условиях. Таким образом, советскому врачу приходилось своими душевными и про-

В. Ляруш

фессиональными качествами компенсировать недостаток финансовых и технических ресурсов. Идеальный врач для советского населения – это воплощение абсолютного патернализма и альтруизма в равных пропорциях. Опытный врач, внушающий доверие, формулировал план лечения и передавал его пациенту.

Соответственно, одним из существенных барьеров для русскоязычных больных в США часто является незначительный вопрос (который очень легко переводится), заданный больному при первом визите к врачу: «Добрый день.... Меня зовут доктор... Скажите, пожалуйста, с какой целью вы пришли ко мне сегодня?» Русский больной обычно отвечает: «Потому что мне назначили». К сожалению, этот ответ задает тон для дальнейшего лечения этого пациента. Первое впечатление обычно остается надолго. Он отвечает на этот вопрос так, что сразу становится понятно: он всего лишь мелкая сошка в процессе, который он не может контролировать. Его ответ разительно отличается от типичного ответа американского больного: «Я здесь потому, что я нуждаюсь в хорошем специалисте по ногам; мои колени плохо сгибаются». Американский больной видит себя эпицентром обмена, а не инструментом «государства всеобщего благосостояния», даже если государство финансирует его лечение. А реакция врача только осложняет перспективы оптимального лечения пациента. Врач в США имеет мало опыта общения с советскими людьми, и само собой разумеется, что он воспринимает такой ответ как старческий склероз, или умственные ограничения у русскоговорящего больного, или как неточность перевода.

Концепции эффективности и экономии в западной медицине также мешают оптимальным взаимоотношениям между русским пациентом и врачом. Больные часто жалуются, что врач уделяет мало времени на их лечение, говорит с ними не от всей души, а только из корыстных побуждений, что он смотрит больше на компьютер, чем на пациента, и что он недооценивает важность народных средств и советских форм профилактики.

В отличие от американца для советского человека характерно приписывание врачу качеств, которых нет в утилитарной модели. Для того чтобы компенсировать недостатки в технологии и аппаратуре, советский врач должен был внушать доверие к себе. Если западная модель отдает приоритет личности пациента, то советская модель краеугольным камнем считает патернализм в медицине.

Любопытной тенденцией у русскоговорящего пациента является его склонность *играть роль врача в собственном лечении*.

Такой подход диаметрально противоположен медицинскому патернализму. Нередко он говорит: «У меня заболела *печень*... мне надо записаться к нефрологу, у меня *почка простужена*... и т. д.». Заметим, что он не говорит о том, что бок или живот болит, как говорил бы западный пациент, а сам ставит предварительный диагноз. Нередко наблюдается у русских и других иммигрантов и феномен приема лекарства соседа, что вызывает тревогу у врачей. Русский больной также часто перестает, например, пить необходимую таблетку от повышенного кровяного давления или холестерина через пару недель или месяцев в результате уже полученного от лекарства положительного эффекта.

Русскоговорящие больные иногда проявляют контринтуитивное поведение, *хотя они великолепно понимают физиологические процессы организма*. Например советские специалисты отлично понимали, что источник гриппа или простуды – это вирус. Однако реакция русского в случае переохлаждения или промокшей головы на улице зимой будет: вы заболете гриппом, вы простудитесь или у вас будет воспаление легких! Сложно научно уму избавиться от культурных табу, табу, которые тоже были преобладающими недавно в США.

Языковой барьер тоже мешает русским в американских больницах: не потому, что они совсем не знают языка, а потому, что они его знают плохо. В отличие от типичного иммигранта из латиноамериканской страны, у которого нет высшего образования, типичный русский очень гордится своими знаниями. И неважно, если он путает английскую речь с немецким языком, говоря что-нибудь по-немецки, думая, что это английский. Могу привести следующий пример: пациент решает, что он сможет справиться без переводчика. Он имеет на руках англо-русский медицинский справочник и уже несколько лет наблюдается у одного специалиста. Он даже запомнил наизусть главные термины, касающиеся его заболевания: мерцательная аритмия, мочегонное средство, абляция сердца. Врач объявляет ему долгожданное заключение: «In a nutshell, just go ahead and ride it out at this point. I think everything is on par. No need for further meds or excessive disease management». Что?!

Главным психологическим препятствием для советских иммигрантов является *неосознанная боязнь дефицита любого товара или услуги, необходимых им в жизни*. Чтобы понять это, мы должны определить значение глагола «достать» в сознании старшего поколения русских, тех, кто вырос при Сталине. «Достать» для западного человека XXI века – это зайти в кухню, схватить из холодильника колу, или пиво, или все что угодно.

В. Ляруш

Если нет колы или пива в холодильнике, он просто надевает свои кроссовки, заводит машину и заезжает в ближайший супермаркет или магазинчик, работающий допоздна, чтобы купить что ему нужно.

А для среднего человека советской эпохи все было по-другому. Подсознательно возникала мысль, *что в самый последний момент у него отнимут то, что он хочет*. Не хватает товаров и услуг, и поэтому он должен кричать громче, настаивать дольше и бороться лучше. Западный человек никак не может понять, насколько развиты воинственные настроения у русскоговорящего иммигранта в решении проблем бытовой жизни. Он принимает это за высокомерие и может предположить, что выходцы из бывшего СССР склонны к требовательности, доходящей до грубости.

Каждый год Армия спасения Бостона раздает малоимущим семьям еду на День благодарения. Все (в основном иммигрантское население города) знают заранее, когда и куда надо идти, чтобы взять продукты, и чего именно ждать. К сожалению, русскоговорящие клиенты с трудом переносят неизбежные задержки и опасаются того, что им не дадут пищи. Они подсознательно думают, что их пайки уже кончились, потому что некая расплывчатая элита уже ограбила всех и руководство Армии спасения их водит за нос. В прошлом году ситуация вышла из-под контроля и русскоговорящие пожилые женщины набросились на представителя Армии спасения и сорвали с него погоны. Была вызвана полиция Бостона. Взаимопонимание между группами было разрушено.

Другой пример иллюстрирует «советское» отношение к дефициту. Пожилой русскоговорящий готовился к выписке из больницы после двух проведенных там дней. К нему пришла социальный работник обсудить возможные варианты его послеоперационного периода. Она предлагала ему возможность обеспечения транспортировки в больницу в ближайшем будущем. Беседа шла нормально, пока она не подчеркнула, что абсолютной гарантии не дает. В этот момент лицо у больного вдруг искривилось, как будто бы он хотел сказать: «В принципе у больницы есть это обслуживание; но, очевидно, я не среди тех лиц, которым положены эти ограниченные привилегии. Как в бывшем СССР, кончается в самый последний момент то, что мне раньше предлагали, потому что другие уже отняли у меня эту привилегию. Меня обманывают!» Пациент не мог понять, что уровень обслуживания не зависит от похвалы важных фигур или настойчивости. Особенно сложно пожилым людям из бывшего СССР избавляться от укоренившихся привычек «доставать» дефицитные вещи.

Респондентами в моем исследовании выступили терапевты, кардиологи, невропатологи, гастроэнтерологи, ревматологи, специалисты по инфекционным заболеваниям, техники, медсестры, физиотерапевты, переводчики с русского и других языков и помощники по административным вопросам.

По моим данным, собранным на основе опросов, американские врачи следующим образом охарактеризовали свои отношения с русскоязычными пациентами:

1) 70% охарактеризовали отношения между врачом и больным действенным партнерством, 3% – враждебным партнерством, 3% – партнерством между врачом и семьей;

2) 43% считают, что русскоговорящие пациенты более требовательны к обслуживанию, чем коренные американцы, 10% – менее требовательны, 47% – нет разницы;

3) в налаживании партнерства с врачом 67% считают, что русскоговорящие пациенты придерживаются профессиональных рамок общения, 33% – русскоговорящие путают профессиональные и личные рамки;

4) 63% считают, что их здоровье не хуже и не лучше, чем у их американских ровесников, 20% – лучше, 17% – хуже;

5) 3% считают, что русскоговорящие лучше американцев понимают роль терапевта в США, 40% – хуже, 57% – не лучше и не хуже;

6) 30% считают, что русскоговорящие больные более склонны соблюдать указания врача, чем американцы, 53% – менее склонны, 17% – не менее и не более;

7) 10% думают, что русские лучше разбираются в физиологических процессах, чем американцы, 57% – не лучше и не хуже, 33% – хуже;

8) 20% считают, что русскоговорящие лечатся реже, чем надо, 20% – чаще, чем надо, 60% – столько, сколько надо;

9) 30% подтвердили, что сталкивались с русской тенденцией лечиться народными средствами, 70% – не сталкивались с этим;

10) 30% оценили английский язык русскоговорящих в среднем лучше, чем у других групп иммигрантов, 43% – не хуже и не лучше, 27% – хуже.

Почти половина респондентов считают, что русскоговорящие пациенты более требовательны, чем американцы, к процессу лечения. На первый взгляд это непонятно, потому что советская система не поддерживала стремление граждан разрабатывать новаторские решения по собственной инициативе. Однако если смотреть глубже, это ощущение со стороны американских медработников,

В. Ляруш

наверное, относится к вопросу реакции русскоговорящих на возможность дефицита, испытанного ими в бывшем СССР. Соответствующим образом, эти пациенты иногда берутся за старое – создают больше шума, чем другие пациенты, думая, что это оптимальный вариант добиться своих целей.

Из-за языкового барьера пациент мог повышать свой голос или высказываться несколько грубо. У американца, не понимающего русский язык, это может вызвать дискомфорт. В конечном счете одно дело – выслушивать человека, который высказывает свои жалобы на понятном языке, но совсем другое – когда человек раздражается и запугивает вас на очень плохом английском.

Постоянным источником раздражения для американского врача является привычка русскоговорящих пациентов подбирать и регулировать лекарственный режим на свой лад. Приведем классический пример. Больной – гипертоник. Врач рекомендует ему принимать то или иное средство для снижения давления каждый день. Так как русские измеряют кровяное давление регулярно дома, пациент видит улучшение. Получив отличные данные и решив, что это средство ему больше не нужно, он перестает пить лекарство. После этого давление резко повышается, вызвав больше проблем, чем было бы, если бы пациент сам не сыграл роль врача в этом вопросе.

Проблема заключается в том, что русскоговорящим больным сложно понять, что любой медикаментозный режим имеет продолжительный характер. Его цель – выравнять скачки показателей. В конце концов неизбежные скачки любых показателей – факт жизни, совсем ликвидировать их нельзя. Но как уменьшать эти скачки? Медицина считает, что постоянный курс лечения будет наилучшим вариантом сблизить высокие и низкие показатели.

В свою очередь, русскоязычные больные по-своему оценили собственные отношения с американскими врачами:

1) 80% предпочли врача, умеющего пользоваться самым новым оборудованием, 20% – врача, который может успокаивать больного;

2) 40% считают, что пациент имеет право на последнее слово в отношении его лечения, 50% – что врач, 10% – что семья пациента;

3) что такое информированное согласие: 3% – врач согласен делать, то, что хочет больной, 20% – врач предлагает все аспекты лечения, больной согласен, 77% – консенсус всех заинтересованных сторон.

Все мои русскоговорящие респонденты живут в Большом Бостоне. Среднее время пребывания в эмиграции – 8 лет. Всем без исключения – за 50 лет. Половина из них могут говорить по-английски на начальном уровне, но практически не понимают среднего образованного американца. Некоторые формально учат английский язык, но без особого успеха, в результате того что не находятся в англоязычной среде ежедневно.

Большинство русскоязычных пациентов были высокого мнения об американской медицине. Однако, по тем же самым данным, *не было и тотального отрицания советской медицины*. Самым сложным аспектом жизни на Западе для русскоязычных иммигрантов является приоритет личности.

Изучение опыта взаимодействия русскоязычных пациентов и американских врачей позволяет сделать некоторые выводы. Сама по себе болезнь, являясь экстремальным состоянием, актуализирует некоторые внутренние характерные поведенческие стереотипы. Эти стереотипы могут в обычной жизни подавляться внешним окружением, локализацией жизненного пространства, стремлением адаптироваться к новому жизненному укладу и др. В условиях же болезни у пациента, находящегося в инокультурной и иноязычной среде, проступают укорененные нормы и стереотипы поведения. Для иммигрантов из Советского Союза наиболее устойчивой оказывается потребность в сочувствии, понимании, сопереживании со стороны медицинского персонала, не меньше чем потребность в квалифицированной помощи специалиста. В сравнении с американскими пациентами бывшие граждане СССР по-разному понимают свою самостоятельность и ответственность: они склонны к самодиагностике, принятию самостоятельных решений о начале и прекращении лечения, выборе лекарственных препаратов. При этом они не умеют юридически отстаивать свои права, не проявляют должного внимания к бюрократической стороне лечения. Их доверие к медицинскому учреждению сопровождается значительной долей подозрительности и боязни недополучить внимание, лекарства, обслуживание. Все это позволяет предположить, что коммуникативный процесс является достаточно сложным, а культурные стереотипы не позволяют его целенаправленно корректировать.

- 1 См.: *Farmer R.G., Ziganshina L.E., Sirotkin A.Y., Greenberg H.M.* The Russian Health Care System Today: Can American-Russian CME Programs Help? // *Cleveland Clinic Journal of Medicine*. 2003. Vol. 70, № 11. P. 937.
- 2 См.: *Baj P.* Integrating the Russian émigré Nurse into U.S. Nursing // *JONA*. 1995. Vol. 25. № 3. P. 43.
- 3 См.: *Veatch R.M.* *Cross-Cultural Perspectives in Medical Ethics*. 2^d ed., NY., 2000.
- 4 *Grabbe L.* Understanding Patients from the Former Soviet Union // *International Family Medicine*. 2000. Vol. 32, № 3. P. 201.
- 5 См.: *Faria M.A.* The Perversion of Science and Medicine. P. 2: Soviet Science and Gun Control // aapsonline.org/jpands/hacienda/article7.html

Аннотации

Бойко С.И.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В статье предпринята попытка аргументировать, почему внимание политической власти России к восстановлению военно-политического потенциала государства естественно и обоснованно. На примере военно-политического потенциала показано, что политическая наука позволяет проследить положительный вектор корреляции общего политического потенциала государства с неполитическими потенциалами основных признаков государства, что от соответствия реального государства своим теоретическим политологическим признакам зависит политическая стабильность исследуемого государства. В современной трансполитической практике способность как потенциальная возможность (наличие ресурсов) и потенциальная решимость (наличие политической воли) использования военно-политического потенциала для достижения политических целей продолжает оставаться одним из определяющих факторов как внешнеполитической, так и внутривнутриполитической стабильности.

Ключевые слова: сила оружия, совокупность потенциалов государства, факторы стабильности.

Гордеева М.А.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК СПРОЕКТИРОВАННЫЙ КОНФЛИКТ

Стабильность как парадигма социального развития становится все более привлекательной по мере развития таких явлений, как общество потребления и социальное государство.

Политическая стабильность может быть наилучшим образом воплощена через применение демократических механизмов, позволяющих реализовать представительство во власти и тем самым снизить уровень конфликтности. С другой стороны, необходимо принимать во внимание тот факт, что демократические государства никогда не могут реализовать свой потенциал полностью.

Поэтому, хотя стабильность и является одной из обязательных составляющих успеха политического режима, она никогда не может быть реализована в удовлетворительном для снятия конфликтности варианте.

В современной России стабильность с недавнего времени воспринимается как одна из базовых ценностей. Анализируя российский выбор, необходимо исследовать реализацию стабильности в трех измерениях: как системный компонент, как воспринимаемое явление политической жизни и как компонент новой парадигмы развития.

Автор приходит к выводу, что в принципе возможно создать новую политическую систему, в значительной степени работающую через реализацию политической стабильности, но необходимо обеспечить ее динамику и гибкость, а также способность реагирования на потребности общества в конкретный момент и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: стабильность, политическая стабильность, демократия, конфликт, развитие.

Денисов Д.А.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Феномен образа врага привлекает большое внимание современных исследователей. В предлагаемой статье ставится вопрос о необходимости создания системы универсальных признаков образа врага для идентификации этих образов в массовой коммуникации. Автор на основе анализа и синтеза нескольких десятков исследовательских работ о проблеме образа врага, представляющих различные подходы и научные дисциплины, выносит для дальнейшего обсуждения научного сообщества оригинальный набор из 12 универсальных признаков образа врага. В завершении статьи приведен анализ предвыборных программ двух политических партий на предмет наличия этих признаков в текстах.

Ключевые слова: политические коммуникации, избирательные технологии, массовое сознание, манипуляция, ксенофобия, образ врага, деструктивная символика.

Иллерицкая Н.В.

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ: ТРАЕКТОРИЯ ПРЕЗЕНТИЗМА

В статье предпринята попытка сосредоточиться на проблеме презентизма в истории и политологии. Взаимодействие истории и политологии проявляется в единстве предметов и методов исследования.

Примат настоящего актуализирует создание национальных историй и идеологических направлений, что еще больше сближает историю и политологию.

Ключевые слова: история, политология, презентизм, идеология, конструирование.

Ирхин Ю.В.

«ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» КАК ФОРМА ИНТЕРАКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНАМИ

В статье рассматриваются теоретические основы «электронного правительства» как формы интерактивной коммуникации между органами власти и гражданами. Дается анализ достижений «электронного правительства» и его проблемных сторон на примере США, Канады, Великобритании, Финляндии, Кореи, Сингапура и России. Показывается значение различных составляющих «электронного правительства»: технологической, профессиональной, управленческой, этической. Особое внимание уделяется раскрытию особенностей становления и функционирования «электронного правительства» в современных российских условиях: его состоянию, результатам и недостаткам. Формулируются актуальные задачи для его дальнейшего развития и оптимизации.

Ключевые слова: электронное правительство, интерактивная политическая коммуникация, «электронная Россия».

Калмыков А.А.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ СЛОВА

В статье предлагается модель принципа свободы слова, состоящая из четырех конкурирующих компонент: свобода слова, гласность, защита информации и защита от информации. Доказывается, что политический потенциал медиа заключается в балансе присутствующих в модели отношений.

Ключевые слова: гиперреальность, модель, принцип свободы слова, гласность, защита информации, защита от информации, политический потенциал медиа, баланс отношений.

Кара И.В.

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ДОВЕРИЯ

Проблема доверия вызывает огромную заинтересованность у исследователей в сфере таких гуманитарных наук, как философия, психология, социология, политология. В статье автор уделяет наибольшее внимание феномену доверия в политической среде. Доверие населения является основополагающей составляющей карьеры политических акторов. Пренебрежение политического игрока доверием и отказ следования общественным интересам ставит под большой вопрос его существования в будущем в политической среде. В России сегодня по сравнению с 90-ми годами наметился перелом в отношении к власти. Оказанное населением доверие к власти необходимо развивать с помощью не только правильно проводимых реформ, но и коммуникативной стратегии. Ее разработке и использованию необходимо уделить более пристальное внимание, так как в улучшении доверия к власти это может сыграть огромную роль.

Ключевые слова: феномен доверие, властные институты, коммуникативная стратегия, социальные явления, выборы.

Левадная А.В.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ PR-КАМПАНИЙ В ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В России, где финансовый рынок подвержен влиянию политической конъюнктуры, взаимозависимость между имиджем и инвестиционной привлекательностью бизнеса выражена даже сильнее, чем на Западе. Корпоративная проблема качества PR-работы в отдельные периоды приобретает очень сильное общественное звучание. Все более значимым внутри различных экспертных сообществ становится осмысление вопросов об эффективности PR-деятельности и поиска критериев, с помощью которых можно было бы не только оценивать усилия специалистов в области PR, но и формировать наиболее стратегически важные направления такой работы.

Ключевые слова: оценка эффективности, PR-технологии, модели экономической эффективности, модели коммуникационной эффективности.

Ляруш В. (Veronica Larouche)

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПАЦИЕНТЫ В США:
МОДЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируются противоречия в коммуникативном взаимодействии, выявляющиеся в процессе общения русскоязычных больных и американского медицинского персонала. Частный случай позволяет выявить некоторые из наиболее устойчивых стереотипов, характерных для «советской» модели поведения. Статья освещает вопросы на основе личного опыта автора, работающего переводчиком в медицинских учреждениях Бостона (США).

Ключевые слова: коммуникация, медицинская культура, стереотип, привилегия, дефицит, иммиграция.

Митрахович С.П.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ЦЕННОСТНОЙ
«ИГРЫ» РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В настоящий момент наблюдается наличие двух разнонаправленных тенденций в российской партийной политике, связанных с проблемой идеологии и «ценностной игры». С одной стороны, происходит «картелизация» и «технологизация» партий – партийные структуры, существующие фактически как клиентелы, отказываются от четких идейных позиций. Идеология «виртуализируется», превращаясь в набор лозунгов, востребованных максимально широкой аудиторией. С другой стороны, ожидания «переформатирования» партийного пространства и ухода старых лидеров заставляют влиятельные силы внутри практически всех партий сохранять идейную и ценностную идентичность хотя бы на локальном, (квази)фракционном уровне, что парадоксальным образом стимулирует вполне реальные идеологические и «ценностные» «войны» даже внутри административных партий клиентелистского типа.

Ключевые слова: партии, идеология, фракционность, российско-европейские отношения, идентичность.

Михалева Г.М.

ЭВОЛЮЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Административные партии – организации созданные властью для завоевания и закрепления собственных позиций. Они используются начиная с учредительных выборов 1993 г. и достигли своего совершенства с созданием управляемой партийной системы в современный период. Административные партии имеют ряд особенностей, позволяющих сравнить их с современными картельными партиями, но выполняют лишь ряд функций. Они являются инструментом самоорганизации элит, но не формулируют и не представляют интересы групп населения, т. е. не связывают власть с обществом.

Ключевые слова: административные партии, самоорганизация элит, власть, партийная система.

Нарсия Г.М.

ПРЕОДОЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Выход России из коммунизма сопровождался размыванием устойчивого советского мифа и формированием целого ряда новых мифологем. В этом процессе весьма существенную роль играли неформальные институты и практики, посредством которых существенным образом менялись содержание и смысл политики и политического. В статье выявляются и анализируются противоречия, которые возникали в процессе преодоления советского прошлого, обобщается складывающийся опыт и основания, на которых формировались новые социально-политические ориентиры.

Ключевые слова: политическая жизнь, политическая информация, слухи, политический миф, политические символы.

Сапронова М.А.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ И СОЦИАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: В ПОИСКАХ ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА (на примере Туниса)

Проблема политического лидерства является одной из самых актуальных в современной науке. Харизматический лидер всегда был центральным звеном политической системы арабских стран. Однако политические реформы конца XX в. сопровождались изменением взглядов

на отношения между обществом и лидером, изменился тип политического руководства, а также методы и механизмы интеграции различных социальных сил вокруг лидера, что способствует постепенному преодолению волюнтаристских моделей социального регулирования и вовлекает все большее число граждан в политический процесс. Ярким примером лидера нового типа (обладающим крайне широкими конституционными полномочиями, но проводящим политику, направленную на дальнейшую демократизацию страны, в рамках которой формируется широкий национальный консенсус) является президент Туниса.

Ключевые слова: харизматический лидер, политическая система, реформы, демократизация, национальный консенсус.

Федотов Н.А.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ РОССИЙСКОГО ФОНДОВОГО РЫНКА

Политические риски российского фондового рынка исследуются на примере конкретных политических событий. Автор рассматривает следующие группы событий: выборы президента и Государственной думы; смены правительства; ежегодные послания президента Федеральному собранию; террористические акты. Анализируется влияние политических событий на динамику российских фондовых индексов РТС и ММВБ. В результате исследования выявляются позитивные, негативные и нейтральные эффекты.

Ключевые слова: политические риски, фондовый рынок, политические события, биржевые индексы, российский бизнес.

Харкевич М.А.

ВНЕСИСТЕМНОСТЬ «ГОСУДАРСТВ-ИЗГОЕВ»: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ РИТОРИКА?

В статье анализируется актуальный вопрос о внесистемности «государств-изгоев» как факторе трансформации Вестфальской модели мира. Определив внесистемность как поведение, подрывающее исключительно первичные институты международного общества, такие как территориальность, национальный суверенитет и «raison d'état» в случае Вестфальской системы мира, делается вывод, что «государства-изгой» являются системными акторами, несмотря на нарушения с их стороны ряда международных режимов.

Ключевые слова: государства-изгой, внесистемность, институты международного общества, Вестфальская модель мира.

Штейнман М.А.

НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье затрагивается вопрос массовой культуре как о поле взаимодействия политического мифа и идеологии. Особое место уделяется раскрытию специфики современных трактовок политического мифа, а также различным подходам к рассмотрению массовой культуры как коммуникативного феномена. Далее на примере российского кинематографа (фильмы «1612», «Александр. Невская битва», «Мы из будущего») прослеживается, как схемы мифа находят свою реализацию в массовой (мозаичной) культуре, будучи вовлеченными при этом в современный политический дискурс.

Ключевые слова: миф, массовая культура, идеология, власть, политология.

Abstracts

N.V. Illeritskaya

HISTORY AND POLITOLOGY: TRAJECTORY OF PRESENTISM

The author of this article pays attention to the problem of presentism in historical and political sciences. It is argued that positive and negative sides of presentism are mutual for history and politology.

A.A. Kalmykov

ON ACTUAL POLITICAL POTENTIAL OF FREEDOM OF SPEECH PRINCIPLE

It is put forward the model of principle of Freedom of speech. This model consists of four competitive components: freedom of speech, publicity, privacy and information protection. It is proved that political potential of modern media is based on balance of these components.

I.V. Kara

ESTABLISHING POLITICAL TRUST THROUGH ENHANCING COMMUNICATION STRATEGIES

Research of trust in modern society is described in the article as an cross-disciplinary field.

The author primarily deals with this phenomenon or trust in political sphere. It is argued the growing importance of political trust in nowadays Russia. It is proved the necessity of establishing special communication strategies aimed at improving trust among different political actors and mainly in “government – citizens” relations.

M.A. Shteynman

NON-POLITICAL POTENCY OF POLITICAL MYTH

Communicative potency of political myth is determined by its creativeness and flexibility which in their part are connected with

current social and cultural situation. As a matter of fact, political myth rooted in the sphere of mass culture. Using so-called mythologemes, or archetypes gives a possibility of creating "secondary myth", where political discourses is disguised under cover of entertainment.

Russian cinematography is gradually becoming a special field of establishing new model of national identity by means of mythologization of history. Thus, there appeared a number of films considering and revising Russian history according to present-day requirements. These are "1612: Chronicles of Time of Troubles" (2007), "We are from future" (2008) and "Alexander. The Neva Battle" (2008).

S.I. Boyko

MILITARY-POLITICAL POTENTIAL AS A FACTOR OF POLITICAL STABILITY

There is an attempt in the article to explain why attention of the political power of Russia to restoration of the military-political potential of the state is natural and well argued. It is shown on the example of the military-political potential that political science enables to trace a positive correlation vector of overall political potential of the state with non-political potentials of the main characteristics of the state. Besides, it is shown that political stability of a state under survey depends on correspondence of a real state to its theoretical political features. In modern transpolitical practice the ability as a potential capability (availability of resources) and potential determination (availability of political will) of using the military-political potential for reaching political aims continue to remain one of the decisive factors of both foreign and home policy stability.

M.A. Gordeyeva

POLITICAL STABILITY AS A POTENTIAL CONFLICT

Stability as a paradigm of social development is becoming more and more attractive worldwide with advance of such concepts as "consumer society" and "social state".

Political stability can be best implemented through a number of democratic mechanisms allowing for the necessary representation

and decreasing tension attributed to inability to satisfy needs of all the social groups. On the other hand, one should be extremely cautious and take into account the innate conflict between the ideal representation in democracy with its equality of opportunities and the reality which deforms a lot in this balance.

Thus, stability seems to be an essential component of success of an regime and its proper functioning but, on the other hand, the discrepancy between the ideal mode of democratic organization and the realistic one is potentially extremely dangerous.

In Russia, "stability" is attributed a very peculiar meaning of one of the basic values in the society.

Understanding Russian unequivocal choice for stability implies analyzing the phenomenon in the context of the 3 major dimensions: political leadership, political psychology and the dynamics of political development.

The author comes to the conclusion that it is possible to design a new political system that should definitely have "political stability" as its vital component ensuring continuity but the change should be ensured by the system that can be best called "reflexive management" based on fast response to challenges, flexibility and reaction to the feedback coming from the grass-root level of the society.

S.P. Mitrakhovich

LOCALIZATION OF THE IDEOLOGICAL AND AXIOLOGICAL "GAME" OF THE RUSSIAN POLITICAL PARTIES

Ideological life of the modern Russian political parties goes through some very special transformation. On the macro-level ideological identities tend to become nearly "virtual" and correspond just to current technological aims of each party. Values as "flexible priorities" turn into effective instrument for major Russian parties that combine in their activity the use of administrative resource and catch-all principle. But at the same time on the micro-level of party politics ideological and theoretical discourses seem to experience a kind of revival. Expectations for reformatting of the major actors of party politics force leaders to preserve axiological identities at least on local level, thus increasing the significance of factions (or splinter groups) inside parties. This becomes apparent when we examine discursive context of the Russian political parties related to foreign politics (especially EU-Russia relations). Actual interaction

between internal factors of Russian politics and the foreign policy of Moscow provide partisan factions with additional motivation to proceed with the formation of their own “separate” ideological identities and positions in the axiological field.

G.M. Mikhaleva

EVOLUTION OF ADMINISTRATIVE PARTIES IN MODERN RUSSIA

Administrative parties are the organizations created by the power for a gain and fastening of own positions. They are used since constituent elections of 1993 and have reached the perfection with creation of operated party system during the modern period. Administrative parties have a number of features allowing them to compare with modern cartel parties, but carry out a number of functions only. They are the tool of self- organization of elite, but don't formulate and don't represent interests of groups of the population, i.e. don't connect the power with a society.

D.A. Denisov

IDENTIFICATION OF “THE IMAGES OF THE ENEMY” IN POLITICAL COMMUNICATION

Modern researches pay considerable attention to the “Image of the enemy”. The author points out the necessity to build a system of universal attributes for the “Images of the enemy”. The system would help to identify such Images in mass communication messages. The author proposes the original set of 12 universal attributes correspondent to this system. Comprehensive empirical data is put forward in the article to proof the suggested system model of “Images of the enemy”.

G.M. Narsiya

OVERCOMING THE SOVIET PAST: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

One of the most debated questions in the study on the Soviet political culture is the question of content and quality of the politics during the late Soviet epoch. From one side, Soviet state had clearly expressed political institutions and structures common to developed political sphere. There were political systems, political culture, political relations in the Soviet Union. From other side the level of participation

of the population in the political life is still under debates. This is partly explained by the fact that in the USSR formal institutions and formal traits of social and political life were highly developed. However, real practice was very different. The paper analyses Soviet political culture through this perspective. It is argued that these approach can also contribute to the study of the Post-Soviet political processes.

M.A. Sapronova

POLITICAL PLURALISM AND SOCIAL STABILITY:
LOOKING FOR CHARISMATIC LEADER
(TUNISIA AS AN EXAMPLE)

The problem of political leadership is one of the most actual of the contemporary science. A charismatic leader has always been the central link of political systems of Arab countries. However political reforms at the end of XX century were accompanied by changing of the opinions on relations between society and leader, changing a type of political leadership and also methods and mechanisms of integration of different social forces around a leader, that now gradually promotes overcoming of libertarian models of social regulation and involves a great number of citizens to political process. The Tunisian president is a brilliant example of a new type leader. He has vast constitutional powers, however he conducts a policy aimed at a furthest democratization of the country, and within the scope of it a broad national consent should be formed.

N.A. Fedotov

POLITICAL RISKS OF RUSSIAN STOCK MARKET

Political risks of Russian stock market are investigated on the basis of certain political events. Author describes following event-groups: President and State Duma elections; Government changes; President's annual messages to Parliament; terrorist acts. Influence of political events on Russian stock indexes (RTS and MICEX) dynamics is analyzed. As a result of the research, positive, negative and neutral effects are observed.

Yu.V. Irkhin

E-GOVERNMENT AS A POLITICAL COMMUNICATION
PLATFORM

The article deals with theoretical basis of the e-government. The author describes a range of achievements and problems of the e-governments in the USA, Canada, Great Britain, Finland, Republic of Korea, Singapore and Russia. It is characterized different components of the e-government practices: technology, cybernetic, government, ethic, etc. The author describes particularity of the Federal Russian e-government and its perspectives and problems.

A.V. Levadnaya

ON GROWING INTERDEPENDENCY OF POLITICAL
COMMUNICATIONS, PR-TECHNOLOGIES
AND INVESTMENT RELATIONS ON MODERN RUSSIA

It is argued the growing importance of political communications for functioning of financial markets in modern Russia. This tendency is supposed to be a new PR-activities mission area. The author describes parameters of effectiveness for PR-activities multilevel model. It is put forward an idea of growing social responsibility of PR-activities in political communications field and in investment relations.

M.V. Kharkevich

ROGUE STATES AS NON-SYSTEMIC ACTORS:
REALITY OR RHETORIC

The article discusses whether rogue states are non-systemic actors in the transforming Westphalian international society. It is argued that if non-systemic behavior is defined as one, which undermines the primary institutions of the international society such as territoriality, sovereignty and *raison d'état*, then rouge states are systematic actors. Although their behavior jeopardizes some of the international regimes, it still reproduces the core institutions of Westphalia.

V. Larouche

RUSSIAN-SPEAKING PATIENTS IN THE USA:
THE MODEL OF COMMUNICATION

The difficulties in communication between Russian patients and American doctors are analyzed in the article. A particular case helped to find some standard stereotype typical for modern way of behavior.

The article touches upon the question based on personal experience of the author working as an interpreter in Boston medical centers (USA).

Сведения об авторах

Бойко Сергей Иванович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ. Сфера научных интересов – феномен политической стабильности и проблемы обеспечения политической стабильности; государственные механизмы, национальные и международные аспекты обеспечения политической стабильности; политические партии и стабильность политической системы в условиях демократических преобразований.

Гордеева Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент, специалист в области политической конфликтологии, автор работ в сфере исследования современных социальных и политических конфликтов.

Денисов Денис Андреевич – аспирант факультета истории, политологии и права. Сфера научных интересов – различные проблемы политической коммуникации, социальной психологии и маркетинга, коммуникативные технологии использования образа врага, деструктивная символика в массовой коммуникации.

Иллерицкая Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор. Специалист в области истории исторической науки, интеллектуальной истории, истории России XIX–XX вв.

Ирхин Юрий Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общей и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ, профессор кафедры политологии и политического управления РАГС (Российской академии госслужбы при Президенте РФ), академик Академии гуманитарных наук и Академии политической науки РФ, автор федеральных учебников «Политология», «Социология культуры».

Калмыков Александр Альбертович – кандидат педагогических наук, доцент, член Союза писателей России, Русского географического общества РАН, Психологического общества России, Философского общества РАН, международной конфедерации журналистских союзов. Сфера научных интересов – философская антропология, теория коммуникаций (коммуникатология), экологическая психология, дистанционное образование, виртуалистика, журналистика.

Кара Иван Васильевич – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ.

Сфера научных интересов – проблема доверия общества к власти, доверия к президенту.

Левадная Анастасия Викторовна – аспирантка кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ. Сфера научных интересов – PR-технологии в политической сфере, оценка их эффективности, позиционирование российского бизнеса и власти в западных средствах массовой информации

Ляруш Вероника (Veronica Larouche) – магистр славистики, специалист в области речевых коммуникаций, переводчик в медицинских учреждениях (США).

Митрахович Станислав Павлович – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ, ведущий эксперт Центра политической конъюнктуры России, специалист по прикладному политическому прогнозированию. Сфера научных интересов: теоретические проблемы сочленения и взаимозависимости внутренней и внешней политики; современная история ЕС; актуальный политический процесс внутри РФ в контексте внешней политики Москвы и конъюнктуры глобальных тенденций мирового развития; становление российской партийной системы и экспертного сообщества.

Михалева Галина Михайловна – кандидат философских наук, Dr. Phil (Бременский университет), доцент, автор многочисленных работ на немецком, английском и русском языках по политической регионалистике, транзитологии, сравнительной политологии, внешней политике.

Нарсия Гоца Мегонаевич – преподаватель кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ, специалист по проблемам политических и культурных коммуникаций современности.

Сапронова Марина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент Учебно-научного центра политологии и антропологии современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ.

Федотов Николай Александрович – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ, специалист в области government relations, оценки политических рисков, отношений власти и бизнеса в современной России

Харкевич Максим Владимирович – аспирант кафедры мировых политических процессов факультета политологии МГИМО (У) МИД России. Научные интересы – теория международных отношений; широкий круг вопросов, связанных с трансформацией национального государства в современной мировой политике.

Редактор *О.Н. Панкова*
Корректор *Л.П. Бурцева*
Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 05.12.2008.
Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 13,8. Уч.-изд. л. 14,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 288

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Публицистический аспект комедиографии Екатерины II

Журнал «Вестник РГГУ»
по различным аспектам гуманитарных знаний
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи
без ограничений (индекс 36626).

Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!